

Индекс П8643

3
2019

РОССИЯ XXI 2019 3

РОССИЯ XXI

3.2019 май-июнь

Теория и практика политических игр

Леонтий Бызов

Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет.
Три этапа трансформации общественного сознания»
(окончание) _____ **6**

Страницы истории

Сергей Новосельский

Власть против революции:
проекты силового преодоления революционного кризиса
1905 г. в России _____ **28**

Оксана Киянская, Давид Фельдман

Типология единства: литературные сообщества
конца XIX – начала XX веков _____ **54**

Ярлыки и мифы

Валерий Солдатенко

Христиан Раковский в революционных событиях
в Украине (1918–1923 гг.): поиск современных
научных акцентов (окончание) _____ **86**

Ресурсы нации

Алла Морозова

Пролетарский университет:
идеи и практика _____106

Россия в мире

Кирилл Соловьев

Государство и власть:
прошлое и перспективы в общественной
мысли Русского Зарубежья _____132

Актуальный архив

Олег Захаров

«Я вполне уверен, что русские люди
желают мира и безопасности ничуть
не меньше, чем мы, а может,
даже и более горячо» _____162

Редакционная почта

Рой Медведев

Возможен ли прорыв? _____176

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постагыйный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

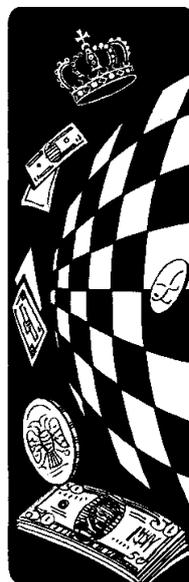
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Когда справедливость исчезнет, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей.

Эммануил Кант

Чтобы научить людей любить справедливость, надо показать им результаты несправедливости.

Адам Смит

Леонтий Бызов

**ДИНАМИКА
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ**

**ТРИ ЭТАПА
ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ***

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК
324

В статье, основанной на результатах исследований ИС РАН и ВЦИОМ, показана эволюция идейно-политических предпочтений россиян за последние четверть века. Прослеживается переход от советского типа массового сознания к западническому, к умеренно-государственническому в «нулевые» и к консервативному в десятые. Автор выявляет перспективы дальнейшей динамики на основании вектора массового общественного запроса.

The article, based on the results of research of is RAS and VTSIOM, shows the evolution of ideological and political preferences of Russians over the past quarter century. The transition from the Soviet type of mass consciousness to the Western one to the moderate-state one to the "zero" is traced. The author reveals the prospects of further dynamics on the basis of the vector of mass public demand.

Ключевые слова: ценности; массовое сознание; общественный запрос; консерватизм; либерализм; западничество; перемены; социальная справедливость.

Key words: values; mass consciousness; public inquiry; conservatism; liberalism; Westernism; changes; social justice.

E-mail: Leontiy13@mail.ru

---

* Окончание. Начало см.: Россия XXI. №1. С.6; №2. С.6.

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

Консервативный этап реформ

Что же произошло при переходе от второго к третьему этапу трансформации системы массовых ценностей? В обществе с конца 90-х годов назрела совсем не консервативная, а

неоконсервативная «революция», если слово «революция» к этому процессу вообще применимо. Не революция, а контрреволюция, связанная с завершением переходного периода и выстраиванием устойчивого порядка.

Медленно, но выстраивался консервативно настроенный средний класс, как обычно совершенно не заинтересованный в революциях. Вполне буржуазный по ценностям, он хотел жить и преуспевать в обществе с устоявшимися правилами игры, а не превращать Россию в осажденную крепость и тем более не превращаться в «радиоактивный пепел» в ядерных войнах. Именно неоконсервативная общественная середка была опорой режима вплоть до осени 2011 г., возвращения В.Путина.

Однако после 2011 г. власть сделала совершенно осознанно своей опорой наиболее архаичные слои общества, а негласной идеологией режима – консервативное охранительство, прикрывающееся идеями «русского мира», хотя не было никаких оснований полагать, что судьба «русского мира» реально занимает умы власть предержащих. А неоконсерваторы, умеренные центристы, ориентированные на медленную интеграцию с Западом, превратились в маргиналов, «пятую колонну». Таким образом, причины роста консервативных настроений и ценностей в период с 2012 г. лежат преимущественно в политической, а не социологической плоскости.

Страна встретила 2012 г. в неплохом социально-экономическом положении, успешно преодолев кризис 2008 года. Цены на нефть продолжали оставаться высокими. Медленно, но уверенно шла экономическая и социальная модернизация, пусть и намного медленнее, чем в самые первые годы «нулевых». Рос и укреплялся достаток среднего класса.

Так что же побудило немалое число горожан в мегаполисах выйти на беспрецедентные по тем временам акции протеста? Изменилась система ценностей? Тоже вроде бы нет, она носит исключительно инерционный характер. Однако люди вышли, люди разного социального положения и

убеждений, чтобы сказать власти, что они тоже есть и с ними надо считаться. И не считать их только объектом политических манипуляций.

Власть эту протестную активность восприняла как угрозу, и из двух вариантов реакции – широкой политической реформы, проанонсированной уходящим Д.Медведевым, и пресловутым «закручиванием гаек» – выбрала второй ответ. Жесткое столкновение на Болотной площади в мае 2012 г. положило начало новому путинскому сроку.

Затем последовали достаточно странные и сырые законопроекты о детях-сиротах, о гей-пропаганде, об оскорблении чувств верующих. Они выполнили свое предназначение, отколов от недовольной либеральной массы как умеренных, так и радикальных националистов, патриотов-державников и левых, заставив демонизированных пропагандой «либералов» выступать с критикой этих законов и репрессивных мер (потому что они сами «кошунники и охальники», как выразился один мой знакомый).

Потом – резкое ухудшение отношений с Западом еще во второй половине 2013 г., бойкот со стороны западных лидеров Сочинской олимпиады, киевский майдан, переворот в Киеве, воспринятый Россией как негласное объявление войны, присоединение Крыма в марте 2014 г., которое, наряду с последующими событиями на юго-востоке Украины, зафиксировало состояние новой «холодной войны».

Дальше санкции и контрсанкции, война в Сирии, ну и дальше, как говорится, «с остановками по всем пунктам». Россия все больше стала превращаться в осажденную крепость, а власть – в военную, мобилизационную, добиваться замены которой в военное время – предательство. Слова «предатели», «пятая колонна», «либерасты» стали неотъемлемой частью российского политического лексикона. К этому процессу активно подключилась и РПЦ, то устраивавшая «антилиберальные» молебны, то объявлявшая крестовый поход против западных морали и ценностей.

Стоит ли удивляться тому, что в этих условиях податливое массовое сознание, даже весьма встревоженное негативными процессами в экономике и социальной сфере, предпочло проголосовать за власть.

Не имея возможностей обсуждать по существу причины разворота общественного мнения в 2014 году, скажем, что поляризация оценок, искусно нагнетаемая российскими властями, запустила опасный механизм, в полной мере проявивший себя лишь в 2018 году. Режим остался

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

в одиночестве – за него еще готовы голосовать, но неискренне – в силу безальтернативности.

Можно утверждать, что консервативное большинство вместе со «своими» СМИ, в т.ч. основными каналами ТВ, обладает чертами «протопартии». Эта протопартия рыхлая и при усилении политической турбулентности начнет быстро распадаться. Самый последний и яркий пример – события в Армении весной 2018 г., когда никто не вышел в поддержку «партии власти», имевшей конституционное большинство в парламенте.

«Меньшинство» же можно охарактеризовать как «либеральную интеллигенцию» или «креативный класс». При том, что численность ядра этой группы составляет по самой максимальной оценке не более 15–17% и она на протяжении долгих десятилетий не может сформировать собственного представительства в партийном спектре, рассыпаясь на несколько маргинальных групп, ее вес в общественно-политической жизни страны остается весьма значительным, благодаря высокому уровню образования, владению информационными коммуникациями и наличию «своих» СМИ.

Несмотря на «консервативный поворот», как и 13 лет назад, 67% опрошенных¹ не готовы жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей и 56% полагают, что личные интересы – это главное для человека (табл. 1).

	2009	2014	2018
Любям следует ограничивать свои личные интересы ради интересов страны и общества	45	43	40
Личные интересы – это главное для человека	54	56	60

Таблица 1

Среди новых поколений растет значимость богатства, успеха, гедонизма, самостоятельности и падает значимость всех консервативных и социальных ценностей. Как утверждает Лев Гудков, «мне кажется, ни о либеральных, ни о консервативных ценностях в России не приходится

¹ Здесь и далее использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проведенного при финансовой поддержке РФФ. Опрос проводился дважды в год, 9 волн по 4000 опрошенных в период 2014–2018 гг.

говорить всерьез. Есть настроения и реакция на действия власти. В нашей стране, в отличие от других стран, общество как тип социальной организации чрезвычайно слабо. Общество не идеологизировано. Именно поэтому я не стал бы говорить ни о консервативных настроениях, ни о либеральных. Они характерны для маргинальных групп, небольших по численности» [2].

Не приходится говорить и о возврате России под вывеской консерватизма к традиционализму и традиционным ценностям. То упрощение, вульгаризация социальных отношений, снижение массового уровня культуры, которые отчетливо проявляются в российском обществе последние 20 лет, некоторые связывают с наступлением традиционализма на отношения модерна и постмодерна, своего рода сползанием в средневековье.

Однако более внимательный анализ показывает, что все эти процессы являются следствием распада государства и социальных структур и, как следствие, примитивной самоорганизации социума. Но новый традиционализм так возникнуть не может, для него просто не существует социальной базы в виде общины, неформальной традиционной иерархии со своими символами и мифами.

Традиционное общество, как это показано во множестве исследований, обладает огромной потенциальной энергетикой, высвобождающейся при его разложении, что мы и наблюдали в первой половине XX века в России, когда коммунистическое общество строилось именно руками вчерашних крестьян, переехавших в город, но во многом сохранивших ментальность и ценности традиционной общины.

То же или почти то же самое мы сегодня наблюдаем в поведении диаспор, до поры до времени ведущих тихую неприметную жизнь в своих «аулах», а сегодня, вырвавшись на «оперативный простор», превратившихся в грозную, неуправляемую силу, с ее высокой витальностью, готовностью подчинить свои интересы общим целям, национальным или религиозным, готовностью жертвовать жизнью ради этих целей.

В то же время можно предположить с высокой долей вероятности, что через те же два–три поколения во многом аналогичная участь постигнет и выходцев из нынешних диаспор, хотя европейский опыт способен заставить скептически отнестись к этой перспективе.

Они адаптируются – нет, не к русскому миру, связи с которым теряют или уже почти потеряли и сами современные русские, а к унифици-

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

рованному и почти внациональному образу жизни человека эпохи массового «шопинга», присущая им пассионарность улетучится, а религиозные обычаи превратятся в ритуал, о котором вспоминают от случая к случаю, по большим праздникам.

Именно поэтому «западные фобии» в сегодняшней России далеко не во всем следует интерпретировать буквально. По своей социально-культурной составляющей, Россия является сегодня страной индивидуализированной и во многом вестернизированной. «Восток» с его культом «коллектива», подавлением личности, патриархальной семьей, в отличие от «Запада», и культурно, и социально чужд современному россиянину. И, думается, никакие политические и геополитические устремления на Восток (или в глубь минувших веков) этой реальности не отменяют.

Пожалуй, главным отличием правовой и политической системы России было и остается верховенство неписаных, нигде не зафиксированных законов и договоренностей над формальным правом. Это очень важно и часто принимается за господство в обществе традиционалистской политической культуры и сегодня является главным социокультурным барьером, преграждающим путь страны в сторону мировой цивилизации.

Уже приходилось отмечать, что наша политическая система так и осталась фактической квазимонархией, очень своеобразной, при которой должность монарха, «отца нации», передается по очень сложной, нигде не прописанной процедуре внутриэлитного торга, а республиканский строй с выборами, парламентами, разделением властей является если не во всем, то во многом некоторой бутафорией.

Фактическими монархами становились и генсеки, и всенародно избранный первый президент «свободной России», и его политические наследники. Значит, это не столько злая воля или неумеренное властолюбие наших правителей, сколько объективное требование системы.

Впрочем, и здесь можно предположить, что дело тут не только и не столько в Востоке как таковом, сколько в самой конструкции чрезвычайно сложно устроенной и асимметричной территориальной империи, которая просто не может управляться на основе общих и прозрачных правил, предусмотренных нормами современной западной демократии.

«Русская партия» снова наступила на те же грабли, что и 100 с небольшим лет назад. И это обстоятельство не может не огорчать, так как

в случае системного кризиса, весьма вероятного в среднесрочной перспективе, понадобятся политические силы, дистанцированные от того курса, который к этому системному кризису привел. Общество в состоянии постмобилизационной ломки снова вступает в свои исторические, много раз пройденные круги русской смуты.

Подводя итоги, мы попытались обосновать умеренно пессимистический взгляд на процессы, происходящие в российском обществе. Постмобилизационная ломка очень опасна, особенно в условиях, когда не у одной политической силы, а у всех слоев общества нет никакого конкретного видения будущего. Общество без будущего, все ресурсы бросятся в топку сегодняшнего выживания, а выживать все труднее и труднее.

Внутренних скреп при всех разговорах о «скрепах» как не было, так и нет. Явное недовольство политикой центра удаленной периферии, что ясно показали осенние выборы на Дальнем Востоке, чревато возникновением политической гангрены, и, чем она кончится, легко себе представить. Возбужденные призраком «русской весны», пассионарные личности, при крутых разворотах власти, могут стать ее наиболее непримиримыми и опасными противниками.

Вопрос о развитии экономики России, благосостоянии ее граждан становится центральным в представлениях россиян о будущем своей страны. На вопрос о том, что должна делать Россия, чтобы снова стать великой державой, уверенное большинство в 67% утверждает, что для этого необходимо иметь развитую современную экономику, 66% – иметь высокий уровень благосостояния граждан, что практически то же самое. Много, но только 41% полагают, что статус державы могут обеспечить мощные вооруженные силы.

А, например, такой вариант, очень популярный в 2014 г., как получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР, собирает всего 7% сторонников, причем, отметим, в мягком рейтинге, дающем возможность выбрать до 3 ответов. Это позволяет подтвердить ранее сделанный вывод: внимание россиян переносится с внешней политики на внутреннюю и представление о России как о державе переживает значительную трансформацию. Экономически процветающая держава с мощными вооруженными силами – такова теперь «мечта» новых поколений российских граждан.

Россия стремится стать одной из ведущих стран мира. Что, на ваш взгляд, необходимо для обретения этого статуса²?

29,6 – *Возродить высокий уровень культуры и национального духа россиян.*

67,1 – *Иметь развитую современную экономику.*

40,7 – *Иметь мощные вооруженные силы.*

66,2 – *Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан.*

7,1 – *Получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР.*

19,7 – *Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире.*

12,7 – *Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты.*

8,0 – *Стать «цивилизационным» мостом между Европой и Азией.*

2,0 – *России не следует стремиться стать великой державой.*

Крымский консенсус не потерял силы. Как и раньше, подавляющее большинство россиян видит в присоединении Крыма больше позитива (80% и 75%, соответственно). Россияне считали Крым исконно российским, а русские жители Крыма считали себя россиянами, оказавшимися на Украине в силу исторического недоразумения. Это следует из данных опроса, нравится это кому-то или не нравится. Возможно, определенную роль здесь сыграла массированная телепропаганда, но напрашивается и более простое объяснение.

Позитивное отношение к присоединению Крыма отнюдь не является свидетельством имперских амбиций россиян, если речь идет о большинстве, а не о сторонниках идеологии «Изборского клуба». Скорее всего, крымский консенсус останется внешнеполитической константой вне зависимости от того, кто будет руководить страной.

Но существенно изменилось за последний год отношение к событиям в Донбассе. Поддерживающих участие России в конфликте – ныне около 30%. В продолжении военного противостояния, не приносящего счастья никому из его участников, россияне больше не видят смысла. Меньше симпатий стали вызывать и республики ДНР и ЛНР: там беспрерывная чехарда у власти, убийства, разборки – все это сильно дис-

² Можно было выбрать до трех ответов на вопрос. Данные 9 волны Мониторинга ИС РАН (октябрь 2018 г.).

кредитирует эти анклав-республики в глазах наших соотечественников.

К тому же большое раздражение вызывают потоки гуманитарной помощи, направляемые Россией в Донбасс в условиях, когда их впору направлять в Хакассию или Туву. Если отношение россиян к западным санкциям остается неизменно негативным (67%), то, как уже отмечалось выше, в полтора раза (с почти 80% до 47%) снизилось число сторонников введенных Россией контрсанкций против западных товаров и продуктов.

Все с меньшим пониманием наблюдают наши сограждане за сырами и фруктами, которые давят гусеницами бульдозеров, тогда как аналогичные российские деликатесы подорожали в разы в условиях контрсанкций при сохраняющемся невысоком качестве.

Наконец, почти в 3 раза упала поддержка действий России в Сирии – с 63%, когда Россия успешно громила ИГИЛ – до 26%, когда ИГИЛ уже разгромлен, а Россия «подписалась» экономически и военно поддерживать режим Башара Асада в Дамаске. Война, которая уже неоднократно заканчивалась (по крайней мере, российская война), продолжается всю.

Там Россия прокладывает дороги, строит детские садики, раздает гуманитарную помощь. Это вызывает все большее раздражение нищающей российской глубинки. Эти перемены в общественном мнении кажутся очень важными и значительными.

Не случайно в период уже после президентских выборов в марте нынешнего года общественное мнение стало выходить за «красные линии» прежнего консенсуса, стала снижаться оценка внешнеполитической деятельности руководства РФ. Стали снижаться рейтинги С.Лаврова, Д.Рогозина и С.Шойгу, о чем неоднократно заявляли ВЦИОМ и Левада-центр.

Но эти перемены говорят лишь о том, что россияне устали от Украины и Сирии, их все больше раздражает бесконечная трата денег и ресурсов в эти «бездонные бочки» (табл.2).

Все опрошенные:

1.Воссоединение Крыма с Россией	80,1	12,1
2.Участие России в урегулировании конфликта на юго-востоке Украины	50,6	37,4

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

3. Введение Россией контрсанкций в ответ на западные антироссийские санкции	66,2	20,9
4. Участие в борьбе с исламистским терроризмом (разгром ИГИЛ) в Сирии	63,2	27,5
5. Действия российских властей по преодолению экономического кризиса 2014–2016 гг.	53,1	25,6

Либеральное меньшинство:

1. Воссоединение Крыма с Россией	66,2	19,4
2. Участие России в урегулировании конфликта на юго-востоке Украины	34,6	50,6
3. Введение Россией контрсанкций в ответ на западные антироссийские санкции	45,6	38,4
4. Участие в борьбе с исламистским терроризмом (разгром ИГИЛ) в Сирии	53,5	34,6
5. Действия российских властей по преодолению экономического кризиса 2014–2016 гг.	40,5	34,5

Таблица 2

Значительного расхождения в оценках событий молодежью и более старшими группами общества не видно. То же «крымское большинство» (77%), та же поддержка контрсанкций (77%). Но вот участие России в военных конфликтах на юго-востоке Украины (40% против) и в Сирии (30% против) явно менее популярно, что неудивительно: воевать за «новую Россию» многим не кажется привлекательной перспективой. А привлекательной перспективой является восстановление спокойного периода сильной и уверенной в себе державы, способной обеспечить достаток и безопасность своих граждан.

Что же касается событий последних лет, то видно, что доля оппозиционно настроенного к ним меньшинства составляет от четверти до трети, это касается и оценки протестных акций (19% всех опрошенных поддерживают протестные выступления 2011–12 гг., 48% – относятся негативно или скорее негативно), и внешнеполитических событий. 80% позитивно оценивают присоединение Крыма; 66% – введение контрсанкций, 63% – участие России в борьбе с ИГИЛ в Сирии. Среди либерального меньшинства эти цифры составляют 66%, 46% и 53%.

В то же время по вопросу участия России в конфликте на Донбассе либералам удалось собрать неустойчивое и незначительное негативное большинство (50,6%). Таким образом, видно, что большая часть и либерально настроенных россиян, и других активных групп общества в целом поддерживает внешнюю политику властей, а оппозиционеры составляют от четверти до трети этих количественно небольших групп.

Политические процессы, начавшиеся еще в 2011 г. и достигшие апогея в 2014 г., раскололи общество по фундаментальным ценностным параметрам, и сегодня это расколотое общество предъявляет разные, иногда прямо противоположные требования к политическим элитам.

Многие опрошенные просто отказываются думать и оценивать многие явления и события. Можно предположить, что видимый общественный раскол больше касается радикальных меньшинств на всех политических флангах, а это означает, что восстановление консолидированного политического центра в стране все еще возможно, хотя это представляется очень сложной задачей.

Но, даже учитывая всю внутреннюю неоднородность как «консерваторов», так и «либералов», следует помнить, что идеи вносятся в повестку дня не «пофигистскими» группами общества, а радикальными флангами, в данном случае – убежденными консерваторами, национал-патриотами и столь же убежденными либералами.

Следующий набор суждений достаточно ясно отображает расслоение общества по наиболее важным идеологемам. В то же время наблюдается «подтаивание» монолитного общественного большинства, возвращение интереса к ценностям демократии, пусть пока скорее низовой, нарастающий протест против вмешательства церкви в дела государства и общества.

Ценности демократии, похороненные на время неудачными для страны результатами реформ 1990-х, сегодня снова медленно начали «поднимать голову». Если три года назад численность сторонников «твердой руки» превышала 60%, то сегодня она упала до 46%.

Именно столько опрошенных полагают, что «в России демократия не приживается. Страна нуждается в твердой власти, способной обеспечить порядок, единство страны и ее суверенитет». Причем среди молодого поколения до 30 лет эта цифра составляет только 35%. В то же время старшее, консервативно настроенное поколение выбирает «силь-

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

ную руку» – 65%. Это и есть то самое «консервативное большинство», которое по ряду показателей перестает быть большинством.

Мы снова наблюдаем что-то вроде «микста», когда сторонники укрепления державы и введения цензуры высказывают и желание демократизации и ограничения роли РПЦ, ее влияния на общество и государство.

Потеря политического баланса в качестве встречного процесса вызывает рост сторонников перемен независимо от того, каким складывается «образ будущего». Оно «в тумане», не просматривается дальше нескольких лет, и россияне чаще всего полагают, что «сегодня еще жить можно, а завтра будь что будет», а образованная и квалифицированная часть общества все охотнее покидает пределы страны.

Период длительной стабильности, переходящий в застой, как это обычно и происходит в России по «закону маятника», грозит смениться периодом нестабильности, смуты, роста центробежных сил, а запаса прочности уже практически нет, историческое время для завершения процесса модернизации, так и не завершённой за предшествующий период, исчерпано, а как ее завершить, никто не знает и политической воли для решения этой задачи пока не видно.

А раскол общества, разрушение сложившегося в «нулевые» консенсуса делают актуальными ряд часто во многом противоречащих друг другу альтернатив, готовых разорвать общество при любом неосторожном движении.

Понятно, что новой революции в обозримой перспективе в России в год 100-летия Октября и в ближайшие годы никто не предвидит. Так, по данным Левада-центра³, лишь 5% опрошенных хотели бы новой революции, а 92% считают ее недопустимой.

Но революции случаются не только потому, что общество их хочет, они могут быть спровоцированы целой цепью непредвиденных обстоятельств. Так уже не 5%, а 30% опрошенных считают революцию в той или иной форме вероятной, причем, с точки зрения своих социальных характеристик, значительная часть этих 30% сосредоточена как раз в среднем классе «новой России», который наиболее остро ощущает симптомы политической дестабилизации, надвигающегося шторма, непосредственно никак не связанного с президентскими выборами.

---

³ Сайт Левада-центр. Октябрь 2017 г.

Численность тех, кто полагает, что нынешний кризис и экономические трудности вызваны угрозой извне, снизилась за последний год с 67 до 53%. До 34% выросло число тех, кто полагает, что Россия должна двигаться вперед, к современному образу жизни, такому как в Европе; до 45,7% снизилась численность сторонников «твердой руки».

И, наконец, видно, что все большее общественное отторжение вызывает внецерковная активность РПЦ, ее стремление влиять на политические и социальные процессы в стране. Пожалуй, растущее недоверие к деятельности РПЦ является одним из главных и неожиданных процессов, ярко проявившихся в завершившемся году.

Как показали результаты исследования ИС РАН, запрос на перемены в основном связан с массовыми общественными настроениями в отношении базовых принципов социальной справедливости, и его ни в коем случае нельзя трактовать как желание вернуться в эпоху 1990-х, к продолжению либеральных экономических и политических реформ.

Общество стремится к социальной справедливости, к борьбе с коррупцией, к преодолению нефтегазовой зависимости (51% и 41%), к усилению обороноспособности страны (28%) – и, в гораздо меньшей степени – к усилению экономических и политических свобод и сближению со странами Запада (по 10%), к смене власти (12%) (табл. 3).

Варианты ответа	Возрастные группы, лет			
	до 30 лет	31-40 лет	41-50 лет	Более 50 лет
Экономические реформы, нацеленные на преодоление нефтегазовой зависимости экономики России	40	39	46	39
Усиление социальной справедливости, жесткая борьба с коррупцией в верхних эшелонах власти	45	43	36	47
Укрепление обороноспособности страны, превращение России в державу, которую боятся и уважают	24	23	25	27
Усиление политических и экономических свобод, развитие демократии	17	12	14	11
Сближение со странами Запада, выход из внешнеполитической изоляции	15	15	11	11
Защита русских, «русского мира» на постсоветском пространстве	10	14	12	14
Возрождение традиционных нравственных и религиозных ценностей	10	8	13	17

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

Развитие науки, образования, здравоохранения, культуры	43	46	33	41
Сменяемость власти, приход к управлению политикой и экономикой нового поколения россиян	13	17	11	10
Ничего не следует менять, пусть все идет как идет	13	12	13	11

Таблица 3

Одновременно можно видеть, что левый запрос, связанный с идеями социальной справедливости, стал заметно преобладать над правонационалистическим, резко активизировавшимся после 2014 г. У россиян постепенно падает интерес к событиям на Украине, в Сирии, к собиранию «русского мира». Так, «защиту русских, русского мира» в качестве приоритетной для перемен выбрали менее 14% опрошенных, возрожденные традиционных ценностей – 13%.

Согласно исследованиям Левада-центра, россияне за последнее время стали несколько лучше относиться к Украине и украинцам, до 41% упала численность сторонников поддержки со стороны России ДНР и ЛНР⁴. Еще 37% высказали мнение, что Россия не должна поддерживать никого. 41% поддержки ДНР и ЛНР – это все равно довольно много, считает социолог «Левада-центра» Степан Гончаров, отмечая в то же время, что к идее присоединить Донбасс россияне уже остыли.

Скажем сразу, что этот процесс идет медленно и пока ничего не свидетельствует о каком-то радикальном развороте общественного мнения.

В чем же первопричины левой направленности «образа будущего»? Несмотря на годы стабильности и относительного достатка, российское общество так и не смирилось с ситуацией глубокого общественного неравенства, вызванного не до конца продуманными реформами начала 1990-х годов и так и не преодоленного до дня сегодняшнего.

Опросы рисуют картину классового, глубоко стратифицированного общества, наполненного глубокой агрессией, пожалуй, более разобщенного чем когда-либо в своей новейшей истории. Ситуация тотального недоверия наших граждан и друг к другу, и к власти остается в целом неизменной.

На вопрос, кому Вы доверяете⁵, согласно данным ВЦИОМ, 71% ограничились собой и своим самым близким кругом родных и знакомых,

⁴ «Ведомости», 29 октября 2017 г.

⁵ Сайт ВЦИОМ, август 2017 г.

и это доверие ни в коем случае не распространяется на представителей своей социальной или профессиональной группы.

Нет большого доверия и к власти в целом, несмотря на рейтинг президента, превышающий 75%. Лишь 48% россиян считают, что власть в целом проводит правильную политику. В то же время в рамках противопоставления власти и оппозиции 73% оказались готовыми поддержать власть, 36% – полностью и 37% – частично, и 25% – оппозицию, 10% полностью и 15% – частично.

В условиях значительного ухудшения социально-экономического фона в последние три года, эти противоречия становятся все более непереносимыми. Но здесь следует отметить и то очень важное обстоятельство, что, несмотря на столь огромные социальные разрывы, общность граждан на социальной основе в России не складывается, а складывается скорее на почве разногласий идейных и на почве общности отдельных, ситуативных интересов. В России, несмотря на многочисленные ожидания, так и не сложились ни партия «среднего класса», ни «партия миллиардеров», ни «партия нищих».

Общество сегодня по-прежнему, несмотря на четверть века рыночных реформ, хотело бы восстановления и даже усиления государственного контроля над основными экономическими и социальными отраслями. Вопрос лишь в том, должен ли контроль над этими отраслями осуществляться полностью государством, или же совместно – государством и частным сектором.

Последнее – участие частного сектора – приветствуется в сфере транспорта (45%), медицины (39%), телевидения (51%), газет (53%), банков (41%), производства продуктов питания (55%), работы театров и других учреждений культуры (47%). Магистральный общественный запрос как был, так и оставался левогосударственным.

Правда, этот запрос активно поддерживается старшими возрастными группами. Сегодняшний магистральный запрос на социализм носит ярко выраженный социал-национальный (или, если этот термин вызывает плохие ассоциации, социал-патриотический) характер. Но это запрос старшего поколения, который в гораздо более слабой мере поддерживается младшими поколениями.

На наш взгляд, эти данные не позволяют говорить о «левом повороте», «левой альтернативе». «Левый поворот» – это определенная переоценка реальности. Чтобы говорить о левом повороте в настроениях

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

избирателей, нужно зафиксировать, по меньшей мере, запрос на солидарность – готовность к коллективным действиям в отстаивании прав на труд и достойное вознаграждение труда.

Этот запрос предполагает активистскую установку – порыв, ищущий выхода в коллективных протестных действиях. И не просто порыв, а спонтанную организацию в форме профсоюзов и комитетов прямого действия. Наблюдается ли что-то похожее? Ответ – нет.

Фиксируются только отдельные протестные акции, в основном, ущемленных частных предпринимателей (малый бизнес) и зависимых от них наемных работников. Тем не менее настроения многих избирателей действительно демонстрируют выраженный негативизм в отношении сложившегося в стране положения. Только этот негативизм и формирующийся вокруг него запрос – отнюдь не «левый» поворот.

Нынешний запрос предполагает пассивную установку: кто-то, не сам переживающий субъект, должен прийти и исправить неприятную ситуацию. Кто-то, не сам субъект, должен взять на себя ответственность за действия по исправлению сложившегося положения.

Отсутствие массовых коллективных протестных действий при том, что негативизм, действительно, довольно сильный, говорит о том, что атомизация избирателей совсем не преодолена, а скорее наоборот – именно атомизация определяет логику поведения. Большинство людей хотят, чтобы кто-то пришел и решил их проблемы. И они готовы держаться за эту сильную руку, так как выживание при пассивной установке может осуществляться, главным образом, путем поиска субъекта, кому люди выражают согласие подчиниться.

Не случайно никакие «левые фронты» и тем более профсоюзы не пользуются в современной России массовой поддержкой, а КПРФ в гораздо большей степени отражает государственнические и даже клерикальные идеи, чем собственно левые.

Общественные настроения националистического толка при этом никуда не делись. В России стабильно фиксируется от 6 до 10% «жестких националистов», поддерживающих лозунг «Россия для русских», а более мягкие формы национализма разлиты в еще более крупных группах общества. Ни о какой поддержке национализма как доктринальной идеи, тем более оппозиционной власти, речь не идет. И это вполне понятно, так как значительную часть идей, привлекательных для национа-

листов, в первую очередь – антизападничество, власть взяла на свое вооружение.

С каким же багажом прошлого и настоящего будет продолжаться строительство «новой России»? Какие ценности будут положены в ее основу?

На заседании Всемирного русского народного собора спикер Государственной Думы В.Володин перечислил «базовые ценности России», опираясь на которые следует «строить законотворческий процесс»: семья, вера, сплоченность, Родина, справедливость. Но это с точки зрения социологии не более чем расхожие декларации.

По мнению опрошенных, даже в благополучную путинскую эпоху продолжалась деградация большей части нравственных качеств россиян или они менялись не в лучшую сторону. Заметно выросли лишь агрессия и цинизм. Зато ослабли доброжелательность, уважение к старшим, душевность, искренность, бескорыстие, честность, верность товарищам.

Все это говорит о том, что позитивные оценки нынешней эпохи связаны в первую очередь с тем, чем она отличается от эпохи реформ 1990-х годов. Но эти отличия в наименьшей степени проявляются в факторе «человеческого капитала», излюбленной теме, активно обсуждавшейся в самые первые годы перестройки. Все это говорит о том, что идея «превосходства российских ценностей», активно пропагандируемая властью и провластными идеологами, не имеет основы в обществе и нужна лишь в качестве идеологического обоснования курса на изоляцию страны в мировом сообществе.

Как пишет Р.Симонян, «идеология обогащения любой ценой, запущенная в массовое сознание, исказила ценностную модель россиян. Криминализация общества привела к снижению статуса умственной деятельности, ценность знания уступила место ценности социальной агрессии. Из-за деиндустриализации и свертывания научных исследований поколение выпускников высшей школы 1990-х годов оказалось не просто потерянными, а в значительной мере загубленными. Далеко не все были готовы и смогли уехать, как и освоить "специфику" российского бизнеса "лихих 1990-х"» [3].

Проблема состоит лишь в том, что и нынешняя эпоха, отрицающая опыт 1990-х, напротив, провозглашающая ценности патриотизма, национальной самобытности, традиций, не принесла позитивной динами-

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

ки в качественные характеристики нынешних поколений россиян (табл.4).

Как вам кажется, изменились ли люди и их отношения за последние 25 лет, какими они стали?

Качества людей	Усилились	Ослабли	Остались теми же
1. Доброжелательность	12,6	57,1	30,3
2. Активность, целеустремленность, инициативность	34,3	34,4	31,3
3. Уважение к старшим	10,2	57,3	32,6
4. Уважение к женщине	11,9	52,0	36,1
5. Агрессивность	60,8	18,7	20,5
6. Ум, образованность	29,3	39,0	31,8
7. Внушаемость, склонность подчиняться авторитетам	32,3	30,1	37,6
8. Душевность	10,6	56,0	33,4
9. Искренность	9,9	59,1	31,0
10. Цинизм	60,5	16,8	22,7
11. Бескорыстие, готовность помочь другому	11,0	56,1	32,9
12. Патриотизм, преданность своей Родине	24,7	38,7	36,7
13. Способность к сотрудничеству	23,9	34,2	41,9
14. Трудолюбие	16,3	48,9	34,9
15. Честность	9,7	58,0	32,4
16. Верность своим товарищам	13,8	40,7	45,5
17. Ответственность за семью, забота о ней	25,9	30,8	43,3

Таблица 4

Завершая тему недавнего российского прошлого, попробуем сделать несколько предположений о будущем. Если говорить о настроениях и ожиданиях российского общества, то оно продолжает оставаться лево-государственническим. Люди хотят справедливого капитализма, если угодно, но при сильном государстве и сильной централизованной власти.

Нынешняя Россия приближалась к нему в «нулевые», когда быстро росло благосостояние самых массовых слоев общества, но ныне об этом движении приходится говорить в прошедшем времени. Эти настроения разделяются не только консервативной частью общества, но и значительной частью либералов, которые тоже стали заметно леветь последние годы.

Правда, для либералов большую ценность сохраняют политические права и свободы. Радикальные рыночники, сторонники либерального капитализма составляют не более трети от всей численности либералов. Этот вариант запроса со стороны большей части либералов скорее можно охарактеризовать как социал-демократический, хотя само это слово непопулярно и почти не присутствует в политическом дискурсе.

Этому запросу, как нам видится, соответствует такая политическая система. Центр из двух крыльев – социал-государственников и социал-демократов. На консервативном фланге – радикальные националисты и державники, для которых ценности державы и русского мира важнее ценностей социальной справедливости. На либеральном фланге – радикальные рыночники, а также «западники», сторонники сближения с Западом на условиях последнего.

Соотношение этих четырех политических групп примерно такое: 25 (30%) – 40 (35%) – 15 (20%) – 5 (8%). Союз между социал-государственниками и социал-демократами мог бы теоретически обеспечить поддержку политического центра до 60–65% общества. С точки зрения устойчивости политической системы он имеет много плюсов по сравнению с нынешним союзом социал-государственников и национал-державников, образующих т. н. «консервативное большинство».

И еще важно следующее: как показал опрос, более политизированное и в целом лево-консервативно настроенное старшее поколение продолжает навязывать обществу свои ценности и свои оценки давней и особенно недавней истории.

Раскол между поколениями во многом совпадает с расколом ценностным. Молодежь, выросшая в условиях, когда политическая активность становилась все более нежелательной и опасной, продолжает дистанцироваться от политики, а та ее часть, которая выходит на протестные акции, составляет незначительное меньшинство, практически «невидимое» через очки массовых социологических опросов.

Все это делает вектор неизбежных перемен особенно неопределенным, непредсказуемым.

ДИНАМИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЗА 25 ЛЕТ

Библиографический список

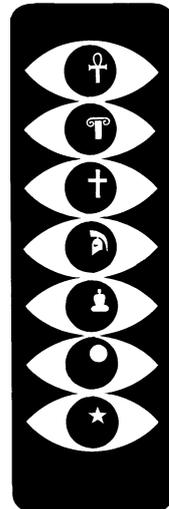
1. Бызов Л. Российское общество в постмобилизационной ломке. «Русский европеец», 25 ноября 2018 г. <http://rueuro.ru/item/54-rossijskoe-obshchestvo-v-postmobilizatsionnoj-lomke?fbclid=IwAR2BTvQk49PNatPzwZdEWDt9SvXMjkriTLVEXIBaNpI-mVbJ6LbjM0pTfI>
2. Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Под редакцией В.В.Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018. 438 с.
3. Гудков Л. «Это не консерватизм!». <http://slon.ru/calendar/event/1062505/>
4. Менее половины россиян выступили за поддержку Россией ДНР и ЛНР. Портал РБК, 30 октября 2017 г. <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2017/59f341949a79475a1a914f69>
5. Симонян Р.Х. О некоторых социокультурных итогах российских экономических реформ 90-х годов. Сайт Института социологии РАН http://www.isras.ru/URL: http://www.civisbook.ru/files/File/O_nekotorih_sociokult.pdf

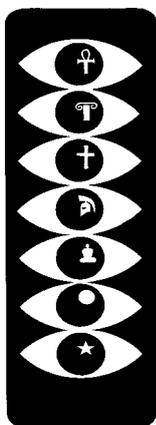
Всякая власть – от Бога, я это признаю;
но и всякая болезнь от Него же: значит
ли это, что запрещено звать врача?

Ж-Ж.Руссо

Литература есть выражение общества,
так же как слово есть выражение
человека.

Л.Бональд

Сергей Новосельский

**ВЛАСТЬ ПРОТИВ
РЕВОЛЮЦИИ:**

**ПРОЕКТЫ СИЛОВОГО
ПРЕОДОЛЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА
1905 г. В РОССИИ**

УДК
94(47).084.1

В статье рассматриваются проекты силового подавления революционного движения в России, которые разрабатывались представителями высшей бюрократии в 1905 г. Особое внимание уделяется трансформации отношения чиновников к репрессиям как средству преодоления революционного кризиса, а также факторам, оказавшим наибольшее влияние на эту трансформацию. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что силовые методы борьбы с революцией становятся основным инструментом власти лишь в ноябре 1905 г., в то время как ранее репрессивная политика носила преимущественно декларативный характер.

The article analyzes the projects of power suppression of the revolutionary movement in Russia, elaborated by representatives of the top bureaucracy in 1905. Particular attention is paid to the transformation of the attitude of officials to repression as a means of overcoming the revolutionary crisis, as well as the main factors of this transformation. On the grounds of the research, it was concluded that the use of force to combat the revolution became the main instrument of authority only in November 1905, while previously the repressive policy was predominantly declarative.

Ключевые слова: Первая русская революция; 1905 год; высшая бюрократия; репрессии; С.Ю.Витте; П.Н.Дурново.

Key words: The First Russian Revolution; 1905; top bureaucracy; repression; S.Y.Witte; P.N.Durnovo.

E-mail: novoselsky.rggu@gmail.com

В последние годы отечественные и зарубежные исследователи все чаще рассуждают о революции 1917 г. и гражданской войне в России сквозь призму проблемы насилия [13; 26, с.147–148; 37], в то время как события Первой русской революции в историографии под данным углом практически не рассматриваются. Это выглядит особенно странным с учетом того, что, несмотря на существенные различия в сценариях революций, именно в 1905 г. страна впервые столкнулась с маленькими гражданскими войнами. В начале XX в. Россия, выражаясь языком Дугласа Норта, относилась к числу естественных государств, правители которых не были свободны в принятии решений, а власть была рассеяна между различными группами внутри политической элиты, с которыми лидер стремился сохранить коалицию, чтобы не допустить краха режима [25, с.145, 148]. Поэтому проблема применения насилия и контроля над ним ложилась на представителей высшей бюрократии и главным образом зависела от структуры взаимоотношений между отдельными влиятельными сановниками. И тут возникало немало трудностей. С одной стороны, говорить о наличии устойчивой коалиции правителя и элит в России в начале XX в. не приходилось: бюрократия не до конца отождествляла себя с режимом, чаще оппонировав самодержавию, нежели безоговорочно вставая на его сторону [40, с.119–120]. С другой стороны, отнюдь не все чиновники в 1905 г. осознавали, что имеют дело не просто с отдельными вспышками социальных беспорядков, которые было необходимо так или иначе подавлять, но с куда более серьезной проблемой – угрозой распада системы управления.

**«...при существующей
неурядице на верхах,
подавление беспорядков
невозможно» (А.А. Мосолов)**

Именно поэтому сразу же после 9 января в Петербурге впервые прозвучала мысль о том, что наилучшим средством для выхода страны из кризиса стал бы переход к диктатуре.

Однако в начале 1905 г. диктатура отнюдь не ассоциировалась с репрессией. Предлагая министру Императорского Двора В.Б.Фредериксу как можно скорее определиться с кандидатурой человека, который единолично осуществлял бы координацию всех мер противодействия революционному кризису, начальник канцелярии Министерства А.А.Мосолов отдавал предпочтение фигуре Д.Ф.Трепова, во многом ввиду умения последнего, в должности московского обер-

полицмейстера, справляться с массовыми протестными движениями и избегать при этом кровопролития [24, с.119–121].

Собравшиеся 10 февраля 1905 г. на заседание Комитета министров в один голос говорили о неэффективности репрессивной политики в отношении революционного движения, проводившейся с начала царствования Александра III [43, с.32–33]. Особенно рьяно выступал занимавший пост товарища министра внутренних дел П.Н.Дурново, предлагавший ограничить или вовсе запретить административную высылку, поскольку высылаемые водворялись не в губерниях, находившихся на положении об усиленной охране, а преимущественно в губернских городах, оказывая неблагоприятное воздействие на местных жителей, а также отказаться от арестов отдельных обывателей и производства домашних обысков по распоряжениям местной полиции, представлявших собой широкое поле для всевозможных злоупотреблений [43, с.34–37]. Оценку Дурново полностью разделял и признавал «всецело соответствующей действительности» министр юстиции С.С.Манухин, а С.Ю.Витте резюмировал, что власти необходимо прибегать к репрессивным мерам лишь в крайнем случае, для ликвидации «известных нездоровых наплев, могущих возмутить ровную поверхность нормальной общественной жизни страны» [43, с.38], но никак не для их предупреждения. Исключительные законоположения, по мнению чиновников, безусловно требовали пересмотра. В резолюции Комитета министров признавалось, что «успело вырасти целое поколение, которое не видало иного порядка поддержания общественного благоустройства и лишь по книгам знает об общих законах Российской империи» [43, с.42]. Чтобы не допускать произвола призванных противостоять «крамоле» государственных служащих, необходимо было не только ограничить возможность применения ими чрезвычайных полномочий во времени и пространстве, но и законодательно защитить права и свободы находящихся вне подозрений в нарушении общественного спокойствия граждан Российской империи [43, с.42].

Предлагавшиеся меры полностью соответствовали проекту императорского указа Комитету министров о предстоящих реформах внутренней жизни страны [4, д.8, л.2 об.]. Однако позиция самого Николая II в отношении репрессий была иной. В литературе ранее отмечалось, что после убийства великого князя Сергея Александровича «у Николая оказался заготовленный текст манифеста с призывом к применению всех средств борьбы с революционным движением, и (министру внутренних дел. – С.Н.) Булыгину пришлось удержать царя от его издания» [12,

с.99]. Однако наиболее красноречиво об истинных взглядах императора свидетельствуют собственноручно оставленные им на различных документах резолюции. Так, Николай II искренне недоумевал по поводу данной Российским телеграфным агентством оценки прошедшего в конце марта 1905 г. заседания московского педагогического общества, на котором, помимо сбора средств «на пропаганду среди рабочих» и «на вооружение», обсуждалась «необходимость реформы женских институтов, а именно предоставление воспитанницам большего общения с внешним миром и улучшения состава классных дам», отметившим «ребяческий характер» таких заседаний.

Д.Ф.Трепов

Поставив напротив этого суждения редкие для себя три вопросительных знака, император категорично резюмировал, что «очень пора прекратить подобные безобразия!» [1, д.562, л.9]. Читая доклад Трепова о волнениях земских врачей Балашовского уезда Саратовской губернии в июле 1905 г., Николай II не разделял сожаления докладчика о применении казаками силы в отношении врачей, которых они, сопровождая на вокзал, побили нагайками. «Очень хорошо сделали» [36, с.102], – возразил Трепову на полях доклада император.

В итоге весной и летом 1905 г. в правительственных кругах, тонко чувствуя настроения верховной власти, предпочитали идти на компромисс, по возможности все-таки избегая открытых карательных мер. За это власть многие нещадно критиковали. Временный прибалтийский генерал-губернатор А.Н.Меллер-Закомельский 24 мая 1905 г. сетовал в отчете Николаю II на то, что местные власти зачастую преувеличивали «силу мятежных сборищ», предпочитая их не разгонять. По утверждению Меллер-Закомельского, власти необходимо проявлять твердость, тем более что большого количества войск для рассеивания демонстрантов не понадобится¹, а спокойствие будет восстановлено как на окраинах, так и в стране в целом [35, с.505–506]. Явными ошибками и прояв-

¹ Самому Меллер-Закомельскому для разгона рабочей манифестации в Риге 13 января 1905 г., по его собственному признанию, хватило 2–3 солдат на тысячу рабочих.

лениями слабости власти считал освобождение от наказания арестованных членов бюро «Союза союзов» и дарование автономии высшим учебным заведениям начальник Земского отдела в Министерстве внутренних дел В.И.Гурко [14, с.747–748]. Однако компромиссными решения власти оставались и в вопросах смягчения репрессивной политики. Н.С.Таганцев вспоминал, что в ходе работы совещания Д.М.Сольского о выработке дополнительных к учреждению о Государственной думе узаконений 19–22 августа 1905 г. принять его предложение о приостановке действия положения об усиленной и чрезвычайной охране на время проведения выборов чиновникам не хватило решимости [41, с.49].

Между тем положение в стране обострялось, и главным источником дестабилизации к сентябрю 1905 г. стала Москва. Московский генерал-губернатор П.П.Дурново с горечью отмечал в своей докладной записке, что «прежнее богатое, просвещенное дворянство, несколько либеральное, но беззаветно преданное Царю и Отечеству, дававшее общее направление жизни Москвы, окончательно исчезло и заменилось смешанной по происхождению, плохо или односторонне образованной и совершенно невоспитанной “интеллигенцией”» [2, д.104, л.1], отстаивавшей самые радикальные политические позиции исключительно в угоду собственной популярности [2, д.104, л.1 об.]. Эффективно противостоять возмутителям спокойствия, по мнению генерал-губернатора, можно было исключительно полицейскими методами. И тут начинались трудности, главные из которых состояли в нехватке кадров полиции в ближайших к Москве пригородах, которые фактически сливались с городом и становились прибежищем для скрывавшихся от властей революционеров, а также в общей дезорганизации полицейской власти, когда московскому генерал-губернатору подчинялись только чины полиции, тогда как сотрудники охранного отделения и губернского жандармского управления действовали самостоятельно. Дурново был убежден, что эти проблемы необходимо устранить безотлагательно, поскольку в Государственной думе они, равно как, к примеру, вопрос об увеличении кредита на содержание полиции, могут не встретить сочувствия [2, д.104, л.2–3].

В то же время у столичных властей вызвала беспокойство возможность «экспорта» московских настроений в Петербург. Трепов усматривал главную угрозу роста антиправительственных настроений в столице в решении состоявшегося 12–15 сентября 1905 г. в Москве съезда земских и городских деятелей о создании в Петербурге особого централь-

ного комитета, пропагандистская деятельность которого, по убеждению Трепова, станет мощным дестабилизирующим фактором в жизни начинающей понемногу успокаиваться столицы [1, д.387, л.45].

**«...надвигается на Россию
кровавый призрак
революции...»
(Н.В. Клейгельс)**

Опасения товарища министра внутренних дел не замедлили оправдаться. Уже 1 октября 1905 г. Витте полагал, что «положение ужасно, почти безнадежно». Тогда же во власти

вновь возникла идея временного установления в стране диктатуры. А.А.Половцов предлагал председателю Комитета министров рассмотреть в качестве кандидатов на роль диктатора не командующих армиями, но талантливых военнослужащих «второго плана», чья репутация была не столь сильно испорчена итогами войны – Н.П.Зарубаева и А.В.Самсонова [27, с.478].

Об изменении настроений в верхах красноречиво свидетельствуют заключительные пункты записки бывшего министра юстиции статс-секретаря Н.В.Муравьева «Ближайшие правительственные задачи», в целом призывавшей представителей высшей бюрократии к проведению весьма демократичной и открытой по отношению к обществу политики². Однако, по мнению Муравьева, власть должна твердо противостоять покушениям на государственный порядок и спокойствие «всеми законными средствами, без малейшего послабления». Для этого необходимо возложить задачу противодействия революционному движению на единый центр, которым мог бы стать либо Отдельный корпус жандармов, либо специально выведенное из состава Министерства внутренних дел ведомство полиции. В случае беспорядков в отдельных местностях их необходимо было немедленно переводить на военное положение или учреждать на этих территориях временное генерал-губернаторство с особыми полномочиями администрации, а при развертывании открытого противоправительственного вооруженного выступления «лучшим историческим образцом», согласно утверждению автора, могла «служить деятельность гр. М.Н.Муравьева по восстановлению

---

² В частности, автор записки настаивал на необходимости корректного отношения правительства к Думе и категорично заявлял о недопустимости какого бы то ни было административного вмешательства в производство выборов.

порядка и спокойствия в Северо-западном крае в 1863–1864 гг.» [7, д.5, л.178].

Однако до лиц, принимавших решения, стремились доносить и несколько иные мнения. «Конечно, мятежные явления могут быть подавлены штыками и картечью, но это не средство для умиротворения страны. Нарушаемое равновесие должно быть восстановлено методичной, постоянной и упорной работой» [1, д.576, л.86 об.], – полагал Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор Н.В.Клейгельс. Заключение она, по мнению генерал-губернатора (и подавляющего большинства его коллег), должна, в первую очередь, в увеличении финансирования полиции. Это важнейшее в условиях обострения революционного кризиса решение тормозилось довольно продолжительными обсуждениями его в Государственном совете, в то время как другие законы (об учреждении Государственной думы, о веротерпимости, о предоставлении автономии высшим учебным заведениям) принимались в чрезвычайном порядке, нарушая тем самым принятую в империи бюрократическую традицию в тех случаях, когда, по мнению Клейгельса, этого делать как раз не следовало, поскольку плодами подобных законов с радостью пользуются революционеры [1, д.576, л.86]. В качестве других неотложных мер Клейгельс предлагал организацию рабочих домов для осуществления контроля за городской беднотой и отвлечения ее от участия в революционном движении, обновление уголовного законодательства в соответствии с «вызовами времени»³, а также постановку тюремного дела таким образом, чтобы тюрьмы перестали быть «революционными университетами», в которых политические преступники «только совершенствуются в избранном ими направлении и подготавливаются к более активной преступной деятельности». Все это, безусловно, требовало от правительства дополнительных расходов [1, д.576, л.86 об.–88]. Вторил Клейгельсу и наместник на Кавказе граф И.И.Воронцов-Дашков, убеждавший 12 октября 1905 г. Николая II, «что восстановленный таким образом (репрессивными мерами. – С.Н.) внешний порядок едва ли был бы прочен, так как всякого рода крайние меры плодят массу

---

³ Чрезвычайное административное судопроизводство, согласно наблюдениям Клейгельса, зачастую было малоэффективно, хотя бы потому, что руководители местной администрации далеко не всегда в полной мере использовали свои полномочия, а в столице относились к их многочисленным ходатайствам (например, о присылке в ту или иную губернию войск) равнодушно.

недовольных и порождают озлобление к власти даже там, где ни того, ни другого ранее не замечалось» [1, д.455, л.11]. Следовательно, выход следует искать не только в усилении репрессивного и карательного надзора (данные меры пусть и с неохотой, но признаются Воронцовым-Дашковым неизбежными), но и в «действительном улучшении экономических условий жизни туземного населения» и поднятии «его духовной культуры» [1, д.455, л.12].

С.Ю.Витте

Однако в связи с обострением забастовочного движения по всей стране, в особенности на железных дорогах, силовые проекты преодоления революционного кризиса набирают в среде высшей бюрократии все большую популярность, и в верхах вновь, на этот раз открыто, начинают говорить о диктатуре. Многие современники связывали лоббирование диктатуры с фигурой А.П.Игнатьева, противостоявшего конституционалистской «партии Витте», хотя и отмечали, что, «по всей вероятности, царь не верил в целительные свойства ни той, ни другой» [19, с.149]. На деле все обстояло сложнее. Витте вспоминал впоследствии, как 13 октября 1905 г. убеждал Николая II в том, что ему «было бы весьма полезно» принять и выслушать соображения Н.М.Чихачева и К.И.Палена, настаивавших на решительном подавлении «всякого проявления смуты силою оружия» [11, с.215]. Однако причина отказа от диктатуры, в успех которой Витте не верил, но, по собственному признанию, имел слабость ее желать, поскольку появление диктатора слагало бы всякую ответственность за происходящее с самого Витте [11, с.231], заключалась в банальной нехватке войск для ее осуществления. Об этом открыто заявил в беседе с Витте 17 октября великий князь Николай Николаевич [22, с.75], а военный министр А.Ф.Редигер и Трепов признавались, что в их распоряжении достаточно войск лишь для подавления вооруженного восстания в Петербурге, а о восстановлении железнодорожного сообщения хотя бы между столицей и Петергофом не могло быть и речи [11, с.216].

Хотя, казалось бы, даже без официального введения диктатуры в середине октября 1905 г. в России был человек, де факто обладавший

диктаторскими полномочиями. Этим человеком в литературе долгое время, копируя взгляды ряда современников, провозглашали Трепова, вошедшего в историю благодаря своему знаменитому приказу петербургским войскам «при оказании <...> со стороны толпы сопротивления – холостых залпов не давать и патронов не жалеть» [29, с.354]. Однако этот приказ ни в коем случае не следует расценивать как указание кровожадного контрреволюционера, мечтавшего о репрессиях. Напротив, с этой устрашающей фразой Трепов связывал свою единственную надежду на то, что ему удастся избежать кровопролития, что в итоге и произошло: ни одного выстрела на следующий день в Петербурге не прозвучало [24, с.125] (хотя Николай II не упустил случая в письме, направленном 19 октября вдовствующей императрице Марии Федоровне, приписать спокойствие в столице себе в заслугу [38, с.74]).

И все же Трепов отдавал себе отчет в том, что он не может гарантировать «водворения порядка без больших жертв», и откровенно признавался в этом императору [9, с.222]. Соответствующими были и распоряжения заведующего полицией и командующего Отдельным корпусом жандармов, которые он отдавал не только в столице. 12 октября 1905 г. Трепов телеграфировал московскому губернатору В.Ф.Джунковскому, требуя от того в борьбе со стачечным движением «действовать самым решительным образом, не останавливаясь перед прямым применением вооруженной силы» [29, с.429]. Точно такая же телеграмма была разослана всем начальникам губерний и областей, где происходили волнения [29, с.679], а некоторые западные генерал-губернаторства (Виленское, Гродненское и Ковенское) Трепов призывал немедленно объявить на военном положении в тот самый день, когда Николай II поставил свою подпись под Манифестом 17 октября [30, с.243]. В то же время Трепов осознавал несовершенство государственных силовых структур, их организационную слабость. Именно по этой причине он не советовал императору включать в итоговую редакцию Манифеста 17 октября пункт о неприкосновенности личности, поскольку, по мнению Трепова, при нынешнем кадровом и финансовом положении полиции (в том числе тайных спецслужб) и отсутствии соответствующей законодательной базы, его реализация не могла быть обеспечена и это обещание осталось бы пустым звуком [1, д.232, л.2].

**«Теперь революция. Нужны не обещания, не векселя, а нужна валюта...»
(Н.Ф.Анненский)**

Появление в печати Манифеста 17 октября не принесло ожидаемого успокоения даже в столице. Витте лукавил в своих мемуарах, утвер-

жда, что «после 17-го октября в Петербурге было все спокойно, ходили демонстранты по улицам с различными знаменами, но, видя, что на них не обращают внимания, успокоились» [11, с.268]. Даже его доверенный журналист И.И.Колышко вспоминал, что на эти демонстрации Витте отреагировал крайне резко, бросив в сердцах: «Я им покажу свободу!» [18, с.154]. Ни за что не согласился премьер и на вывод войск из Петербурга, на котором настаивали редакторы многих печатных изданий в ходе встречи с Витте. По его словам, «лучше остаться без газет и без электричества» [22, с.103], а в случае удаления войск из города «сотни тысяч, жены, дети скажут: “Витте сумасшедший”» [22, с.104]. Несмотря

П.Н.Дурново

на это, сам Витте не был инициатором силовых акций против оппозиционно настроенной столичной общественности. В то время как Трепов 18 октября отдавал приказание войскам в случае необходимости открывать огонь, от Витте, напротив, исходили распоряжения ни в коем случае не пускать в ход оружие, – такую запись в своем дневнике оставил в те дни писатель С.Р.Минцлов [41, с.64].

В этой ситуации, как и в случае с аграрными волнениями, инициативу в свои руки взял новый министр внутренних дел Дурново. Поначалу это не противоречило планам Витте, полагавшего, что он будет «вводить конституцию», а на обязанности министра будет возложено подавление революции [18, с.153]. Однако Дурново принялся за дело столь энергично, что подчас совершенно не считал нужным соотносить свои действия с представлениями премьера о том, на каких началах следует выстраивать внутреннюю политику. Это, безусловно, вносило разлад в Совет министров, раздражало его председателя, однако приносило результат. Служивший в то время под началом Витте в канцелярии Комитета министров П.П.Менделеев в своих воспоминаниях оценивал сложившееся в ноябре–декабре 1905 г. «двоевластие» и вклад каждого (Витте и Дурново) в преодоление революционного кризиса вполне од-

нозначно. По его словам, «порядок был восстановлен только благодаря энергичным распоряжениям Дурново. Витте тут был ни при чем» [23, с.185–186].

Любопытная метаморфоза произошла и во взглядах самого Дурново. Если на рубеже 1904–1905 гг. он был сторонником смягчения системы чрезвычайной охраны, отмечал порождаемый ею произвол местной администрации в отношении населения, причем высказывал свои убеждения Дурново открыто, и они не ускользали от внимания вдумчивых современников [14, с.607–608], то теперь министр внутренних дел, не отказываясь, в принципе, от необходимости последовательных преобразований государственного строя, полагал, что любое ослабление власти, малейшая ее капитуляция перед революционным движением окажутся губительными для России [14, с.791]. Поэтому необходимо было действовать решительно и твердо.

Программным документом Дурново стал проект положения об охране государственного порядка и общественной безопасности и правил о полицейском надзоре, составленный им в ноябре 1905 г. Согласно проекту, министру внутренних дел предоставлялись исключительные полномочия: он мог отменять и изменять по своему усмотрению распоряжения генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников (за исключением Кавказа, Туркестана, Степного, Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств), запрещать проведение митингов, сходок, шествий, собраний союзов и частных обществ⁴, лично налагать запрет на торговлю и хранение оружия, принимать решение о выдворении за пределы определенной территории лиц, не владеющих на ней недвижимостью, самостоятельно вводить на любой территории военное положение сроком до 6 месяцев [5, д.48е, л.7–9]. При ознакомлении с проектом бросается в глаза, что его автор ставил знак равенства между войной и революцией, полагая, что в случае «значительного распространения изменнических и революционных учений и подстрекательств» государство должно действовать так же, как если бы оно вело войну с внешним врагом [5, д.48е, л.7 об.].

Открытое столкновение позиций Витте и Дурново произошло в ходе совещаний 9 и 17 ноября 1905 г., на которых обсуждалась эффективность работы судебных учреждений в условиях ожесточения революционных выступлений по всей стране. Министр внутренних дел упрекал

---

⁴ *Исключение составляли собрания ученых обществ при университетах и академиях, акционерных, промышленных и биржевых обществ, торговых товариществ.*

Министерство юстиции в нерешительности судей при вынесении обвинительных приговоров революционерам, называя бездействие судов едва ли не саботажем и забастовкой. Витте, напротив, встал на сторону Манухина, защищавшего интересы своего ведомства и видевшего корень проблемы в недостаточном уровне финансирования и кадровом дефиците [27, с.497–498], хотя, по собственному признанию, председатель Совета министров уже тогда понимал, что судьба Манухина в правительстве была предрешена [11, с.351].

Репрессия, во многом усилиями Дурново, начиная со второй половины ноября 1905 г. становилась трендом государственной политики. Сам министр внутренних дел, укоряя Манухина в нерешительности, заявлял, что по отношению к бастовавшим в то же самое время почтово-телеграфным служащим, являвшимся сотрудниками возглавляемого им ведомства, Дурново не пойдет ни на какие уступки [27, с.497]. Однако изданное 21 ноября 1905 г. распоряжение о необходимости прекращения забастовки почтово-телеграфных служащих под угрозой увольнения, которое Гурко впоследствии назвал «поворотным пунктом революции 1905 г.» [14, с.844], далось министру внутренних дел нелегко. По воспоминаниям министра народного просвещения И.И.Толстого, Дурново, как и Витте в подобных случаях, колебался между крайними мерами и уступками бастующим, но был твердо убежден в необходимости так или иначе покончить с забастовкой. Именно это ясное видение Дурново конечной цели привело к тому, что председатель Совета министров фактически предоставил ему карт-бланш на борьбу с революционным движением [42, с.206–207].

И случай проявить себя не только министру внутренних дел, но и другим руководящим чиновникам и военным служащим вскоре представился. Еще 15 ноября 1905 г. Дурново получил письмо от своего однофамильца, московского генерал-губернатора, в котором тот буквально требовал «для предотвращения крупных беспорядков в будущем <...> немедленно, хотя бы на время удвоить состав полиции города Москвы, значительно усилить местный гарнизон и выслать из Москвы в отдаленные губернии или содержать под стражей, впредь до совершенного успокоения столичной жизни, тех лиц, которые производят беспорядки» [2, д.106, л.1 об.]. В противном случае генерал-губернатор не ручался за то, что порядок в Москве может быть когда-либо восстановлен и грозил уйти в отставку в случае неисполнения предложенных им мер [2, д.106, л.2]. Вскоре угроза П.П.Дурново стала реальностью, однако оказавшийся его преемником на посту московского генерал-губернатора

Ф.В.Дубасов не был оригинален в своих запросах в Петербург: речь вновь шла о том, чтобы направить в Москву из столицы дополнительные военные части [11, с.302]. Главнокомандующий войсками Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич официально мотивировал свой отказ удовлетворить просьбу Дубасова необходимостью обеспечить безопасность царской семье, а в среде высших сановников совсем не стеснялся в выражениях, говоря: «Что же касается Москвы, то пусть она пропадает. Это ей будет урок. Когда-то Москва была действительно сердцем и разумом России, теперь это центр, откуда исходят все антимонархические и революционные идеи. Никакой беды для России от того, если Москву разгромят, не произойдет» [11, с.303].

В среде высшей бюрократии бытовала и иная версия того, почему правительство фактически не препятствовало открытой подготовке московского вооруженного восстания. По утверждению Гурко, Витте «задумал покончить с революцией одним ударом, а именно позволить Московскому восстанию выступить наружу, благо оно должно было произойти вдали от его места пребывания, и затем дать предметный урок населению и одновременно расправиться со всеми наиболее деятельными главарями революции» [14, с.852].

План председателя Совета министров, даже если он и существовал в действительности, а его действия (или их отсутствие) не были продиктованы дефицитом военной силы, работал со скрипом, причем не только в связи с ожесточенным сопротивлением восставших в Москве, но и ввиду того, что положение самого Витте при дворе становилось все менее прочным. Когда чаша весов в ходе Московского вооруженного восстания уже склонялась в сторону правительственных войск, у Николая II состоялся весьма примечательный разговор с главноуправляющим канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя бароном А.А.Будбергом, по долгу службы регулярно контактировавшим с императором. На замечание Будберга о том, что в Москве «нужно действовать еще интенсивнее; нужен пример на всю Россию, а пока <...> победа правительства недостаточно определилась», государь заметил, что в ходе состоявшейся в тот же день у него полтора часовой беседы с Витте председатель Совета министров выражал страстное желание лично отправиться в Москву для того, чтобы своими руками осуществлять репрессию против революционеров. «Вы бы послали», – ответил Будберг. Он призывал императора не доверять Витте: «Поверьте, что это только слова, для Вас сказанные, и в душе он против репрессий». Николай II

сказал, что его сомнения на этот счет развеял бы официальный правительственный акт, «призывающий всю благомыслящую Россию на подавление смуты». Будберг вновь возражал императору, утверждая, что появление подобного документа ни в коей мере не будет свидетельствовать об истинных настроениях самого Витте, «так как, во-первых очевидно, документ будет составлен мягко, извиняясь перед радикалами, а во-вторых, он будет всем говорить, что Вы его заставили это сделать». Барон даже предлагал Николаю II немедленно отправить Витте в отставку, а на вопрос императора о том, кем его заменить во главе правительства, уже не в первый раз предложил кандидатуру Муравьева, который еще в начале октября 1905 г. выступил с развернутой программой антикризисных мер, включавших в себя, как отмечалось выше, значительную репрессивную составляющую. По словам Будберга, даже «посредственность», вроде А.Д.Оболенского, в качестве председателя Совета министров была бы меньшим злом, чем «такой опасный человек», как Витте. Тесная связь последнего с революционным движением не вызывала у собеседника императора сомнений, а потому Витте будет делать все возможное, чтобы репрессии шли на спад. «Самое меньшее – отправить его за границу. Лучше бы его арестовать». «О да!» – восторженно воскликнул император [3, д.11, л.11 об.–12 об.].

Двойственность положения Витте объяснялась тем, что, будучи убежден, что «одними пулями все равно управлять нельзя», председатель Совета министров целиком и полностью зависел от Дурново, уверявшего, что в случае предоставления ему полной свободы действий революция будет окончательно подавлена не только в Москве, но и во всей России [17, с.114]. А поскольку Витте время от времени возражал министру внутренних дел, когда тот вновь заводил разговор о том, что «с революционерами нечего церемониться: "к стене их и расстрелять"», то и в придворных кругах сложилось стойкое убеждение, что именно Дурново – «истинный спаситель отечества», который, в отличие от Витте, твердо знает, как победить революцию [42, с.208].

В историографии весьма распространено мнение о том, что после подавления Московского вооруженного восстания в риторике председателя Совета министров произошел очевидный переход «от либеральных деклараций к поощрению карательных мер» [18, с.220]. Отчасти такое представление базируется на оценке деятельности Витте Николаем II, писавшим в те дни Марии Федоровне, что «Витте после московских событий резко изменился, теперь он хочет всех вешать и расстреливать» [20, с.66]. Однако именно Витте, заручившись поддержкой воен-

ных, выступил с резкой критикой идеи судить участников вооруженных беспорядков военно-полевым судом, сторонником которой, в частности, был Дурново [11, с.304]. Главный аргумент премьера состоял в том, что в местностях, в которых вспыхивают вооруженные восстания, незамедлительно вводится исключительное или военное положение, а, следовательно, местные власти и без применения военно-полевых судов обладают чрезвычайными полномочиями, включающими в себя возможность употребления по отношению к восставшим смертной казни. Таким образом, введение военно-полевых судов могло не ускорить темпов подавления беспорядков, а, напротив, внести в действия местной военной и гражданской администрации ненужную разногласицу [39, с.113]. В итоге правительство отказалось от идеи введения военно-полевых судов, и даже военный министр Редигер, обращаясь с секретным циркуляром к командующим войсками наиболее беспокойных областей империи, подчеркивал, что «при подавлении разного рода беспорядков употребления оружия, конечно, следует избегать» [32, с.157], отвечая силой исключительно на вооруженное сопротивление властям со стороны революционеров.

Еще в ходе заседания Совета министров 3 ноября 1905 г. Дурново высказал предположение, что правительство могло бы найти поддержку в борьбе с революцией в «черной сотне» – общественных организациях ультраправого толка, члены которых нередко вступали в открытые конфликты с участниками демонстраций в поддержку провозглашения Манифеста 17 октября. «Нельзя велеть стрелять в людей, мнущих революционеров» [39, с.37], – утверждал министр внутренних дел. По мере разрастания волнений предложение Дурново трансформировалось в идею создания народного ополчения для подавления беспорядков, которая активно обсуждалась в правительственных кругах.

Начальник Генерального штаба Ф.Ф.Палицын предлагал комплектовать ополчение «ратниками младших сроков службы», которые действовали бы исключительно в пределах родной губернии [6, д.15, л.159–159 об.]. В Совете министров к предложениям Палицына, однако, отнеслись скептически. Министры внутренних и дел и юстиции убедили остальных членов правительства в том, что «нельзя рассчитывать на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан», а создание подобного вооруженного формирования не только потребует дополнительных расходов, но и может вызвать возмущение в действующей армии, в особенности если денежное вознаграждение ополченцев будет выше [36, с.33]. Следовательно, ставку в борьбе с беспорядками (главным образом, аграрными) необходимо бы-

ПРОЕКТЫ СИЛОВОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1905 г.

ло сделать на части регулярной армии и полицию. Но Витте до последнего сомневался в том, что правительству хватит вооруженной силы для подавления революции на всей территории империи и еще 23 декабря 1905 г. докладывал императору, что, по его мнению, «другого средства, как создать экстренно ополчение – нет» [36, с.33]. Однако Николай II категорически отверг идею созыва ополчения. Этот проект, по признанию императора, не вызывал у него сочувствия ввиду своей длительности, дороговизны и трудности в реализации. «Гораздо важнее, – утверждал император, – без промедления ввести повсюду коннополицейскую стражу, хорошо вооруженную и обученную. Она должна быть распределена между уездными городами и жел[езно]дор[ожными] узловыми пунктами» [8, д.240, л.1].

Солдаты на улицах Москвы в декабре 1905 г.

**«...военные всегда должны
быть прежде всего военными,
а войска – войсками...»
(С.Ю. Витте)**

направил Палицыну докладную

Невысокую эффективность войск, посылаемых в различные губернии для подавления беспорядков, признавали и в армии. 21 декабря 1905 г. генерал-майор П.А.Крыжановский направил Палицыну докладную записку, в которой призывал отозвать

все подобные войска к основному месту службы, поскольку их разрозненные действия достигают лишь кратковременного успеха и, не способствуя окончательному успокоению, лишь подрывают авторитет армии в глазах населения [32, с.159]. По мнению Крыжановского, эти части должны были быть переформированы в соответствии с задачей момента – беспощадным усмирением революции. «Единственным способом подавления мятежа» генерал-майор называл «расстрел мятежников без всяких приговоров», а действия войск должны были быть стремительными – «пришел, наказал и ушел» [32, с.160]. Подобная жестокость, по мнению военачальника, была вполне оправдана, поскольку население, столкнувшись с решительными действиями войск, быстро прекратит антиправительственные выступления, выдаст властям их зачинщиков, и репрессия, таким образом, окажется непродолжительной. В заключение Крыжановский предлагал не посвящать губернаторов в детали своего плана, поскольку они будут категорически протестовать против временного отзыва войск из губерний «из чувства самосохранения» [32, с.161].

Проект Крыжановского получил полную поддержку у армейского начальства. Направляя записку на ознакомление Витте, Палицын старался склонить председателя Совета министров к решительным мерам: «Генерал Крыжановский прав. Его система жестока и проста, но ведь и мятежный элемент с инертностью общества не нежны в своих проявлениях» [6, д.97, л.3 об.]. 27 декабря 1905 г. Витте направляет записку Дурново для получения его заключения [6, д.97, л.10], с которым министр внутренних дел затянул до Рождества. «Собственно в военном отношении» проект Крыжановского представлялся Дурново «вполне правильным», однако, по убеждению министра, он должен был быть реализован посредством чрезвычайных военных распоряжений, а не законодательным путем [6, д.97, л.11]. Дурново разделял положения Крыжановского о необходимости истребления мятежников оружием на месте (правда, в последний момент министр внутренних дел вычеркнул из окончательной редакции заключения относящийся к «истреблению» эпитет «беспощадное» [6, д.97, л.11 об.]), о высылке арестованных «в отдаленнейшие местности», однако полагал нецелесообразным стирать с лица земли целые деревни, включая их земли в состав соседних поселений, что, по утверждению Дурново, «встретило бы притом серьезные затруднения в действующих узаконениях о крестьянском землепользовании». Более того, предложенная Крыжановским тактика борьбы с

революцией, по мнению Дурново, могла принести успех лишь в том случае, если эти чрезвычайные меры были бы реализованы незамедлительно [6, д.97, л.12].

Идеи Крыжановского и Дурново были всецело одобрены как в Совете министров, так и императором. В то же время в правительстве особо подчеркивали необходимость «разделения обязанностей»: предупреждение беспорядков и их подавление возлагалось на органы гражданской власти (при помощи полиции), а в исключительных случаях подавление волнений поручалось войскам, которые должны были незамедлительно возвращаться в места своей постоянной дислокации после того, как с волнениями будет покончено. Население должно было быть заблаговременно оповещено о намерениях власти подавлять беспорядки «самым решительным образом», а организаторы волнений подлежали немедленной высылке за пределы губернии, на организацию которой выделялись дополнительные средства [39, с.159, 162–163]. В правительстве пошли даже дальше предложений Крыжановского, предусмотрев возможность применения военной силы не только в случае беспорядков, но и для принуждения населения к выдаче их зачинщиков и возврату награбленного в ходе аграрных волнений имущества [6, д.97, л.20].

Однако отнюдь не все, даже в действующей армии, положительно оценивали переход правительства к преимущественно силовым мерам преодоления революционного кризиса. А.Н.Куропаткин отмечал в конце декабря на страницах своего дневника обеспокоенность слухами о разворачивавшейся в России реакции, которые, правда, зачастую доходили до Дальнего Востока с большим опозданием⁵. По словам генерала, «дисциплина пошатнулась, и если начнется борьба за возврат самодержавия, то во многих случаях войска станут на сторону свободы и прогресса против мрачной реакции» [21, с.368], а значит, бороться с главными возмутителями спокойствия – крайними социалистическими партиями – следует строго придерживаясь принципов, изложенных в Манифесте 17 октября.

---

⁵ В дневнике генерала Куропаткина читаем запись от 23 декабря 1905 г.: «Все чаще приходят известия, хоть и отрывочные, о начавшейся в России реакции. Сигнал будто бы подан с высоты трона. Будто бы придворная партия выдвигает Игнатъева и ломит Витте и что во главе реакции стоит великий князь Николай Николаевич, добивающийся военной диктатуры» [21, с.367]. Очевидно, что тон доходившим до армии слухам задавали настроения, царившие в придворных кругах накануне составления и подписания императором Манифеста 17 октября.

**«... всю ответственность
я беру на себя»
(П.Н. Дурново)**

В Петербурге смотрели на дело иначе. Отстаивая необходимость твердых и решительных мер для прекращения забастовки на железных дорогах (вплоть до увольнения причаст-

ных к протестным акциям государственных служащих), министр путей и сообщения К.С. Немешаев полагал, что без этого «невозможно полное осуществление начал Манифеста 17 октября» [32, с.135]. Таким образом, принцип «вначале – реакция, впоследствии – реформы» на рубеже 1905–1906 гг. восторжествовал в правительственной политике, и первую скрипку здесь, как и прежде, продолжал играть Дурново. 16 декабря 1905 г. министр внутренних дел обратился ко всем губернаторам и градоначальникам с призывом увольнять земских и городских служащих (в особенности врачей, учителей и статистиков), замеченных в противоправительственной агитации, не дожидаясь возбуждения против них дела в судебном порядке [32, с.158].

Но наибольшие опасения в среде высшей бюрократии вызывали возможные беспорядки, связанные с годовщиной «кровавого воскресенья». Витте даже требовал незамедлительно вернуть в столицу из Москвы Семеновский полк, сыгравший значительную роль в подавлении вооруженного восстания и оставленный в городе для предотвращения его рецидивов [36, с.34]. Однако гораздо более деятельными оказались распоряжения местным властям, исходившие от министра внутренних дел. Во избежание выступлений в связи с годовщиной событий 9 января 1905 г. Дурново призывал заранее выявлять и арестовывать предполагаемых зачинщиков беспорядков на фабриках и железных дорогах, а также не допускать (вопреки Манифесту 17 октября!) митингов, шествий и демонстраций, в особенности под черными и красными флагами, т.е. организованных активистами революционных партий и анархистских движений [32, с.164]. Эти меры себя оправдали, и современники с облегчением отмечали, что 9 января 1906 г., по крайней мере в столице, все было спокойно [16, с.112].

Полное одобрение у Николая II встретили как уже принятые (обнаружение и изъятие у забастовочных комитетов стачечных касс и ликвидация советов рабочих депутатов и других революционных организаций), так и предполагаемые министром внутренних дел в первые дни 1906 г. меры для борьбы с революционным движением. Они были весьма жесткими и во многом шли вразрез с той политикой, которая проводилась правительством еще месяц назад. В частности, Дурново предла-

гал освобождать из-под ареста обвиняемых в принадлежности к революционным организациям, забастовочным комитетам и в революционной пропаганде только с разрешения Департамента полиции, не допускать в Москве проведение съезда Всероссийского крестьянского союза, а дела об убийстве или покушении на убийство передавать на рассмотрение военных судов [32, с.167–168].

При этом слова Дурново не расходились с делом. С середины декабря 1905 г. министр внутренних дел буквально сыпал распоряжениями, призывая местные власти действовать твердо и, не стесняясь никакими методами, расправляться с мятежниками [33, с.22, 110, 118, 267, 342]. Особенно беспощадно войскам приходилось действовать в Прибалтике, где на рубеже 1905–1906 гг. разразилась настоящая партизанская война. Так, командированным в Ковенскую губернию для подавления революционного движения летучим отрядам в случае оказания населением сопротивления разрешалось уничтожать жилые дома и производить продовольственные реквизиции без уплаты компенсации за изъятые продукты [34, с.148–149]. Отряду есаула М.Н.Габбе, командир которого за успехи в подавлении революционного движения в Остзейских губерниях получил звание полковника, 20 декабря 1905 г. был дан еще более определенный и четкий приказ: «Вооруженных людей, встречаемых в лесу, расстреливать. Если будут случаи стрельбы из домов, мятежников из домов выбить и уничтожить, дома сжечь. На случай, если мятежники окажут вооруженное сопротивление, уничтожить всех» [43, с.156].

Твердость, исходившая от министра внутренних дел, вызывала восхищение на местах. 23 декабря 1905 г. минский губернатор П.Г.Курлов телеграфировал Дурново, что порядок в управляемой им губернии поддерживался исключительно за счет мер усиленной и чрезвычайной охраны, а аресты давали «прекрасные результаты» [34, с.193]. Начальник Московского охранного отделения А.П.Мартынов так оценивал деятельность министра: «Несколько ясных и твердых распоряжений – и сонное царство ожило. Все заработало, машина пошла в ход. Начались аресты, запрятали вожаков, и все стало, хотя и понемногу, приходить в норму» [28, с.287].

По мере того, как острота революционных выступлений постепенно снижалась, в правительстве начали звучать предположения о том, что революционеры, потерпев поражение в открытом бою, сменят тактику и вернуться к индивидуальному террору как основному средству политической борьбы. Любопытно, что первым такое предположение высказал

11 января 1906 г. во всеподданнейшей записке не кто иной, как Дурново [31, с.84], и в тот же день Витте предложил императору прибегать в качестве наказания за убийства по политическим мотивам к смертной казни [39, с.158].

Распоряжения министра внутренних дел, адресованные губернаторам, если и не призывали к репрессиям, то твердо давали местной власти понять, что она не только может, но и обязана принять при необходимости самые суровые меры во избежание повторения событий конца 1905 г. И если призывы «извлечь из деревень всех шляющихся без надобности евреев, земских служащих и студентов» [31, с.148], по большому счету, не были сюрпризом для губернаторов, то позиция Дурново относительно проведения митингов и демонстраций удивила многих. Запретить их власть не могла не только потому, что это нарушало бы одно из ключевых положений Манифеста 17 октября, но и в связи с предвыборной кампанией в Государственную думу, которая должна была вот-вот стартовать. Она их и не запрещала. Однако Дурново настойчиво просил местные власти «разрешать митинги с величайшим разбором лишь людям умеренных воззрений», не допускать многолюдных собраний, вовсе запрещать любые публичные политические акции в сельской местности и существенно ограничить места проведения митингов в городах⁶. Политические демонстрации могли посещать отнюдь не все жители империи: при появлении на митинге военнослужащих или гимназистов они должны были быть удалены с него, в противном случае собрание объявлялось закрытым. Призыв Дурново «не допускать митингов, устраиваемых с очевидной целью пропаганды революции рабочим и простому народу», также весьма существенно ограничивал круг потенциальных организаторов и участников собраний, поскольку (и это ключевой момент в циркуляре министра!) определение степени политической благонадежности оставалось на усмотрение губернатора или генерал-губернатора и целиком зависело от его собственных политических взглядов, пристрастий и опасений [31, с.141–142]. Подобный сигнал настолько обескуражил ряд руководителей на местах, что министру внутренних дел пришлось выступить с разъяснением к циркуляру, в котором Дурново особенно подчеркивал, «что означенная депеша отнюдь не должна приниматься как разрешение митингов и собраний» и

---

⁶ В правительственных и учебных заведениях проведение митингов категорически запрещалось, в земских, сословных и городских учреждениях рекомендовалось давать право устраивать собрания лишь «умеренным» партиям.

прямо указывал «непонятливым» губернаторам на главную цель циркуляра – полный запрет «мятежных митингов» и максимальное ограничение «прочих митингов» [31, с.982]. Только таким способом, по мнению Дурново, которое министр, однако, предпочитал не высказывать открыто, можно было добиться обеспечения нужного правительству результата выборов в Государственную думу.

Позиция Витте по отношению к дальнейшему силовому противодействию революционному движению представляется не столь монолитной, нежели стратегия Дурново. С одной стороны, председатель Совета министров нещадно критиковал командующего 1-й Маньчжурской армией генерала Н.П.Линевича за продолжительное бездействие в отношении стачечного комитета Восточно-Китайской железной дороги, члены которого, будучи в конце концов арестованными, по убеждению Витте, должны были быть немедленно преданы военному суду [36, с.57]⁷.

С другой стороны, в феврале 1906 г. премьер стремится отстаивать необходимость не допускать откровенного и необоснованного произвола в ходе борьбы с революционерами, в чем встречает неожиданное противодействие как в лице Николая II, так и многих сановников. Император был буквально взбешен инициативой Витте о том, чтобы царь выступил с призывом к войскам не применять силу в отношении оказывавших сопротивление и уже сдавшихся в плен мятежников (известны были случаи, хоть и, по словам самого Витте, «совершенно исключительные», когда с безоружными революционерами расправлялись без суда) [8, д.101, л.1 об.]. Вычеркнув из проекта всеподданнейшего доклада премьера такие относящиеся к бессудным расправам обороты, как «к сожалению» или «к прискорбию», Николай II оставил на документе категорическую резолюцию: «Нахожу это сообщение ненужным и дискредитирующим армию, чего я никогда не допущу» [8, д.101, л.1]. Неудачей закончилась попытка Витте провести разработанный и поддержанный большинством Государственного совета законопроект об упорядочивании применения смертных казней, целью которого было «обуздать эту игру в рулетку смертных казней» [11, с.471], причем активное противодействие премьеру, наряду с митрополитом Антонием, оказал его недавний преданный соратник А.Д.Оболенский [11, с.472].

⁷ Подобная категоричность премьера даже наводила некоторых современников на мысли о том, что «Витте все репрессии сваливает на Дурново, сам либеральничает якобы, но эти репрессии идут от Витте» [10, с.291].

Вызывали негодование Витте и злоупотребления местной администрации, зачастую вводившей в той или иной губернии чрезвычайное положение в случаях, не предусмотренных законодательством [39, с.238–240]. Однако Витте со своими призывами придерживаться идеологии Манифеста 17 октября все чаще оставался в одиночестве. Большой популярностью начинали пользоваться идеи о том, что дарование свобод сыграло с Россией злую шутку и отныне к практической реализации обещанных народу прав следует подходить с величайшей осторожностью. В частности, генерал-адъютант А.И.Пантелеев, принимавший активное участие в подавлении революционного движения, рекомендовал не применять амнистии к лицам, высланным по политическим статьям в отдаленные регионы страны, а в будущем окончательно отказаться от практики помилований [36, с.107].

Рассуждая о реалиях современности, Славой Жижек отмечает, что в отличие от прошлого, сегодня человечеству все чаще приходится сталкиваться с насилием, за применением которого не скрывается стремление к достижению каких бы то ни было идеалов [15, с.62–64]. У участников революционного движения в России в 1905 г. такие идеалы, безусловно, были. Но были ли они у власти? Можем ли мы говорить о государственной идеологии контрреволюционного насилия или же оно стало лишь ответным ударом, ситуативной реакцией правительства на эскалацию революционного кризиса?

Отвечая на этот вопрос, следует иметь в виду, что степень дозволенности и эффективности силовых, репрессивных методов борьбы с революционным движением в 1905 г., всегда вызывавших нескрываемую симпатию у царя, поначалу не столь однозначно оценивалась в среде высшей бюрократии. Зачастую власть рассматривала возможность перехода к суровым и жестким методам подавления революционных выступлений как шанс на то, что протестные настроения, под страхом репрессий, перестанут расти и в то же время правительству удастся избежать кровопролития. Подобные же цели власть преследовала, открыто декларируя высокую вероятность применения силы, которого на деле всячески стремилась избежать (или же попросту не располагала для его осуществления необходимыми средствами).

Все изменилось в ноябре 1905 г., когда необходимость во что бы то ни стало подавить революцию стала очевидна даже принципиальным противникам репрессий и, в первую очередь, Витте. Председатель Совета министров всячески стремился, чтобы его вклад в преодоление революционного кризиса выглядел не менее значительным, чем усилия

ПРОЕКТЫ СИЛОВОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1905 г.

главного «силовика» империи рубежа 1905–1906 гг. – министра внутренних дел Дурново. Но инициатива была Витте безвозвратно упущена, поскольку именно Дурново сумел взять на себя функции настоящего диктатора – не просто волевого человека, облеченного доверием императора, а управленца, готового в чрезвычайных обстоятельствах взять на себя чрезвычайные полномочия. Проводя в своем ведомстве кадровые чистки, предоставляя исключительные полномочия губернаторам и отстаивая передачу дела борьбы с наиболее острыми проявлениями революционного кризиса в руки военного командования, министр тем самым решал ключевую проблему, с которой в 1905 г. столкнулась власть: он восстанавливал управляемость на всех этапах администрации.

В итоге выход страны из революции в феврале 1906 г., казавшийся очевидным для многих причастных к процессу принятия решений современников, ставил власть перед необходимостью решать в дальнейшем крайне противоречивую задачу. С одной стороны, предстояло перестроить столетиями формировавшуюся в России систему государственного устройства и управления путем невиданного до сих пор включения в нее представителей общества. С другой стороны, от деятельности наиболее радикальных из этих представителей власть необходимо было защищать. Поэтому репрессивная модель преодоления революционного кризиса, сыгравшая определяющую роль в период его наибольшего обострения и в известной степени легитимированная Первой русской революцией, будет приходить правительству на помощь в дальнейшем. Однако именно эта модель в итоге сыграет с режимом злую шутку: насилие так и не станет действенным инструментом укрепления государственной власти, поскольку, будучи применяемо спорадически, а не системно, скорее дискредитирует саму власть, нежели сумеет защитить ее от революции.

Список сокращений

ГА РФ. – Государственный архив Российской Федерации.
РГИА. – Российский государственный исторический архив.

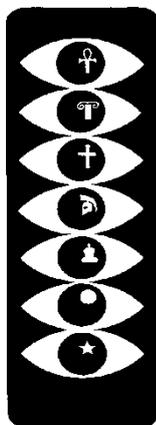
Библиографический список

1. ГА РФ. Ф.543. Оп.1.
2. ГА РФ. Ф.826. Оп.1.

3. ГА РФ. Ф.859. Оп.1.
4. РГИА. Ф.727. Оп.1.
5. РГИА. Ф.727. Оп.2.
6. РГИА. Ф.1276. Оп.1.
7. РГИА. Ф.1544. Оп.1.
8. РГИА. Ф.1622. Оп.1.
9. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 438 с.
10. Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович / А.В. Богданович. М.: Вече, 2008. 477 с.
11. [Витте С.Ю.] Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки / Публ. и примеч. Б.В.Ананьич, Р.Ш.Ганелин, С.В.Куликов, С.К.Лебедев, И.В.Лукоянов. СПб.: Дмитрий Буланин. 2003. 649 с.
12. Ганелин Р.Ш. Царизм после начала Первой русской революции (акты 18 февраля 1905 г.) // Вопросы истории России XIX – начала XX века. Межвузовский сборник. Л.: ЛГУ, 1983. С.96–112.
13. Герварт Р., Хорн Д. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923 годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р.Герварт и Д.Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.63–80.
14. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подготовка текста и комментарии Н.П.Соколова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 746 с.
15. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
16. Из дневника Константина Романова // Красный Архив. 1931. Т.2 (45). С.112–129.
17. Кокцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Т.1. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. 504 с.
18. Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: Нестор-История, 2009. 464 с.
19. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю.Витте – финансист, политик, дипломат. М.: Terra.-Книжный клуб, 1998. 464 с.
20. Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. 188 с.
21. Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н.Куропаткина / вст. ст. О.Р.Айрапетова. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. 455 с.
22. Манифест 17 октября // Красный Архив. 1925. Т.4–5 (11–12). С.39–106.
23. Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933 / вступ. ст. К.А.Соловьева; коммент. А.В.Сазанова, К.А.Соловьева. М.: Кучково поле, 2017. 752 с.
24. Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. 232 с.
25. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д.Узланера, М. Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
26. Пантин И.К. Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке Октябрьской революции) // Общественные науки и современность. 2017. №1. С.140–155.

ПРОЕКТЫ СИЛОВОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1905 г.

27. Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / сост., коммент., вступ. ст. О.Ю.Голечковой. СПб.: Алетейя, 2014. 704 с.
28. Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. Сост. А.А.Иванов, А.Д.Степанов. СПб.: Царское дело, 2015. 736 с.
29. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года / под ред. Л.М.Иванова, А.М.Панкратовой, С.Н.Валка, Н.А.Мальцевой и И.С.Смолина. Ч.1. М.–Л.: Наука, 1955. 778 с.
30. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года / под ред. Л.М.Иванова, А.М.Панкратовой, С.Н.Валка, Н.А. Мальцевой и И.С.Смолина. Ч.2. М.–Л.: Наука, 1955. 610 с.
31. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 годы. / под ред. Г.М.Деренковского, Г.Ф.Богданова, А.В.Пяскового, К.Ф.Сидорова, М.С.Симоновой. Ч.1. Январь–апрель 1906 года. Кн.1. М.: Наука, 1957. 1146 с.
32. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года / под ред. А.Л.Сидорова, Г.М.Деренковского, Г.Д.Костомарова, Г.Н.Кузюкова, А.М.Панкратовой. Ч.1. М.: Наука, 1955. 952 с.
33. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года / под ред. А.Л.Сидорова, Г.М.Деренковского, Г.Д.Костомарова, Г.Н.Кузюкова, А.М.Панкратовой. Ч.2. М.: Наука, 1955. 1287 с.
34. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года / под ред. А.Л.Сидорова, Г.М.Деренковского, Г.Д.Костомарова, Г.Н.Кузюкова, А.М.Панкратовой. Ч.2. М.: Наука, 1955. 1287 с.
35. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года / под ред. Н.С.Трусовой, А.А.Новосельского и Л.Н.Пушкарева. М.: Наука, 1955. 960 с.
36. Революция 1905 года и самодержавие / подг. к печати В.П.Семенников, предисл. А.М.Панкратовой, примеч. М.И.Ахун и В.А.Петрова. М.–Л.: Государственное издательство РСФСР, 1928. 284 с.
37. Розенберг У.Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р.Герварт и Д.Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.35–62.
38. Российский Императорский дом (Дневники. Письма. Фотографии): Сост. А.Н.Боханов, Д.И.Исмаил-Заде. М.: Перспектива, 1992. 220 с.
39. Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы // Сост. С.С.Атапин, Б.Д.Гальперина. Л.: Наука, 1990. 473 с.
40. Соловьев К.А. Бюрократия versus бюрократия: парадоксы государственной службы в России в конце XIX – начале XX веков // НЛЮ. 2017. №2. С.113–121.
41. Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Вып.1. Пг.: 13-ая Государственная типография, 1919. 230 с.
42. [Толстой И.И.] Мемуары графа И.И.Толстого / Подгот. текста Л.И.Толстого; Коммент.: Р.Ш.Ганелин, А.Е.Иванов. М.: Индрик, 2002. 463 с.
43. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Сборник документов под редакцией А.К.Дрезена. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1936. 260 с.

Оксана Киянская, Давид Фельдман

ТИПОЛОГИЯ ЕДИНСТВА:

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).08:35

В статье речь идет о литературных сообществах и группировках конца XIX – начала XX вв. Анализируются условия их существования в дореволюционной России и СССР, взаимоотношения с властью, особенности организации советского литературного быта. Делается вывод о том, что литературная борьба 1920-х – начала 1930-х гг. была обусловлена стремлением писателей найти и предложить власти собственное «уникальное торговое предложение», добиться гегемонии в литературе, получить право решать, как именно следует выражать большевистскую идеологию.

This article is about literary communities and groups of the late XIX – early XX centuries. The authors analyze the conditions of their existence in pre-revolutionary Russia and the USSR, relations with the authorities, peculiarities of the organization of Soviet literary life. It is concluded that the literary struggle of the 1920s – early 1930s was due to the desire of writers to find and offer their own "Unique Trade Offer", to achieve hegemony in literature, to get the right to decide how to express the Bolshevik's ideology.

Ключевые слова: символисты, кубофутуристы, комфуты, имажинисты, акмеисты, РАПП, «Перевал».

Key words: Symbolists, Cubo-futurists, Comfuts, Imaginists, Acmeists, RAPP, Pereval.

E-mail: kianoks@inbox.ru, dmfeld@inbox.ru.

Второй поворот

Как известно, в 1920-е годы отечественными исследователями впервые поставлена проблема типологии литературных сообществ. Интерес к ней закономерен: недавние политические катаклизмы обусловили изменения профессионального статуса и моделей поведения литераторов.

К началу 1920-х годов прежнего статуса у профессиональных литераторов не было. Потому как не стало такой «свободной профессии».

В досоветскую эпоху под термином «свободная профессия» аксиоматически подразумевалось, что источник дохода ее представителя не жалование, а гонорары. Для литератора, соответственно, за публикации.

Гонорары за газетные и журнальные публикации были самой значительной компонентой литераторских доходов в досоветскую эпоху. Издание книг приносило больше, зато и реже.

К началу 1920-х годов на советской территории были закрыты почти все периодические издания, не получившие государственное финансирование. Например, в Москве и Петрограде уцелели единицы. Частные издательства оказались в той же ситуации. Уцелевшие – единичные исключения.

Отнюдь не каждый раз директивно проводилась ликвидация частных издательских организаций. Часто они и сами прекращали деятельность в силу двух основных факторов.

Первый – цензурные ограничения. Отмененная в октябре 1905 года, предварительная цензура была опять введена советским правительством.

Второй фактор – дефицит ресурсов. Типографии, а также фабрики, производившие бумагу, ее запасы на складах, да и складские помещения, были национализированы. Потому выпуск каждой полиграфической единицы становился возможным, если удавалось договориться с руководством соответствующих учреждений. Разумеется, при оплате сырья и типографских работ по многократно завышенным ценам.

Договариваться удавалось лишь потому, что советские администраторы не могли своевременно инвентаризовать захваченное имущество. Опыта не было – организационного. В результате большинство типографий простаивало из-за отсутствия сырья, хотя запасы неучтенной бумаги гнили на складах.

Этим и пользовались владельцы частных издательских организаций. Находили и выкупали бумагу, оплачивали типографский цикл. Их существование терпели постольку, поскольку они и налоги платили, и

выполняли заказы правительственных учреждений, которые сами не могли вовсе, либо не успевали в срок выполнять задания правительства.

Но даже общее количество издательских организаций, государственных и частных, составляло менее десяти процентов от досоветского. Так что почти все литераторы-профессионалы в советском государстве лишились заработка.

Гражданская война для большинства литераторов – не только голод и угроза ареста сотрудниками Всероссийской чрезвычайной комиссии. Еще и перспектива мобилизации на принудительные работы, согласно декретам и постановлениям о формах так называемой трудовой повинности.

Впрочем, эти декреты и постановления относились ко всем гражданам старше шестнадцати, но моложе пятидесяти лет. Если не числились в штате какого-нибудь государственного предприятия или учреждения, подлежали так называемой трудовой мобилизации, чтобы работать там и тогда, где и когда укажут администраторы. Срок принудительных работ не ограничивался.

Да, постановления и декреты о трудовой повинности соблюдались нерегулярно. Однако литераторы, считавшие, что рисковать не стоит, покидали советскую территорию. Об этом – статья И.Г.Эренбурга «Исход», опубликованная газетой «Киевская жизнь» 6 октября 1919 года [65].

Как известно, автор, причастный к работе нелегальных социал-демократических организаций, был в 1908 году арестован, после шестимесячного тюремного заключения эмигрировал, от политической деятельности отошел ради литературной и вернулся на родину почти восемь лет спустя. Служил в советских учреждениях, но вскоре оказался на территории, не контролируемой советским правительством, и о прошлом рассуждал гневно: «От большевизма мы ушли, мы из него вышли, и никакая сила не заставит нас жить от декрета до декрета. Мы бежали не от голода, даже не от палачей из чека, а от прошлого ада, отработанного оброка».

Надолго убежать не удалось. Гражданская война закончилась, и Эренбургу вновь пришлось искать литературный заработок в Советской России. За антисоветские публикации он был арестован ВЧК, однако арест недолгим оказался: выручили давние знакомства в большевистской элите.

Что до заработка, так он был скудным даже по официальным сведениям. Например, тем, что предоставляет выпущенный издательством Московского Совета справочник «Красная Москва 1917–1920 гг.» [31].

Авторы отнюдь не драматизировали ситуацию. Не имея возможности сообщить об умерших от голода или расстрелянных ВЧК литерато-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

рах, приводили материалы анкетирования, где указывалось, что почти «90 процентов писателей не живут литературой. В графе запроса "Ваш литературный заработок прежде и теперь?" – неуклонно стоит ответ: "Прежде сто процентов, теперь иногда четверть, иногда ничего"».

Как правило – «ничего». Потому и констатировалось: «При условии необычайного сокращения изданий и книгоиздательских возможностей, писатели литературой жить не могут. Во всех советских учреждениях Москвы служат писатели, везде выполняют зачастую канцелярскую работу».

Однако и «канцелярскую работу» могли найти отнюдь не все желавшие. Не хватало вакансий. В большинстве своем литераторы бедствовали.

Причины бедствий лишь обозначались. Авторы статьи не имели возможности сетовать на фактическое бездействие государственных издательских организаций, зато отметили, что в конце 1920 года уже нецелесообразна продолжающаяся «ликвидация частных издательств».

Ликвидировать требовал созданный в 1920 году советский концерн – Государственное издательство. Его руководство не только кулуарно, но и в печати отстаивало право на издательскую монополию [9, с.7].

Ссылки на экономическую целесообразность были уже нелепы. Потому заместитель председателя концерна И.И.Скворцов-Степанов перешел к аргументам идеологическим. Его статья «Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия» опубликована в декабрьском номере журнала «Книга и революция»: конкурентам он инкриминировал поддержку литераторов, уклоняющихся от сотрудничества с правительством [50, с.5].

Ликвидация конкурентов продолжалась и после того, как была декларируется так называемая новая экономическая политика. 18 апреля 1921 года Народным комиссариатом просвещения запрещен «отпуск всякого рода бумажных и полиграфических средств для частных издательств из государственного фонда» [27, с.213].

Это не помогло претенденту на монополию. Книжный дефицит по-прежнему рос, государственные издательские организации не успевали в срок выполнять даже заказы Совета народных комиссаров. И правительство было вынуждено согласиться на уступки.

12 декабря 1921 года СНК установил разрешительную процедуру регистрации частных издательств. Им разрешалось также приобретать бумагу, арендовать и создавать типографии, книжные магазины, склады [27, с.112].

Правительство решало задачу управления общественным сознанием в условиях мира. Для этого требовались и книги, и журналы, и, конечно же, писатели. А если государственные организации не могли выполнить правительственные заказы, так уместно было привлечь частных, пока советские администраторы получают организационные навыки.

Разумеется, правительство озаботилось и созданием дополнительных механизмов контроля. Но в 1922 году литературный процесс опять радикально изменился. Это был уже второй поворот.

Через пару лет писатели могли жить не только службой, а многие вообще обходиться без служебного жалования. Хватало гонораров, и опять появилась такая «свободная профессия» – литератор.

Вот только литературный процесс иным стал. Лишь отчасти похожим на досоветский.

Инструменты и материалы

Обычно проблема советской литературной специфики обсуждалась публицистически. Как иностранными, так и советскими литературоведами.

Научный же подход был в 1924 году определен Б.М.Эйхенбаумом, Ю.Н.Тыняновым и В.Б.Шкловским. Речь шла о коллективной монографии «по истории "литературного труда" в России» [Подробнее см.: 57].

На уровне пропаганды само понятие «труд» чуть ли не сакрализировано тогда. И соотносилось оно в первую очередь с физической работой. Метафорическая характеристика СССР – «государство рабочих и крестьян» [См., напр., 38].

Этой пропагандистской установкой и обусловлены попытки многих советских писателей сопоставить литературную деятельность именно с физическим трудом. Даже и отождествить. Примеры общеизвестны.

Выбранное Эйхенбаумом, Шкловским и Тыняновым обозначение тематики выглядело по-советски. Авторы как бы демонстрировали лояльность.

На самом деле они искали ответы на вопросы, **что произошло** с литературой и писателями в советскую эпоху. Для этого требовалось определить, **что было**.

В первую очередь конкретизировать объекты изучения. Определить, что же и в какую эпоху, согласно тыняновским дефинициям, считать «литературным фактом» [здесь и далее цит. по: 52].

Далее – характеризовать изменения. Установить, какие и когда, опять же, по Тынянову, рассматривать в качестве итогов «литературной эволюции» [53].

Замысел коллективной монографии не удалось реализовать. Но два года спустя его пунктирно обозначил Шкловский в книге «Третья фабрика», опубликованной московским издательством «Круг» [62].

Уже через несколько лет «Третья фабрика» – библиографическая редкость. В 1978 году вышел английский репринт, для него на обороте титула Шкловский оставил надпись, факсимильно воспроизведенную издателем: «Эта книга полна печальной дерзостью» [42, с.269].

Шкловский не определял различия литературного процесса досоветской эпохи и недавнего советского прошлого, лишь указывал их – намеками. Так, отметил, словно мимоходом: «Рынок давал писателю голос».

По Шкловскому, писатель не был независимым и в условиях рынка. Но то иные формы зависимости, еще не изученные: «Хочу писать о несвободе, гонорарных книгах Смирдина, влиянии журналов на литературу...»

Для коллег-литературоведов знаковым было упоминание об издатель-меценате А.Ф.Смирдине, основавшем самый популярный в 1830-е годы журнал с необычайно высокими гонорарными ставками «Библиотека для чтения». Бесспорно, писатели зависели от произвола такого заказчика, но ведь и выбор у них всегда оставался.

Шкловский ориентировался на фоновые знания осведомленных читателей. Опыт Смирдина – установление товарных отношений издателя с писателем. Но в советскую эпоху важнее оказались другие факторы: «Инерция искусства, то, что делает его автономным, сегодня ему не нужно».

Формы литературской зависимости в досоветскую и советскую эпохи Шкловский сопоставлял имплицитно. Словно бы невзначай отметил: «Я занимаюсь несвободой писателя. Изучаю несвободу...» [62, с.16, 17, 81, 67].

Эйхенбаум продолжал то же исследование в несколько ином направлении. Год спустя эксплицировал тематику и проблематику в заглавии ныне хрестоматийно известной статьи «Литературный быт» [здесь и далее цит. по: 64].

Политические оценки Эйхенбаум не формулировал. Характеризовал ситуацию нейтрально-академически: «Можно сказать решительно, что кризис сейчас переживает не литература сама по себе, а ее социальное бытование. Изменилось профессиональное положение писателя, изменилось соотношение писателя и читателя, изменились привычные условия и форма литературной работы, произошел решительный сдвиг в

области самого литературного быта, обнаживший целый ряд фактов зависимости литературы и самой ее эволюции от вне ее складывающихся условий».

Коллегам не требовались пояснения. Иным стало «профессиональное положение писателя», когда доходы зависели только от произвола советских администраторов, игнорировавших задачу извлечения прибыли. Да, с 1922 года появились другие заказчики, однако не исключалось возвращение к «военному коммунизму».

Современниками эйхенбаумовская статья воспринималась еще и как анонс будущих исследований. Причем намеренно эпатазирующий: один из создателей так называемой формальной школы, базовым принципом которой считался анализ исключительно поэтики, заявил о необходимости изучения материала нелитературного: писательских доходов, литературных кружков, салонов, «редакционного быта».

От прошлого Эйхенбаум не отрекался. Наоборот, акцентировал ответственность: «Вопрос о том, "как писать", сменился или, по крайней мере, осложнился другим, "как быть писателем". Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонилась проблемой писателя».

Эйхенбаум указал, что препятствует литературоведческим исследованиям. Дефицит инструментария: «Колоссальный материал прошлого, лежащий в документах и разного рода мемуарах, только частично попадает на страницы (и не всегда один и тот же), поскольку теория дает право и возможность ввести в систему часть его под тем или другим смысловым знаком. Вне теории нет и исторической системы, потому что нет принципа для отбора и осмысления фактов».

Ценность теории зависела от ее инструментальности – в аспекте задач актуальных. Согласно Эйхенбауму, «нужда в этих или других фактах, самая потребность в том или другом смысловом знаке диктуется современностью – проблемами, стоящими на очереди».

Речь шла о перспективах. Ближайших: «Современность привела нас к литературно-бытовому материалу, но не с тем, чтобы увести от литературы и поставить крест на сделанном в последние годы (я разумею литературную науку), а с тем, чтобы заново поставить вопрос о построении историко-литературной системы и понять, что значат совершающиеся на наших глазах эволюционные процессы».

Используя современную терминологию, можно сказать, что две задачи обозначены как важнейшие. Первая – описание схем финансирования литературы. Вторая, соответственно, – анализ организационных форм, детерминировавших литературный процесс.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Описанием ряда финансовых схем литературного прошлого занялись Т.С.Гриц, М.М.Никитин и В.В.Тренин. В 1929 году московское издательство «Федерация» выпустило их монографию «Словесность и коммерция. Книжная лавка А.Ф.Смирдина» [14].

Книга вышла под редакцией Шкловского и Эйхенбаума. На их работы, цитированные выше, и, разумеется, тыняновские, были приведены ссылки.

Планы создания обновленной академической школы, казалось бы, реализуются. В том же 1929 году, хоть и несколько позже, ленинградским издательством «Прибой» выпущена монография М.И.Аронсона и С.А.Рейсера «Литературные кружки и салоны» [2].

Работали авторы под руководством Эйхенбаума, он был научным редактором, им же и предисловие написано. Ну а там вновь обозначилось уже неоднократно заявленное направление исследований: «Прилавок книжного магазина, на который ложится, в ожидании покупателя, новая книга, – это нечто вроде эстрады, на которой является артист перед публикой. Кроме этой "эстрадной" жизни, у литературы, как и у других искусств, есть жизнь более интимная, но не уходящая в область быта вообще, а только скрещивающаяся с ним» [здесь и далее цит. по: 64].

Литераторские сообщества – область быта. Соответственно, Эйхенбаум отметил: «Писатель работает не в одиночку, а бок о бок со своими единомышленниками, друзьями, товарищами по ремеслу и т.д. Образуются "кружки", "группы", устраиваются собрания, заседания или просто "вечеринки". Эти формы общения меняются, то приближаясь к наиболее "домашним", то развертываясь в сторону большей общественности или публичности – как меняется самый тип литератора, от поэта-дилетанта до журналиста-профессионала, как меняется и сама литература, от альбомной лирики до газетного фельетона».

Обозначил Эйхенбаум и хронологические рамки исследования, проведенного Аронсоном и Рейсером. Так, указывалось: «Литературные кружки и салоны особенно характерны для русской культуры начала XIX в. Они существовали в быту, конечно, и до этого, но не имели значения литературного факта».

Примечательно, что в предисловии Эйхенбаума – опять ссылка на опубликованную пятью годами ранее статью Тынянова о феномене «литературного факта». Вновь эксплицирован тезаурус школы.

Обозначив хронологические рамки исследования, Эйхенбаум подчеркнул, что и к началу XX века прежние формы литературских сообществ не исчезают вовсе. Они эволюционируют.

По Эйхенбауму, именно в 1920-е годы актуализировалась задача изучения литературских сообществ. Значит, публикация книги Аронсона и Рейсера обусловлена актуальностью тематики: «История не принадлежит к числу бескорыстных, чисто теоретических наук, (если такие науки вообще есть). Кто-то в шутку назвал ее "пророчеством назад". Это вовсе не так странно, как может показаться. Да, мы "пророчествуем назад", чтобы таким образом разобраться в современности, потому что не можем пророчествовать вперед. Мы ищем в прошлом ответов и аналогий – устанавливаем закономерность явлений. История – особый метод истолкования современности».

Об источниках рассуждения Эйхенбаума относительно «пророчества назад» спорят и ныне. В нашу задачу анализ этой полемики не входит [подробнее см., напр.: 22].

Применительно к нашей задаче важно другое. В ироническом рассуждении о «пророчестве» истории противоречие. Да, историки порою ищут в прошлом закономерности, обусловившие настоящее, однако не следует отсюда, что прогнозирование вовсе исключено. Нередко оно подразумевается, а Эйхенбаум отрицал такую возможность.

Противоречие – намек на понятные читателям-единомышленникам обстоятельства. Если по Шкловскому – «печальная дерзость»: книга Аронсона и Рейсера опубликована в разгар так называемого свертывания нэпа.

Частная инициатива, в том числе издательская, вытеснялась тогда из экономики. Правительство возвращалось к принципу монополии.

Эмпирика и аналитика

В 1929 оставались еще надежды на перемены к лучшему, но «пророчествовать вперед» было уже крайне опасно. Настоящее становилось все больше похожим на сравнительно недавнее прошлое советское.

В книге Аронсона и Рейсера акцентирована логическая выверенность, т.е. соотнесенность дифференциальных признаков каждого из вводимых понятий и специфики исследуемого материала. Авторы имплицитно ссылались на тыняновское суждение: «Теория словесности упорно состязается с математикой в чрезвычайно плотных и уверенных статических определениях, забывая, что математика строится на определениях, а в теории литературы определения не только не основа, но все время видоизменяемое эволюционирующим литературным фактом следствии» [здесь и далее цит. по: 2].

Дифференциальные признаки определялись без избыточной строгости, над которой Тынянов иронизировал. Так, отмечено, что «кружком» именуется «небольшое, обычно приятельское объединение, собиравшееся где-нибудь на дому, не зарегистрированное в соответствующих инстанциях, но обычно имеющее, особенно в пределах первой четверти прошлого века, свой устав и ведущее протоколы своим заседаниям».

Наличие устава и ведение протоколов становятся факультативными признаками ко второй четверти XIX века. Аронсон и Рейсер объясняют причину изменений: «Эта формальная сторона домашних кружков очень скоро изжила себя, по-видимому, именно вследствие своей формальности, угрожавшей членам интимного кружка крупными неприятностями со стороны полиции».

Отсюда не следовало, что от устава и протоколов тогда отказались все объединения. Но признак стал факультативным. Приведена и общая характеристика: «Домашние кружки, возникающие свободно и не сдержанные инерцией официального существования, в меньшей степени обязаны посторонним факторам и в большей степени посвящены литературе. Они сами создают литературу, в то время как официальные общества ею питаются».

Характеристика функций тоже приведена Аронсоном и Рейсером. Кружок становится «кратковременной организацией того литературного молодняка, который, не удовлетворяясь официальной литературой взрослых, пытается разрешить литературные вопросы по-своему».

При этом исследователи отмечают, что термины «молодняк» и «взрослые» не следует понимать буквально. Первые – дилетанты, готовящиеся к литературным дебютам. Ну, а вторые, соответственно, уже добившиеся известности, авторитета. Своего рода наставники «молодежи».

По Аронсону и Рейсеру, один из признаков объединения «кружкового» типа – не только относительная регулярность собраний. Еще и обязательность их посещения всеми участниками. Правило вводилось негласно, соблюдалось нестрогое, и все же часто нарушавшие его выбывали из кружков.

Но и сами объединения существовали недолго. Аронсоном и Рейсером указано: «Организуемые для решения определенных очередных задач, изменяющиеся сообразно со своей функцией в ту или иную эпоху, кружки обычно уже очень скоро вступают в стадию своего умирания».

Итак, Аронсоном и Рейсером указаны основные дифференциальные признаки литературного кружка первой трети XIX века:

- *«домашняя» форма;*
- *принципиальная установка на неофициальность деятельности;*

- *регулярность собраний;*
- *фиксированный состав постоянных участников;*
- *обязательность посещения собраний.*

Что до оценки сроков деятельности, этот признак не формализован. Он в сравнении характеризуется: «Салоны более живучи, чем кружки. Сплошь и рядом мы сталкиваемся с салонами, охватывающими несколько десятилетий. Салон Ф.П.Толстого, известный в 30-х годах и продолжавшийся, по-видимому, позже, был основан в 1809 г.».

У салона дифференциальных признаков меньше. Он «более, чем кружок, связан с бытовой обстановкой эпохи, потому что в нем нет твердо фиксированного состава посетителей и нет обязательности его посещения. Тут формы значительно более свободные, чем в кружке».

Насколько «более свободные», указано. По Аронсону и Рейсеру, состав участников «каждый вечер определяется личным желанием, личными интересами, волею, но не обязательством».

Речь шла не только и не столько о «личных интересах» участников. Главный дифференциальный признак – «наличие хозяев. Это сказывается на характере салона в том отношении, что контингент посетителей далеко не всегда объединен общностью интересов, подобно членам кружка».

Иная, значит, прагматика собраний. А коль так, «появляются на сцену и семейные связи, и положение в свете, и всякого рода случайные знакомства».

Определена и хронологическая специфика. По Аронсону и Рейсеру, салоны «работают двояко: в заранее твердо фиксированные дни и просто по вечерам. К первому типу относится салон В.Ф.Одоевского (субботы), ко второму – салон Е.А.Карамзиной».

К разновидностям салона отнесены и так называемые журфиксы. Они часто обозначались фиксированным для собраний днем недели и фамилией «хозяина». Например, среды Н.В.Кукольника, четверги Н.И.Греча и т.п.

Согласно Аронсону и Рейсеру, фиксированным днем недели иногда обозначались и кружковые собрания. Но если там упоминание имени основателя или председателя было факультативным признаком, то применительно к салону обязательным.

Два типа объединений различаются и функционально. По Аронсону и Рейсеру, «кружок больше связан с писателем, салон с читателем».

Итак, Аронсоном и Рейсером определено, что кружки и салоны объединяют следующие дифференциальные признаки:

- *«домашняя» форма;*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

- *принципиальная установка на неофициальность деятельности;*
- *регулярность собраний;*

Однако при этом салоны отличает от кружков:

- *нефиксированный состав участников;*
- *наличие постоянного «хозяина» или «хозяйки», от воли которых зависят изменения состава участников;*
- *необязательность посещения собраний участниками.*

Подчеркнем, что дифференциальные признаки кружков и салонов первой трети XIX века релевантны и позже. Отличия же обусловлены фактором, характеризуемым как «изменения литературной системы».

К началу XIX века значение журналистики невелико, соответственно, кружки и салоны популярны. В 1830-е годы – уже на периферии литературного процесса. А позже их оттесняют «толстые» журналы.

Преимущественно вокруг журналов группируются литераторы-единомышленники. Значение кружково-салонной деятельности даже не третьестепенно [см., напр.: 5].

Иная тенденция в 1880-х годах: значительны цензурные ограничения. Потому журналы утрачивают индивидуальность на уровне редакционной идеологии, да и качества литературного материала.

Такою вот тенденцию и характеризовал А.П.Чехов в 1888 году. Отвечая на письмо Я.П.Полонского, соглашался, что для журнальной консолидации уже нет причин: «Требование, чтобы талантливые люди работали только в толстых журналах, мелочно, попахивает чиновником и вредно, как все предрассудки. Этот предрассудок глуп и смешон. Он имел еще смысл тогда, когда во главе изданий находились люди с ясно выраженной физиономией...» [Здесь и далее цит. по: 55].

Идеологов сменили коммерсанты. По словам Чехова, «когда вместо литературных физиономий во главе изданий торчат какие-то серые круги и собачьи воротники, пристрастие к толщине издания не выдерживает критики, и разница между самым толстым журналом и дешевой газеткой представляется только количественной...»

Роль журналов невелика. Зато, как отмечает Г.Ю.Стернин, в ту пору быт интеллектуалов пронизан «кружковостью» [см.: 51, с.14].

В начале XX века цензурных стеснений все меньше, журналы вновь становятся идейно-организационными центрами, однако и кружково-салонный досуг – неотъемлемый элемент литературного процесса. Об этом еще помнили многие читатели Аронсона и Рейсера.

Кстати, соавторы указали и несколько иных литературно-бытовых форм. В частности – «публичные и домашние чтения писателями своих произведений; эта традиция сохранилась отчасти до сих пор».

Следовало отсюда, что другие традиции не сохранились в советскую эпоху – применительно к таким объединениям, как литературные кружки и салоны. Аронсон и Рейсер не пытались описывать конкретные причины, обусловившие эту ситуацию.

В 1929 году не требовались пояснения. Коллегии-современники по собственному опыту знали, что «домашняя» форма регулярных собраний и принципиальная установка на неофициальность деятельности непременно привлекут внимание чекистов. Со всеми отсюда вытекающими тяжелыми последствиями. Вот и не осталось литературных кружков – в досоветском понимании термина. Объединения, так именовавшиеся, могли существовать только официально: при каком-либо предприятии, учреждении, либо иной организации, официально зарегистрированной.

Салоны тоже стали принципиально иными. Возможность существования каждого обусловлена статусом «хозяина» или «хозяйки» в государственной иерархии. От чекистского внимания это не избавляло, но от соответствующих последствий оберегало. По крайней мере, до поры.

Отметим, возвращаясь к цитированной выше статье Эйхенбаума о «литературном быте», что там обозначен и подход к изучению объединений, не относившихся к салонам или кружкам. В 1920-е годы их – вполне официально – именовали группировками.

Словно бы невзначай Эйхенбаум указал различия. По его словам, «литературные группировки, если они и есть, образуются по каким-то "внелитературным" признакам, по признакам, которые можно назвать литературно-бытовыми».

Это суждение тоже выглядело эпатажно. В журнале, где впервые напечатана цитируемая статья, постоянно обсуждалась полемика литературных сообществ. Ну а год спустя В.М.Саянов опубликовал книгу «Современные литературные группировки» [здесь и далее цит. по: 47].

К несовременным отнесены, например, символисты и футуристы. Современные же сформированы в советскую эпоху.

Правда, не определено само понятие, охватывавшее названные Саяновым объекты. И все же, суммируя о них сказанное, можно выделить **два дифференциальных признака, соотносимых в досоветскую и советскую эпоху с термином «литературная группировка»:**

- *опубликованный манифест, где определены критерии общности участников и теоретическая основа их деятельности;*

• публикации участников объединения, позиционируемые как образцы реализации теоретических установок.

Если верить Саянову, в советскую эпоху гораздо больше стало «литературных группировок». По Эйхенбауму же, чтобы сравнивать их количество с досоветским, требовалось бы доказать, что они существуют: появились «признаки», которых раньше не было, а прежних нет.

Какие же критерии уместно признать «литературно-бытовыми», Эйхенбаум не указал. Так что вернемся к дифференциальным признакам, которые, применительно к советской и досоветской эпохам, считал очевидными Саянов.

Видимость и сущность

Понятно, что создание литературных текстов как процесс не подразумевает необходимость объединения литераторов и присвоения ему имени. Да и публикация манифеста не требуется.

Название и программный документ – элементы рекламы. Если пользоваться современной терминологией, средства продвижения товара.

Как известно, на исходе XIX века создать программно объединенные сообщества в России пытались символисты. Литературный рынок в ту пору насыщен, привлечь читательское внимание – задача сложная. Быстрое решение подразумевало эффективные средства рекламы. Если пользоваться современной терминологией, понадобились «бренды».

Такого рода методы были давно в ходу на европейском рынке литературы. В Российской же империи характерный пример комплексной технологии рекламы – экспансия символистов.

Взаимосвязанные рекламные акции провел Д.С.Мережковский. Он выпустил сборник «Символы» и прочел для Русского литературного общества лекции, ставшие основой изданной в 1893 году книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» [36].

Новый «бренд» ввел Мережковский в России. Обозначил связь публикаций с наследием европейских символистов, а это подразумевало, что его стихи – реализация теоретических установок, изложенных в книге.

Современники восприняли книгу в качестве манифеста. Как известно, «причинами упадка» русской литературы Мережковский объявил попытки следовать принципу жизнеспособия, понимавшемуся как реализм, ну а «новыми течениями» – деятельность символистов.

Мережковский настаивал, что преодолеть «упадок современной русской литературы» способны лишь символисты. И не рассудочно, а творя

мистически обусловленные символы в качестве своего рода лестницы, по ступеням которой поэт буквально прорывается к откровению, постигает мир «сверхчувственно».

Подразумевалось, что восприятие символистской поэзии – сотворчество с поэтом. Читатель, по лестнице символов поднимаясь, тоже обретет способность постигать мир «сверхчувственно».

Из тезисов, предложенных Мережковским, следовало, что представителей нового литературного направления нельзя оценивать по критериям, привычным в оценке реалистов, да и писателей всех прочих направлений. Символисты решают иные задачи и в другой области. Коль так, они и есть новые классики, если учитывать значение термина «классический», выводимое из латинского «образцовый» *classicus*.

Мережковский описывал и совокупность преимуществ, которые могут обрести читатели, способные воспринять публикации символистов. Таким образом формулировалось, если использовать современную терминологию, «УТП» **«уникальное торговое предложение»**.

Прагматика символистского «УТП» – приглашение читателей в элиту. Интеллектуальную и духовную.

Логически это с необходимостью подразумевалось. Раз уж поэзия символистов элитарна, значит, способные воспринять ее – элита.

Но успех пришел не вскоре. Поэтический сборник провозвестника русского символизма не стал заметным событием: критики не усмотрели особой новизны в содержании. Теоретические же установки постольку были оценены негативно, поскольку Мережковский декларировал неприятие реализма [см., напр.: 49].

Мережковскому критики инкриминировали, по сути, измену традициям русской литературы. Само понятие «реализм» в России традиционно ассоциировалось с описанием социальных противоречий, т.е. защитой «интересов народа».

Нет оснований полагать, будто Мережковский не знал, что в России декларативное неприятие реализма – идея эпатажная. Он и привлекал внимание к символизму, сознательно эпатажу либералов.

Примененная Мережковским рекламная технология – не сумма, а система приемов, содержащая пять основных компонент:

- *использование чужого «бренда»;*
- *установка на эпатаж;*
- *«УТП», адресованное розничному покупателю литературной продукции;*
- *соотнесенность подразумеваемых «брендом» или уже опубликованных теоретических установок с образцами их литературной реализации;*

• *внеконкурентность, т.е. декларирование принципиальной невозможности оценивать по уже известным критериям публикации литераторов, входящих в новое сообщество.*

Можно спорить, планировал ли Мережковский тактику рекламы, или же его технология интуитивно создана. Бесспорно, что она была сразу усвоена современниками.

Так, В.Я.Брюсов тоже начал с реализации теоретических установок, подразумеваемых «брендом». В 1894–1895 годах опубликовал три коллективных сборника – «Русские символисты» [45].

Прагматика комплексной акции примерно та же. Читателям предлагались и образцы реализации теоретических установок, и они сами – в предисловиях.

Многие стихотворения в серии брюсовские, пусть и под разными псевдонимами. Однако прагматику комплексной акции это не меняло.

Не изменилось и «УТП». Читателей приглашали в элиту – интеллектуальную и духовную.

Рекламную атаку Брюсов продолжал, эпатируя критиков: эротическая тематика публикаций, эксцентричная манера одеваться, декларативный эгоцентризм. В общем создавал обстановку непрекращающегося литературного скандала.

Акцентировалась, причем агрессивно, внеконкурентность – по модели, предложенной Мережковским: для оценки публикаций символистов неприменимы привычные критерии. Можно отметить, что агрессия была компонентой, обусловленной технологически как эпатаж. Процедура самоутверждения подразумевает некое противостояние. Чему – вопрос принципиальный.

Брюсов дополнил рекламную технологию Мережковского. Сначала тоже использовал европейский «бренд», но модифицировал его. Затем вернулся к исходному: определение «русские» стало лишним, можно было и просто «символистами» именоваться. Свой авторитет теоретика утверждал апробированными методами: лекции, затем и программные статьи в периодике [см.: 7].

К.Д.Бальмонт тоже использовал апробированную рекламную технологию. Эпатировал критиков эротической тематикой, эксцентричным поведением. А еще – не только стихи публиковал, но и публичную лекцию о символизме читал неоднократно. В 1908 году она напечатана как статья «Элементарные слова о символической поэзии» [см.: 4].

По мере утверждения «бренда» на литературном рынке теоретические положения в статьях символистов формулировались и аргументи-

ровались все подробнее, агрессия же умерялась. Не было необходимости самоутверждаться в противостоянии чему-либо.

Именно в этот период особенно заметны разногласия символистов. Лидеры соперничали, расторгая прежние союзы, формируя новые и т.д.

Шла борьба за пока что общий «бренд». Но обаяние новизны он утратил на исходе 1900-х годов, и новым дебютантам требовались модифицированные рекламные технологии.

Инерционные варианты

Прилежные ученики символистских теоретиков – русские футуристы. Они не только использовали, но и модифицировали апробированные компоненты рекламы.

Так, в 1910 году Игорь Северянин объявил себя футуристом. Присвоил европейский «бренд» – традиция российских новаторов.

Эпатажные акции итальянских футуристов были уже известны русским читателям. Использованный «бренд» подразумевал и теоретические установки, и «УТП» – приглашение в элиту.

В качестве критерия элитарности выбрана современность. Футуризм позиционирован как единственное соответствовавшее требованиям современности направление, значит, способные воспринять сделанное футуристами – тоже элита.

Модифицирован «бренд» в 1911 году. Северянин – лидер петербургской группы поэтов, объявивших себя эгофутуристами [26].

Он тоже эпатировал критиков эгоцентризмом и эротической тематикой. Успеха добился как реализатор подразумевавшихся теоретических установок.

Главным теоретиком стал куда менее удачливый К.К.Олимпов. В 1912 году выпущен программный документ «Скрижали эгопоэзии. Манифест Вселенского эгофутуризма» [См.: 39].

Да, период относительного единства эгофутуристов оказался недолгим: формировались группы, конкурировавшие друг с другом. Однако эгофутуризм привлек внимание читателей, значит, реализаторам и теоретикам удалось решить задачи рекламные.

Новые дебютанты использовали опыт эгофутуристов. И появилась очередная модификация «бренда» – «кубофутуризм».

Мы не рассматриваем совокупность весьма сложных проблем, связанных с генезисом кубофутуризма в живописи. Существенно, что Д.Д.Бурлюк как инициатор нового сообщества художников и поэтов

заботился не о создании теории, а искал тех, кого стоило бы объявить реализаторами подразумевавшихся теоретических установок.

Будучи, можно сказать, состоявшимся художником, Бурлюк с иронией относился к своим поэтическим экзерсисам. И если в области живописи он сумел найти реализаторов сразу, то отыскать литературных единомышленников оказалось труднее [См.: 46].

Так, Велимир Хлебников был авторитетен в литературных кругах, его идеи пригодились для формирования теоретической базы, а вот публичным акциям он лишь мешал.

Как известно, В.В.Маяковскому досталась роль главного реализатора. Ну а вслед за ним прорывались на литературный рынок те, кто не успел использовать прежние «бренды».

Правда, новому сообществу не хватало так называемого ресурса новизны. Дефицит компенсировали эпатажем, доводя его до крайностей. Что и отражает сборник «Пощечина общественному вкусу», где под тем же заглавием опубликован манифест, подготовленный в декабре 1912 года [здесь и далее цит. по: 8].

С читателями ранее заигрывали, а если дерзили, то осторожно. Заглавием же нового манифеста подразумевалось, что авторы отвергают и публику. Ну а далее была отвергнута русская литература, как говорится, от классиков до современников.

Имена перечисленных в манифесте писателей – знаковые, особо же нелестные характеристики достались символистам. Что и обозначало внеконкурентность нового сообщества: конкурировать не с кем.

Агрессивно формулировалась и позитивная часть программы. Использован оборот, противоречивший контексту: «Мы приказываем читать права поэтов».

Читателям ранее предлагали, а не приказывали. Авторы же манифеста провоцировали отторжение, утверждая, что будут «стоять на глыбе слова "Мы" среди моря свиста и негодования».

Но провоцировавшее негодование одних читателей вполне одобрялось другими. Прагматика манифеста – бунтарство, а это уже вызывало прогнозируемые ассоциации с пресловутой революционностью. Значит, обеспечивало сочувствие интеллектуалов, оппозиционных режиму.

Факторы политические обусловили своего рода инерцию протеста. Ей пренебрег Мережковский ради эпатажа, а вот кубофутуристы использовали в рекламных целях.

«УТП» не изменилось: читателей приглашали в элиту. Зато идентификация элитарности – уже по двум критериям: современность и оппозиционность.

Кстати, лидеры нового сообщества вновь использовали опыт предшественников. От модифицированного «бренда» отказались и вернулись к исходному: называли себя футуристами.

Да, напечатали они мало. Зато концертное турне по городам в 1913–1914 годах принесло доходы, несоизмеримые с инвестициями.

На концертах футуристы дерзили публике, эпатировали ее необычными сценическими костюмами и – особенно – раскрашенными лицами. Однако подобного рода приемы воспринимались большинством зрителей как «выражение общественного протеста». И одобрялись.

В скандале футуристы, можно сказать, находили опору. Провоцировали негодование критиков, затем полемизировали с ними, что способствовало росту популярности сообщества [см.: 44; 30; 61].

Примкнувший к футуристам В.Г.Шершеневич подробно характеризовал их рекламную технологию в мемуарах, опубликованных на исходе советской эпохи. Определил и основную компоненту: «Скандал в дореволюционной России был одним из легальных способов "протеста". Скандал был и способом саморекламы» [здесь и далее цит. по: 59].

Эффективной была технология. Так, по словам Шершеневича, осенью 1913 года кресло в самом дорогом ряду престижного театра стоило пять рублей, а за вход в артистическое кафе, где планировалось выступление футуристов, «платили баснословно дорого: чуть ли не по 25 рублей!»

Скандал – форма противопоставления. А без этого нет самоутверждения. Традиция.

Н.С.Гумилев и С.М.Городецкий, создавая новое литературное сообщество, тоже начали с противопоставления. Выбран был оппозирующий символизму «бренд» «Цех поэтов».

Само понятие «цех», вызывая ассоциации с европейскими объединениями ремесленников, указывало, что речь идет о литературном мастерстве, а не эзотерических поисках. Рекламная кампания была начата в марте 1912 года выпуском сразу двух сборников: «Вечер» А.А.Ахматовой и «Дикая порфира» М.А.Зенкевича [3; 24].

«Цеховая» общность акцентировалась полиграфически. Два сборника – в почти идентичных обложках с логотипом объединения под заглавием.

Основатели «Цеха поэтов» уступили первенство Ахматовой и Зенкевичу. Что было целесообразно: доказательством новизны объединения читатели бы не сочли книги уже добившихся известности Городецкого и Гумилева [подробнее см., напр.: 29].

Третий «цеховой» сборник «Аллилуйя» В.И.Нарбута издан в апреле 1912 года. И тоже с логотипом нового сообщества на обложке, что подтверждало: оно действует [см.: 37].

В первом номере за 1913 год журнал «Аполлон» опубликовал сразу два манифеста нового сообщества. Очередной «бренд» вводился заглавием гумилевской статьи «Наследие символизма и акмеизм». Городецкий тоже и новизну обозначил, и тему противостояния актуализировал: «Некоторые течения в современной поэзии» [см.: 15; 13].

Так читателям сообщили, что у сообщества есть и «бренд», и теоретические установки, причем на уровне публикаций уже реализующиеся. Кстати, примерно тогда возникли разногласия среди участников, однако на обложке четвертого сборника объединения – опубликованной в 1913 году книги О.Э.Мандельштама – «Камень» соотнесенность с акмеизмом обозначена посредством ключевого термина: «Акмэ» [см.: 33].

Рассмотрение вопросов, связанных с генезисом акмеизма и разногласиями участников сообщества, не входит в нашу задачу. Применительно к ней отметим, что типологически программные документы акмеистов несколько отличаются от символистских и футуристских.

Иначе обозначалась внеконкурентность. Нефункциональный мистицизм инкриминирован символистам, от них акмеисты вежливо дистанцировались, ну а футуристы высмеяны за агрессивность. Логически подразумевалось, что основа акмеизма – синтез достижений мировой литературы.

Правда, суть «УТП» не изменилась. Элитарность. Постулировалось, что в акмеизме сочетаются мудрость, сила, честность, жажда познания. Значит, способные воспринять поэзию акмеистов – элита.

Что до рекламной технологии, опыт акмеистов – проявление кризиса. Трудно судить, как она развивалась бы. Мировая война началась в 1914 году, затем Российская империя распалась и создавалась иная – советская.

Конкуренция по-новому

Выше уже отмечено, что советское правительство, сохраняя функции цензора, стало почти монопольным издателем и оптовым покупателем литературной продукции. Так было практически устранено влияние розничного покупателя на литературный процесс.

Явочным порядком вводились правила литературной конкуренции. Главное – обязательность службы правительству. Как известно, едва ли

не первыми уяснили это футуристы, возглавляемые тогда О.М.Бриком. Но проявившие конформность вынуждены были поначалу оправдываться перед коллегами [см., напр., 58; 25; 60].

Вскоре можно было и не оправдываться. Сотрудничество с новым режимом интенсифицировалось, о чем и сообщила 26 января 1919 года выпускавшаяся Народным комиссариатом просвещения газета «Искусство коммуны»: «При Выборгском райкоме РКП (большевиков) организован коллектив коммунистов-футуристов Комфут» [здесь и далее цит. по: 41].

Если использовать современную терминологию, новое сообщество – проект. Формулировались цель и задачи, решаемые для ее достижения, описаны были организационные формы, кадровая основа, и, конечно, обозначен источник финансирования.

Цель декларирована идеологическая. Причем масштабная: «Все формы быта, морали, философии и искусства должны быть пересозданы на коммунистических началах».

Средства тоже выбирались по идеологическому критерию. Что и указывал первый же уставной пункт: «В число членов коллектива Комфута может вступить каждый член РКП (большевиков), признающий культурно-идеологическую программу коллектива, принимающий устав его и согласный активно участвовать в его работе».

Партбилет – обязательное условие даже после вступления в Комфут. Это опять уставом фиксировалось: «Каждый переставший быть членом РКП (большевиков) тем самым автоматически выбывает из коллектива».

Определена и подчиненность. Разумеется, по большевистскому образцу: «Каждый член коллектива в работе своей подчинен постановлениям и руководству коллектива в лице общего собрания или президиума».

Комфут, подобно большевистской партии, должен был стать и школой администраторов, и организационным инструментом. Эти задачи фиксировались уставом: «Каждый вновь вступающий в коллектив должен изучить программные основы культурной коммунистической идеологии, преподаваемые в партийной школе коллектива».

Соответственно, «УТП» – организационно-идеологическая поддержка большевистского режима. Что и подразумевало финансирование им нового сообщества, которое создано при районном партийном комитете и даже именуется по-советски – «коллектив».

Устав «коллектива» отражает специфику проектного мышления советской эпохи. Ранее программные документы адресовали розничному покупателю, адресатом же комфутовских теоретиков было правительство.

В остальном программные документы соответствовали досоветской традиции. Использован модифицированный «бренд», есть теоретиче-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

ские установки, образцы продукции уже известны. Обозначена и внеконкурентность: нет подобного рода сообщества художников и литераторов на партийной основе, значит, комфутам и конкурировать не с кем.

Без эпатжа тоже не обошлось. Неэффективной объявлена деятельность советских «культурно-просветительских органов».

Они, согласно заверениям комфутовских теоретиков, не распространяли «коммунистическую» идеологию. Вот этим и плохи были.

Проект Брика – своего рода синтез рекламной технологии досоветской эпохи и большевистской административной практики. Комфуты применили ребрендинг: модифицировали ранее использовавшиеся «бренды» и «УТП» к новым условиям рынка.

Как известно, комфутовская инициатива не была одобрена. Не учли новаторы именно партийную специфику.

Ранее они уже получили должности в отделах Наркомпроса, возглавляемого А.В.Луначарским. Тот покровительствовал футуристам: знаковым было сотрудничество известных литераторов и художников с новым режимом. Но после комфутовской инициативы ситуация изменилась.

Во-первых, был нарушен порядок. Регистрацией объединений надлежало заниматься Наркомпросу, авторы же декларации обратились в один из райкомов партии. Можно сказать, Луначарского «обошли».

Его, во-вторых, дискредитировали. В наркомпросовской же газете объявили неэффективными подчинявшиеся Луначарскому «культурно-просветительские органы».

Наконец, Брик и его товарищи претендовали на права коммунистов, не вступая в партию. А это и вовсе комично.

Официальная регистрация «коллектива» была дезавуирована, затем и газета «Искусство коммуны» закрылась. Беспартийным футуристам предложили вступить в партию на общих основаниях, и от этого они уклонились. Что объяснимо: велик риск отправиться на фронт «в порядке партийной дисциплины».

Впрочем, провал был неизбежен, даже если бы футуристы предварительно в партию вступили и не дерзили бы Луначарскому. Не доверили бы им роль идеологов.

Отнюдь не сразу комфутовские теоретики смирились с поражением. Но пока спорили, С.А.Есенин инициировал, можно сказать, контрпроект. 10 февраля 1919 года газета «Советская страна» опубликовала декларацию литераторов и художников, именовавшихся «группой имажинистов» [см.: 17. Ср.: 18].

Анализ истории имажинизма в нашу задачу не входит. Применительно к ней важно, что в качестве «бренда» использовалась модификация названия англо-американского литературного сообщества 1900-х годов. Не все читатели это знали, но каждый, знавший термин *image*, сразу догадался: имеется в виду роль художественного образа.

Начинали авторы манифеста с полемики. В первую очередь на ранее удачливых конкурентов нападали: «Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 – умер 1919). Издох футуризм».

Примечательно, что среди авторов декларации – Шершеневич. У остальных тоже вроде бы не было причин декларировать: «Футуризму и футурию – смерть».

Далее – по мере популярности. Так, отвергнуты «лысые символисты».

Все прочие объявлены попросту неинтересными. Постулировалось: «Если мы не призываем к разрушению старины, то только потому, что уборкой мусора нам некогда заниматься».

Теоретики объединения следовали примеру футуристов. Даже лексически: «42-сантиметровыми глотками на крепком лафете мускульной логики мы, группа имажинистов, кричим вам свои приказы».

Реализация теоретических установок обозначена. Манифест подписали уже известные литераторы и художники.

Формально адресован он не только розничному покупателю. Среди адресатов – «поэты, живописцы, режиссеры, музыканты, прозаики».

Однако налицо противоречия. Во-первых, при обращении к литераторам, художникам, музыкантам и режиссерам заведомо неуместны «приказы». А во-вторых, адресованный розничным покупателям призыв стать имажинистами нефункционален.

Да, имажинистский манифест похож на футуристский. Но футуристы рекламировали продукцию, имажинисты – технологию: порождение «образов». Коль так, энергия и агрессия теряли смысл. Всем адресатам предлагали то, что для них ценности не имело.

Нет оснований полагать, будто противоречия остались незамеченными авторами декларации. Они действовали вполне логично, если учесть, что на самом деле адресован документ советскому правительству. Вот потому имажинистские теоретики и назвали себя «мастеровыми искусства».

Учили футуристский опыт. Так, 15 марта 1918 года в Москве были расклеены экземпляры «Газеты футуристов» с очередным манифестом, где авторы именовали себя «пролетариями искусства...» [см.: 34].

Брикское фиаско имажинисты тоже учили. Правительству демонстрировали, что к сотрудничеству готовы, а привилегии не требуют. И,

коль скоро не рассуждают об идеологии, признают монополию партии в этой области. Вот таким было «УТП» нового сообщества.

Целесообразен и выбор главных оппонентов. Авторы декларации лояльность демонстрировали высокопоставленным большевистским функционерам, недовольным засильем футуристов, и персонально Луначарскому, оскорбленному комфутовской дерзостью.

Ему было выгодно появление «группы имажинистов». Это подтверждало, что вполне эффективна выбранная наркомом политика в области культуры: не только футуристы, но и другие интеллектуалы выразили готовность сотрудничать с правительством.

Вскоре стало ясно, что на знаковом уровне футуристов заменили имажинисты. Теперь им покровительствовал Луначарский.

Да, не получили они наркомпросовские должности. Так и не стремились. Но государственные организации финансировали издательские планы имажинистов, разрешали новому сообществу открывать литературно-художественные кафе и книжные магазины. Реклама помогла.

Только одна ее компонента оказалась вовсе лишней – скандальность. К примеру, Шершеневич в мемуарах констатировал: «После революции мы, имажинисты, попробовали "по традиции" пойти по этому пути. Но в изменившейся ситуации факт скандала стал давать уже другой резонанс. Реклама получалась печальная, протеста не получалось совсем» [59, с.461].

Так на то и ВЧК, чтоб «не получалось». В советскую эпоху «общественный протест» стал опасен смертельно.

Зато бытовые проблемы удалось решить быстро. Гражданская война продолжалась, время для большинства советского населения голодное, холодное, а теоретики имажинизма пользовались услугами лучших портных и сапожников, жили в хорошо отапливаемых квартирах. Даже платили кухаркам, готовившим, как отметил А.Б.Мариенгоф, и свиные отбивные, и «рябчиков, глухарей, пломбиры, фруктовые муссы, золотые ромовые бабы» [см.: 35].

Контрпроект удался. Он и бриковский проект – не исключения, а характерные примеры, отражавшие условия рынка.

Формула успеха

Рыночные условия, как отмечено выше, изменились с началом так называемой новой экономической политики. Но правительство все равно оставалось наиболее щедрым финансистом [см., напр.: 54, с.117–134].

Многие писательские сообщества финансировались правительством. Но для получения субсидий нужно было не только заявить о лояльности, а еще и объяснить, что намерены делать объединившиеся. Особо примечательна с этой точки зрения опубликованная в третьем номере журнала «Литературные записки» за 1922 год статья Л.Н.Лунца «Почему мы Серапионовы братья».

Группа, как известно, формировалась еще в 1921 году. И даже сборник выпустила [см.: 48].

Правда, для издания понадобилось столько раз обращаться к различным покровителям, что целесообразно было использовать уже апробированную рекламную технологию. Для начала – актуализовать «бренд». Название группы отсылало к циклу новелл Э.Т.А.Гофмана, при этом автор манифеста заявил: имеется в виду не ученичество, главное, «чтобы голос не был фальшив, чтоб мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было» [здесь и далее цит. по: 32].

Важный фактор – личные отношения. Лунц утверждал: «Каждый из нас дорог другому как писатель и как человек».

Типологически модификации непринципиальны. Критерии объединения все-таки обозначены. И эпатаж – применительно к советским условиям налицо: отрицается общность политическая. Есть и «УТП». Это сочетание искренности с литературным мастерством.

Вот только адресация невнятная. Если адресаты – розничные покупатели, так незачем вроде бы объяснять им, что участники нового объединения искренни. Это читатель сам решит, аналогично ему и оценивать уровень литературной техники. Значит, нефункционально «УТП».

На самом деле оно постольку функционально, поскольку адресовано правительству. Лунц учел советский опыт: бриковское фиаско, имажинистский успех.

Да, критерий политической общности Лунц отверг демонстративно. Однако в том же номере «Литературных записок» опубликованы автобиографии «серапионовых братьев», где обозначена лояльность каждого.

Лунц утверждал, что главное в деятельности «Серапионовых братьев» – искренность и мастерство. Это и требовалось правительству, если подразумевалась лояльность.

Даже эпатаж оказался функциональным. «Серапионовым братьям» критики инкриминировали уклонение от политических требований, Лунц полемизировал в печати, и, пока шли споры, функционеры ЦК партии содействовали новому сообществу – финансово [см.: 21; 23; 43].

Вскоре группа распалась, каждый из участников действовал самостоятельно, однако рекламная технология вполне отражает советскую тенденцию. **Две компоненты рекламы стали обязательными:**

- *обозначение лояльности режиму;*
- *обоснование ценности нового сообщества как инструмента реализации партийных установок.*

Недавние комфуты тоже распознали тенденцию. И опять прибегли к ребрендингу: Маяковский в январе 1923 года обратился к ЦК партии с письмом, где просил субсидировать журнал «Левого фронта искусства» [см.: 20. Ср.: 6].

Опубликованная этим журналом декларация содержит и дежурное попиране всех предшественников, и доказательства ценности сообщества как инструмента решения правительственных задач. Лефовские теоретики утверждали: они знают, **что** нужно сейчас правительству и готовы содействовать ему в решении актуальных задач: организации пропаганды, торговой рекламы и т.д. При этом заверяли: «Сейчас мы ждем лишь признания верности нашей эстетической работы, чтобы с радостью растворить маленькое "мы" искусства в огромном "мы" коммунизма» [10].

«УТП» – лояльность, опыт и готовность решать государственные задачи. Через пять лет Б.Л.Пастернак в одной из редакционных анкет, которую просил не печатать, отозвался о лефовцах нелестно. По его словам, удручен был «избыточной советскостью, т.е. угнетающим сервилизмом, т.е. склонностью к буйствам с мандатом на буйство в руках» [см.: 1; см. также: 54, с.128–129].

Типологически рекламная технология почти не изменилась. Эпатаж в досоветскую эпоху ассоциировался с «общественным протестом» и способствовал успеху, а при советской власти протестовать можно было разве что против недостаточной лояльности, вот и пришлось недавним футуристам «буйнить» сервильно, т.е. обеспечив зараннее «мандат на буйство». Инерция.

Теоретики Литературного центра конструктивистов (ЛЦК), сформировавшегося весной 1922 года, тоже обозначали «буйство», отрицая традиции. Состав группы менялся, зато неизменной оставалась ссылка на владение уникальной литературной технологией, посредством которой могут быть достигнуты результаты, недостижимые для конкурентов [56].

«Бренд» использован уже известный. Правда, ранее он ассоциировался с архитектурой [см., напр.: 12].

Новое сообщество экстраполировало его на литературу. Авторы очередного манифеста, опубликованного журналом «Леф», утверждали,

что «конструктивизм – упорядоченные в систему мысли и общественные умонастроения, которые подчеркнута отражают организационный натиск рабочего класса» [см.: 19].

Подразумевалось, что ЛЦК решает задачи, нужные правительству. «УТП» – лояльность и современная писательская технология, соответствующая политическим установкам. Это и акцентировал эпитафия: «Конструктивизм – этап к искусству социализма».

Десятилетия спустя Е.И.Габрилович, вспоминая о товарищах по ЛЦК, рассказывал, что теория не имела отношения к практике. Обычная ситуация: «Каждый писал по-своему, и уже потом наши главари разъясняли, в чем и как тут конструктивизм» [11].

ЛЕФ и ЛЦК негласно получали субсидии. Ну, а гласно – Российская ассоциация пролетарских писателей.

Как известно, в 1923 этот «бренд» не относился уже к бывшим рабочим. Значение модифицировалось в связи с модификацией самого понятия «пролетарская литература» [см.: 54, с.125–134].

Согласно принятым в 1923 году программным документам, «пролетарская литература» вовсе не обязательно создается рабочими. Важно, чтобы выражала «идеологию пролетариата».

Почти комфутовское «УТП», тоже подразумевавшее гегемонию. О том рапповцы неоднократно заявляли.

Но и различия существенны: право решать, что выражает «идеологию пролетариата», делегировано большевистским идеологам.

Главным рапповским конкурентом был А.К.Воронский. Как создатель и руководитель первого советского «толстого» журнала – «Красная новь», он получал официальное и весьма щедрое субсидирование.

Воронский, сформировав группу «Перевал» из литераторов, печатавшихся в его журнале, обходился без программных документов. Минусом около четырех лет, прежде чем декларация была опубликована в февральском номере «Красной нови» за 1927 год [здесь и далее цит. по: 16].

О «пролетариате» там нет упоминаний. «Перевальцы» именовали себя «рабоче-крестьянскими писателями». Но суть все та же: обозначение лояльности.

Противопоставление рапповцам подчеркивалось неоднократно. Так, авторы декларации утверждали: «Писатели "Перевала" не присваивают себе права на гегемонию, несмотря на то что они опираются на свою органическую принадлежность к революции, в которой большинство из них получило свое общественное воспитание».

Соответственно, «УТП» – высокое качество литературной продукции в сочетании с искренностью и партийной дисциплиной. Это синтез

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

предложенного «Серapiroновыми братьями», ЛЦК и РАПП. Адресат – правительство.

Вышеприведенные примеры – отнюдь не исключения. Потому Эйхенбаум и намекнул: требуется еще доказать, что термин «литературные группировки» безоговорочно применим для характеристики и досоветских, и советских литературских сообществ. Намек был ясен осведомленным современникам.

Эйхенбаум, его коллеги и ученики не опубликовали исследования по истории досоветских организаций, характеризуемых термином «литературные группировки». Так называемое свертывание нэпа в 1931 году завершилось.

Весной 1932 года директивно упразднены все организации, именовавшиеся «литературными группировками». И началась подготовка к Первому съезду Союза советских писателей [см.: 40].

На состоявшемся в 1934 году съезде критерий объединения выбран, как известно, «внелитературный» идеологический. Подразумевающий беспрекословное подчинение руководству партии. Что в аспекте тенденции вполне логично. А исследования «литературного быта» прекратились: क्रомольно сопоставление прошлого с настоящим.

Библиографический список

1. Анкета Пастернака Бориса Леонидовича. 1928 г. // РГАЛИ. Ф.379. Оп.1. Ед.хр.24. Л.2.
2. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л.: Прибой, 1929. 312 с.
3. Ахматова А. Вечер. Стихи. СПб: Цех поэтов, 1912. 92 с.
4. Бальмонт К. Элементарные слова о символической поэзии // Горные вершины. М.: Гриф, 1904. С.75–95.
5. Бельчиков Н. Из быта литературных кружков 60–70-х годов // Бельчиков Н. Народничество в литературе и критике. М., 1934. С.198–237.
6. Брик О. Маяковский – редактор и организатор // Литературный критик. 1936. №4. С.128–129.
7. Брюсов В. Ключи тайн. <Лекция, читанная автором в Москве, 27 марта 1903 г., в аудитории Исторического музея и 21 апреля того же года, в Париже, в кружке русских студентов> // Весы. 1904. №1. С.3–21.
8. Бурлюк Д., Крученых А., Маяковский В., Хлебников В. Пощечина общественному вкусу // Пощечина общественному вкусу: [В защиту свободного искусства: Стихи, проза, статьи]. М.: Г.Л.Кузьмин, [1913]. С.3–4.
9. Быстрянский В. Государственное издательство и его задачи // Книга и революция. 1920. №1.
10. В кого вгрызается ЛЕФ? // ЛЕФ. 1923. №1. Март. С.8–9.
11. Габрилович Е.И. Вторая четверть // Искусство кино. 1970. №1. С.96–125.
12. Ган А. Конструктивизм. Тверь: Тверское изд-во, 1922. 72 с.

13. Городецкий С. Некоторые течения в современной поэзии // Аполлон. 1913. №1. С.46–50.
14. Гриц Т., Никитин М., Тренин В. Словесность и коммерция. Книжная лавка А.Ф.Смирдина. М.: Федерация, 1929. 373 с.
15. Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. №1. С.42–45.
16. Декларация всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» // Красная новь. 1927. №2. С.233–236.
17. Декларация [имажинистов] // Советская страна. М., 1919. 10 февр. №3.
18. Декларация [имажинистов] // Сирена. Воронеж, 1919. №4–5. 30 янв. С.47–50.
19. Декларация конструктивистов (Конструктивизм – этап к искусству социализма) // ЛЕФ. 1925. №3. С.142–143.
20. Динерштейн Е.А. К истории образования «Левого фронта искусств» // De Visu. 1993. №11. С.3–9.
21. Докладная записка заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Я.А.Яковлева И.В.Сталину о ситуации в писательской среде // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С.39–40.
22. Жолковский А. Гегель ненароком // Звезда. 2016. №5. С.221–234.
23. Записка Л.Д.Троцкого в Политбюро ЦК РКП (б) о молодых писателях и художниках // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С.36–37.
24. Зенкевич М. Дикая порфира. СПб.: Цех поэтов, 1912. 105 с.
25. Ивнев Р. Поэты и политика // Анархия. 1918. 31 марта.
26. Игорь Северянин. Пролог. «Эгофутуризм»: Апофеозная тетрадь третьего тома: брошюра тридцать вторая. СПб. 1911. 3 с.
27. Издательское дело в первые годы советской власти: 1917–1922: Сб. документов и материалов. М.: Книга, 1972. 240 с.
28. Ионов И. О «забытом фронте» // Книга и революция. 1920. №1.
29. Лекманов О.А. О трех акмеистических книгах. М.Зенкевич. В.Нарбут. О.Мандельштам. М.: Intrada, 2006. 128 с.
30. Лившиц Б. Дубина на голове русской критики (разоблачение клеветы) // Футуристы: Первый журнал русских футуристов. 1914. №1–2. С.102–103.
31. Литературная Москва // Красная Москва 1917–1920. М.: Издание Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1920. С.621.
32. Луцк Л. Почему мы серапионовы братья? // Литературные записки. 1922. №3. С.30–31.
33. Мандельштам О. Камень. Стихи. СПб.: Акмэ, 1913. 34 с.
34. Манифест Летучей Федерации Футуристов // Газета футуристов. 1918. №1. 15 марта.
35. Мариенгоф А.Б. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий, 1990. С.339–368.
36. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-лит. Б.М.Вольфа, 1893. 192 с.
37. Нарбут В. Аллилуйя. Стихи. СПб.: Цех поэтов, 1912. 45 с.
38. Одесский М., Фельдман Д. Выйти живым из строя. Русская литература: поэтика болезни, здоровья и труда // Дружба народов. 1994. №3. С.177–192.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

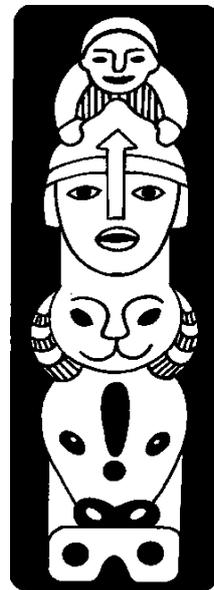
39. Олимпов К. и др. Скрижали эгопоэзии. Манифест Вселенского эгофутуризма. СПб.: Тип. «Улей», 1912. 1 с.
40. О перестройке литературно-художественных организаций: Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апр. 1932 г. // Правда. 1932. 24 апр.
41. Организация «Комфутов» // Искусство коммуны. 1919. №8. 26 янв.
42. Перельмутер В.Г. Записки без комментариев. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2017. 384 с.
43. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о поддержке молодых поэтов и писателей // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С.41.
44. Ренников А. Берегите карманы! // Новое время. 1913. 10 апр.
45. Русские символисты: Вып. 1–3. М.: В.А.Маслов, 1894–1895.
46. Садоk судей [Вып. I]. СПб.: Журавль, [1910]. 131 с.
47. Саянов В.М. Современные литературные группировки. Л.: Прибой, 1928. 100 с.
48. Серапионовы братья. Альманах первый. Пг: Алконост, 1922. 125 с.
49. Скабичевский А. Заметки о текущей литературе // Новости и биржевая газета. 1893. 18 март.
50. Степанов И. Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия // Книга и революция. 1920. №6.
51. Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков. М., 1970. 293 с.
52. Тынянов Ю. О литературном факте // Леф. 1924. №2. С.101–116.
53. Тынянов Ю. Вопрос о литературной эволюции // На литературном посту. 1927. №10. С.42–48.
54. Фельдман Д.М. Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: РГГУ, 1998. 244 с.
55. Чехов А.П. Письмо Полонскому Я.П. // Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1964. Т.11. С.172.
56. Чичерин А., Сельвинский Э.-К. Знаем. Клятвенная конструкция (декларация) конструктивистов-поэтов. М.: К.П., 1923. 4 с.
57. Чудакова М.О. Примечания // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С.459–539.
58. Шершеневич В. Вдруг революционные // Раннее утро. 1918. 28 март.
59. Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910–1925 // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий, 1990. С.461–511.
60. Шершеневич В. Открытое письмо поэту Рюрику Ивневу // Раннее утро. 1918. 11 апр.
61. Шершеневич В. Футуропитающиеся // Футуристы: Первый журнал русских футуристов. 1914. №1–2. С.86–91.
62. Шкловский В. Третья фабрика. М.: Круг, 1926.
63. Эйхенбаум Б.М. Литература и литературный быт // На литературном посту. 1927. №9. С.47–52.
64. Эйхенбаум Б. Предисловие // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л.: Прибой. 1929. С.3–7.
65. Эренбург И. Исход // Киевская жизнь. 1919. 6 окт.

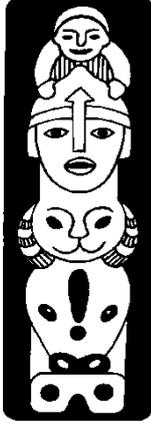
Мудрость отдельного человека есть
достояние его времени.

Эдмунд Гуссерль

Быть личностью, быть свободным
есть не легкость, а трудность, бремя,
которое человек должен нести.

Н.А.Бердяев

Валерий Солдатенко

**ХРИСТИАН РАКОВСКИЙ В
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
СОБЫТИЯХ В УКРАИНЕ
(1918–1923 гг.):**

**ПОИСК СОВРЕМЕННЫХ
НАУЧНЫХ АКЦЕНТОВ¹**

УДК
329 (477) «1917–1920»

В предлагаемой публикации освещается деятельность председателя правительства Советской Украины Х.Г.Раковского на завершающем этапе гражданской войны и в первые два с половиной года мирного социалистического строительства, оценивается его позиция и роль в объединительном движении за создание СССР.

Proposed publication covers activities of the Soviet Ukraine Government Chairman H.G.Rakovsky at final stage of Civil War and in the first two and a half years of peaceful socialist construction, assesses his position and role in the unification movement for USSR creation.

Ключевые слова: Украина; гражданская война; УССР; Совет Народных Комиссаров; КП(б)У; национальный вопрос; украинский коммунизм; СССР; автономизация; конфедерализм; федерация.

Key words: Ukraine; Civil War; USSR; Council of People's Commissars; KP (b) U; national question; Ukrainian communism; USSR; autonomy; confederalism; federation.

E-mail: soldatenko.v.f@gmail.com

---

¹ Окончание. Начало см.: 2019. №2. С.86.

**За сплочение
революционных сил**

В сочетании с намеченными мерами по решительному совершенствованию политики на селе, выработанные к концу 1919 г. документы в полной

мере отвечали коренным чаяниям подавляющего большинства жителей Украины. А их реализация уже в самое ближайшее время, буквально с начала 1920 г., ознаменовалась масштабными переменами в настроениях трудовой массы, однозначно и бесповоротно отказавшей в поддержке противникам Советской власти, всем своим поведением оказывая предпочтение большевистскому курсу. То есть был одержан не только важный теоретический успех, а предreshена, обеспечена громадная практически-политическая победа [25, с.6–15].

В ее общий контекст весьма органично вплетается и проведенная Х.Г.Раковским (и персонально, и при помощи ближайших единомышленников) очень тонкая, гибкая кампания по отношению к Украинской Коммунистической партии (боротьбистам). Отпочковавшись еще в 1918 г. от некогда самой крупной национальной партии украинских эсеров, преимущественно крестьянской по идеологии и составу, боротьбисты тянулись к марксизму как воплощению социальных устремлений трудовых масс [26, с.47–60]. Однако Коммунистическая партия (большевиком) Украины считала боротьбистов осколком мелкобуржуазной эсеровской партии, интересы верхов которой расходятся с идеалами пролетарской революции. И хотя выражалось абстрактное пожелание идти на контакт с партийными низами, олицетворявшими, прежде всего, беднейшее крестьянство, общее направление отношений оставалось более чем сдержанным, порой даже резко критическим. Содержались предостережения против сближения, заключения союзов как с боротьбистами, так и с однотипными, похожими партийными образованиями: независимыми левыми из Украинской социал-демократической рабочей партии, Украинской партией левых социалистов-революционеров (борьбистами), формировавшимся Коммунистическим Бундом [1, с.171; 24, с.189–191; 27, с.201–202].

Несомненно, что больше всего на оформление такой позиции влияли левокоммунистические взгляды широко популярного и авторитетного лидера КП(б)У, одного из ключевых ее создателей Г.Л.Пятакова. Однако чем далее, тем более становилось очевидным, что подобная политика не способствует сближению базовых элементов социалистической революции – пролетариата и основных слоев крестьянства, часть которых доверяла такой организации, как боротьбисты.

Х.Г.Раковский оказался среди тех, кто одним из первых уловил потребность изменения линии поведения относительно левых элементов национальных партий, осознал необходимость взаимопонимания с ними разумных, расчетливых компромиссов, способных упрочить основы Советской власти. Очень важным оказалось то, что и тут с пониманием отнесся к сложнейшей проблеме В.И.Ленин, не только поддерживавший председателя СНК Украины, но и активно включившийся в разъяснения (а подчас и критику) несостоятельности взглядов целой плеяды руководящих деятелей ЦК КП(б)У и Советской Украины, долго упорствовавших в своих заблуждениях: А.С.Бубнова, Я.М.Дробниса, Д.З.Мануильского, В.П.Затонского, Я.А.Яковлева и др. [26, с.83–84], открыто выступавших с сектантскими призывами и на VIII конференции, и на IX съезде РКП(б). Они не учитывали, что в партийных низах по существу происходит сближение, налаживается сотрудничество на основе понимания общности насущных задач, выдвигаемых жизнью.

Х.Г.Раковский и С.В.Косиор, вступившие в переговоры с боротьбистами, независимцами, комфарбандовцами² от имени ЦК КП(б)У, предлагали довольно гибкие варианты сотрудничества вплоть до включения представителей левых партийных новообразований в состав правитель-

² В период гражданской войны в ряде политических партий, действовавших в Украине, происходили сложные внутренние процессы идейно-политической эрозии, размежеваний, вычленения и институирования левых групп, фракций, течений, самостоятельных партийных образований.

Первыми на такой путь вступили левые элементы из Украинской партии социалистов-революционеров, отделившись от правого крыла (официально – «центрального течения») в мае 1918 г. и получив наименование «боротьбистов» по названию центрального печатного органа «Боротьба». В ходе череды последовавших преобразований в августе 1919 г. была провозглашена Украинская Коммунистическая партия (боротьбистов).

Украинская социал-демократическая рабочая партия (независимых) образовалась в результате раскола УСДРП в декабре 1918 г. – январе 1919 г. В процессе дальнейшей эволюции в январе 1920 г. «независимцы» стали ядром созданной Украинской Коммунистической партии.

Украинская партия левых социалистов-революционеров (борьбистов) отпочковалась в марте 1919 г. от Украинской партии левых социалистов-революционеров (таковой в 1918 г. объявили себя действовавшие в регионе организации общероссийской партии левых эсеров). К своему первоначальному названию партия присовокупила уточняющий термин «борьбисты» – производный от печатного органа «Борьба».

В результате раскола организаций Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунда), функционировавших в Украине, в марте 1919 г. было положено начало формированию Коммунистического еврейского рабочего союза в Украине (Комфарбанда).

Феномен создания и деятельности вышеозначенных партий получил названия национал-коммунизма, или, еще точнее – украинского коммунизма.

ства [26, с.86–87]. Естественно, такой поворот событий далеко не всем историкам по душе и в наше время. Преисполненные злобы, некоторые из них желчно изрекают: «В этих условиях в полной мере проявилось коварство, иезуитский характер ленинской политики. Московский центр принял курс на организационное разъединение боротьбистов, борьбистов и укапистов» [20, с.45]. Особенно расстраивает таких экспертов то, что конъюнктурно осуждаемая ими тактика большевиков полностью оправдала себя, принесла конструктивный результат, прежде всего, на партийном срезе. Партия боротьбистов приняла в марте 1920 г. решение о самороспуске и организационном вступлении в КП(б)У [26, с.87].

Просто невозможно переоценить достигнутый социально- и национально-политический эффект от осуществления разумной политики, отразившей самые глубинные народные интересы и чаяния. 20 марта 1920 г. на заседании IV конференции КП(б)У в полном составе (около 100 человек) прибыли делегаты параллельно проходившей общепартийной конференции УКП(б). Прозвучали трогательные речи.

Первому, естественно, предоставили слово Х.Г.Раковскому, который сказал: «Товарищи большевики! (*Аплодисменты*), приветствую вас с объединением пролетарских революционных сил Украинской Социалистической Советской Республики (*Аплодисменты*). То, что до сих пор служило [причиной] распыления сил, известные разногласия в будущем – это, товарищи, станет цементом, крепкой спайкой всех коммунистов Украины (*Аплодисменты*). ...

Товарищи боротьбисты, последний раз называю я вас этим историческим именем, заслуженным перед украинской массой рабочих деревни и города. Отныне есть только одни товарищи, товарищи большевики Украинской коммунистической партии (*Аплодисменты, переходящие в овацию*)» [30, с.277–278].

Как бы в унисон представитель УКП(б) А.Я.Шумский торжественно заявил: «Товарищи, до этого времени мы, по преимуществу представители крестьянской бедноты, шли вместе, но не шли в ногу, а с сегодняшнего дня мы будем идти в ногу под общей командой (*Аплодисменты*). До этого времени на Украине ... все элементы украинских рабочих масс, которые активно должны были втянуты в строительство, не были втянуты в него целиком, не была втянута в него и та крестьянская беднота, без которой городской пролетариат не может творить единого здания социализма...

Этот момент есть величайший момент, и мы верим, что общими силами пролетариат города и деревни сможет превозмочь все трудности революции на Украине» [30, с.278–279].

Закрывая конференцию, представитель ЦК РКП(б), делегат, председательствовавший на последнем заседании, – И.В.Сталин – счел необходимым в заключительной речи специально остановиться на факте слияния двух коммунистических сил в Украине. Он подчеркнул: «Есть еще вопрос – вопрос о присоединении к нашей партии партии боротьбистов. Я считаю, что партия в целом приобрела большое богатство. До сих пор наша работа на Украине хромала, хромала безусловно, ибо она целиком питалась городским пролетариатом, на 9/10 носила характер работы в городах. Мы хромали на одну ногу, потому что у нас не было связи или была слабая связь с деревней... Боротьбисты – это такая партия, которая питается соками деревни... Только теперь, после слияния с нашей партией тов[арищей] боротьбистов, только теперь у нас будет мощный союз пролетариата города и деревни. Он может быть на деле осуществлен, а вы сами знаете, что этот союз основа всего могущества, всей силы федеративной республики и Украинской в особенности. И вот с этим фактом я имею честь поздравить вас. Вы получили от судьбы желанное. Я бы хотел, чтобы конференция с достоинством оценила наших товарищей и через них провела органическую неразрывную связь с деревней, объединила работу пролетариата города и деревни...

Я еще раз хочу поздравить вас с тем, что вы имеете в наших рядах тов[арищей] боротьбистов, богато связанных с деревней, что вы сможете сплотить работу города и деревни» [30, с.441–442].

Поскольку не все и не сразу смогли правильно разобраться в произошедшем, объективно оценить роль Х.Г.Раковского в реализации плана консолидации коммунистических сил в Украине, В.И.Ленин также нашел нужным коснуться этого важнейшего вопроса на IX съезде РКП(б). «Это вопрос сложнейший и крупнейший, – отметил вождь большевиков, – и я думаю, что в этом крупнейшем вопросе, где требовалось маневрирование, и очень сложное, мы вышли победителями. Когда мы говорили в ЦК о максимальных уступках боротьбистам, над этим смеялись, говорили, что мы не идем прямо; но прямо можно сражаться тогда, когда у неприятеля есть прямая линия. Раз неприятель двигается зигзагами, а не по прямой линии, то мы должны следовать за ним и ловить его на всех зигзагах. Мы обещали боротьбистам максимум уступок, но с тем, что они будут вести коммунистическую политику. Таким путем мы доказали, что у нас ни малейшей нетерпимости нет. И что эти уступки сделаны

вполне правильно, доказывается тем, что все лучшие элементы боротьбистов вошли теперь в нашу партию. Мы эту партию перерегистрировали и вместо восстания боротьбистов, которое было неизбежно, мы получили, благодаря правильной линии ЦК, великолепно проведенной т.Раковским, то, что все лучшее, что было в среде боротьбистов, вошло в нашу партию под нашим контролем, с нашего признания, а остальное исчезло с политической сцены. Эта победа стоит пары хороших сражений» [3, с.89].

С огорчением приходится констатировать, что среди историков находятся такие, которые ради конъюнктуры готовы поставить все с ног на голову и любой ценой отыскать темные пятна в поведении честных, порядочных, искренних людей. Чего только стоит пассаж в одном из весьма солидных изданий, который касается существа рассмотренной проблемы! В книге утверждается, что, представляя себе степень влияния У КП(б) в Украине, «В.Ленин посоветовал Х.Раковскому создать общий с боротьбистами блок на выборах в советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Соблазнив лидеров боротьбистов высокими государственными должностями, он рассчитывал вынудить их ликвидировать собственную партию и согласиться на вступление боротьбистов в РКП(б) в индивидуальном порядке.

Председатель Совнаркома УССР успешно реализовал этот коварный план. С членами конкурирующей партии, не пожелавшими влиться в КП(б)У, он расправился с помощью чекистов» [28, с.350].

Остается надеяться на невосприимчивость массовым читателем откровенной лжи, низких фальсификаций. Однако и проходить мимо, не обращать внимания на недостойное обращение с историей тоже негоже.

**Заботы
главы правительства**

К сожалению, немало наносного, конъюнктурного, спекулятивного остается и в публикациях, посвященных отражению и оценке роли

Х.Г.Раковского в событиях гражданской войны: в отпоре интервенции, в ликвидации бандитизма, в борьбе с разрухой и голодом, в осуществлении экономической и культурной политики, в делах партийного и государственного строительства. Ко всем этим, и еще многим направлениям деятельности, он имел прямое отношение уже в силу служебного положения. Сам он писал: «Когда Харьков был освобожден из-под власти белых, я был назначен через некоторое время снова председателем Совета народных комиссаров Украинской советской республики и членом Реввоенсовета сначала юго-западного фронта, который доканчивал

войну с Деникиным и провел войну с поляками, а впоследствии был заменен Реввоенсоветом южного фронта, во главе которого находился покойный М.В.Фрунзе и в котором я продолжал участвовать в качестве его члена. Пост председателя Совета народных комиссаров Украинской советской республики я занимал одновременно с постом председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом, председателя Чрезвычайной санитарной комиссии, председателя особой комиссии по топливу и продовольствию и председателя экономического совета» [4, с.617–618].

М.В.Фрунзе с Х.Г.Раковским и др.

Х.Г.Раковский, безусловно, являлся непререкаемым авторитетом и лидером республиканской партийной организации, государственной власти в УССР. Именно ему было доверено делать основные политические доклады и отчеты на III съезде и IV–VII партийных конференциях КП(б)У [19, с. 29, 39, 47, 55, 68]. И на всех этих форумах он неизменно избирался в ЦК партии, а затем пленумами – членом Политбюро ЦК КП(б)У [19, с. 38, 45, 54, 65, 78]. На наш взгляд, его мнение часто оказывалось самым весомым, определяющим при решении стратегических и тактических вопросов, выборе ориентаций и направлений развития республики, народа, нации. Конечно, далеко не все давалось легко, сразу, без осложнений. Можно себе представить, каких усилий стоило нала-

живание очень непростых взаимоотношений в руководящем ядре КП(б)У, как порой сложно было решать проблемы с Москвой, с такими функционерами, как И.В.Сталин, Г.В.Чичерин и др.

А еще работа в Коминтерне, исполнение обязанностей председателя Юго-Восточного бюро III Интернационала [10, с.90]. Всего даже не вспомнить, не перечислить.

**В поисках
верного решения**

Сознавая невозможность коснуться в коротком историческом экскурсе всех аспектов деятельности Раковского, заострим внимание только на

одном. Болгарин по происхождению, украинский патриот по убеждению, Раковский стал выдающимся историческим деятелем в объединительном движении за создание Союза Советских Социалистических Республик.

Сама по себе это также весьма серьезная тема для специального исследования. Мы ограничимся лишь кратким выяснением мотивации поведения Х.Г.Раковского – руководителя второй по масштабам советской национальной республики в действительно судьбоносном процессе, предопределившем вектор развития самого большого в мире государства.

Значительное подспорье тут составляют публикации документов последних лет существования СССР [8; 9; 12; 17], многочисленные историко-политологические эссе, труды представителей многих других отраслей знания [13; 22].

Следует заметить, что лейтмотивом многих выступлений после реабилитации Х.Г.Раковского было стремление доказать, что он, интернационалист по природе, образу мышления, по жизненной позиции, всем поступкам, не был (просто не мог быть!) конфедералистом. Это была первая, пусть с дистанции многих лет, ответная реакция на обвинения видного партийного деятеля в сталинские годы в национал-уклонизме, конфедерализме [23].

Такой подход, казалось, вполне логично вписывался в канву партийной реабилитации. Наверное, для определенного этапа жизни страны, советского общества это было необходимо. Однако, по большому счету, в принципе конфедерализма, как такового, как одной из весьма конструктивных, демократичных в своей сути моделей строительства полиэтнических государств, доказавших на многих примерах в мире свою состоятельность и эффективность, в общем-то ничего плохого нет.

И все же было весьма убедительно доказано, что в предложениях Х.Г.Раковского, касавшихся принципиальной основы строительства многонационального государства, даже в теоретическом плане не было серьезных покушений на федеративную модель, ее возможный подрыв, разрушение. Разумеется, интернационалист Х.Г.Раковский не мог себе такого позволить ни при каких обстоятельствах. В то же время демократ Х.Г.Раковский стремился не допустить ни малейших ущемлений чьих бы то ни было национальных прав, считая, что подлинное интернациональное единство выковывается последовательной борьбой за гарантию полной свободы для национальной жизни, национального творчества и созидания.

Именно этот идеал являлся определяющим в противодействии Раковского реализации сталинского «плана автономизации», который по существу ограничивал суверенитет советских национальных республик, завоеванный в годы революции и гражданской войны. План открывал дорогу к воплощению в практику государственного унитаризма.

Как бы то ни было легко убедиться, что в системе координат, в которой мыслил и пытался действовать Х.Г.Раковский, отправным, определяющим моментом было недопущение движения вспять от завоеванной народами национальной свободы. А практическая модель выстраивалась исходя из реалий Украины. Именно с этих положений начинается обстоятельный документ, адресованный 28 сентября 1922 г. председателем СНК УССР И.В.Сталину, направлявшему процесс образования Союза ССР и добившемуся одобрения соответствующей комиссией предложений, которые Х.Г.Раковский счел несовершенными, необоснованными и ошибочными [6, с.209–211]. Конкретный сюжет заканчивается весьма категоричным выводом: «В проекте (комиссии ЦК РКП(б), возглавляемой И.В.Сталиным. – В.С.) говорится об обязанностях независимых республик, о подчинении директивам центра, но ничего не сказано о правах, которыми пользуются их ЦИКи и Совнаркомы и находящиеся при них наркоматы и управления объединенных комиссариатов» [6, с.211–212]. Подобная асимметрия для Х.Г.Раковского была недопустима, вела к неоправданному перекосам в строительстве государства в сторону шовинистического централизма.

Всецело, горячо поддерживая цель «поставить на прочные начала отношения РСФСР с независимыми республиками», представитель Украины с тревогой обращал внимание на обнаружившуюся тенденцию: «Вместо того, чтобы довести начатое строительство до конца, поставив ясно и определенно вопрос о формах нашей государственной [жизни] и о

строении наших центральных органов, вместо того, чтобы выработать действительную федерацию, которая обеспечивала бы для всех одинаковые условия революционного строительства, объединяла бы рабочий класс всех национальностей России на основе равноправия, данный проект проходит мимо этой задачи (тут и далее в документах подчеркнуто Х.Г.Раковским. – *В.С.*). Данный проект игнорирует, что Советская федерация не является однородным национальным государством. В этом отношении проект резолюции является поворотным пунктом во всей национальной политике нашей партии. Его проведение, т. е. формальное упразднение независимых республик, явится источником затруднений как за границей, так и внутри Федерации» [6, с.211–212].

За годы работы в республике Х.Г.Раковский смог сполна проникнуться идеей украинской соборности. Ее реализацию он ставил в прямую зависимость от статуса УССР в будущем федеративном объединении, обоснованно считая, что самое малое ущемление, ограничение прав национальной республики будет негативно сказываться на международных факторах решения важнейшей, гуманнейшей проблемы, использоваться во вред украинской нации, ее единству. Поэтому очень убежденно предостерегал от возможного преуменьшения пропагандистского эффекта, создаваемого тем, что советская власть предоставляла полную свободу самоопределения каждому народу, которого коснулись перемены социалистического строя. «Посредством независимой Советской Украины, – подчеркивал он, – Советская федерация имела возможность совершать такое же революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию. Без всякой серьезной надобности мы сами себя лишаем этого оружия и, наоборот, даем польской и румынской буржуазии новое оружие для борьбы с нами и усиления своей национальной политики. По отношению к Украине Польша выступит в роли защитницы ее независимости, признанной Рижским договором» [6, с.212].

На этом соображении глава украинского правительства решительно настаивает и в письме Первому секретарю ЦК КП(б)У Д.З.Мануильскому от 29 сентября: «...Если Политбюро ЦК КП(б)У разделяет мою точку зрения, было бы целесообразно, чтобы т.т. Петровский и Фрунзе, поехавши в Москву, отстаивали бы нашу точку зрения. Я думаю, что Украина в данном случае страдает главным образом из-за неблагодарности и уклонов других независ[имых] республик. Между тем более всего для нашего революционного воздействия [на] за границу имеет значение сохранение независимости Украины. Около десяти миллионов украинцев Польши, Галиции, Прикарпатской Руси, Буковины и Бессара-

бии ориентируются и будут ориентироваться больше и больше на Советскую Украину» [8, с.213]. «Самый главный вопрос остается – вопрос о выработке строго централизованной, но федеральной системы управления, в которой правильно были бы защищены интересы республик и последние пользовались бы определенной автономией» [8, с.212]. Эти предупреждения Раковского звучат как тревожный набат.

Активная позиция лидера Компартии Украины, его огромный авторитет обеспечили сплочение на предлагаемых им принципах республиканской партийной организации, ее руководства. 3 октября 1922 г. Политбюро ЦК КП(б)У заслушало на своем заседании сообщение «О взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками» (докладчиком был Г.И.Петровский). После обсуждения было принято решение:

«1) Категорически высказаться за принятую последним Пленумом ЦК КПУ резолюцию о взаимоотношениях между РСФСР и УССР, признавшую необходимость сохранения независимости УССР и оформления взаимоотношений, принятыми комиссией тов. Фрунзе с оговор[к]ами. Фактическое централизованное руководство независимыми республиками может быть вполне достигнуто соответствующими директивами по партийной линии.

2) В случае, если ЦК РКП примет, однако, необходимость вхождения УССР в состав РСФСР, не настаивать на сохранении формальных признаков политической самостоятельности УССР, а определить отношения на основе практической целесообразности.

3) Внести на Пленум ЦК РКП предложение о конструировании ВЦИКа и его Президиума из представителей РСФСР и независимых республик, избираемых общефедеративным Съездом Советом и ВЦИКов, но при том число представителей республики во ВЦИКе и Президиуме должно быть формально установлено и должно быть введено постоянное представительство в Президиуме в Москве.

4) Поручить членам ЦК КПУ, состоящим членами ЦК РКП, отстаивать на Пленуме ЦК РКП настоящее решение» [7, с.214; 14].

Отдавая себе отчет во всей важности решавшейся проблемы, Х.Г.Раковский нашел нужным (как и другие видные партийно-советские работники) апеллировать к авторитету В.И.Ленина, с его помощью переубедить И.В.Сталина отступить от своего жесткого автономистского плана, ведшего к свертыванию, ограничению суверенитета национальных республик.

Специалисты считают, что эта миссия удалась Раковскому во время посещения В.И.Ленина в Горках 25 августа 1922 г. [5; 18, с.189; 29, с.72].

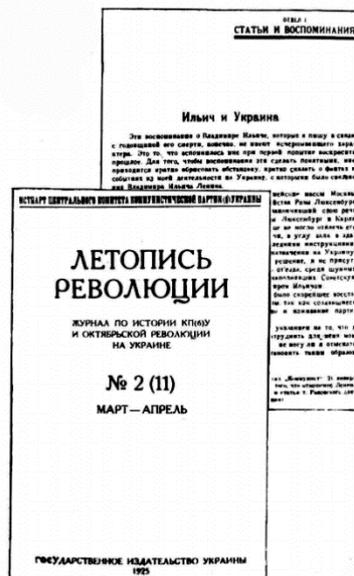
Во всяком случае, появившиеся вскоре документы вождя большевиков прямо корреспондируются с позицией Х.Г.Раковского (как, впрочем, и ряда других деятелей из национальных регионов).

Попутно следует возразить мнению тех авторов, которые главные мотивы тогдашнего поведения Х.Г.Раковского усматривают совсем в иной плоскости. Они считают, что в начинавшейся внутривластной борьбе за лидерство между И.В.Сталиным и Л.Д.Троцким глава СНК УССР поддержал своего хорошего друга Л.Д.Троцкого (что было общеизвестно) и потому готов был использовать любой удобный повод для противодействия Генеральному секретарю ЦК РКП(б), которого, кстати, для «равновесия» поддерживал Первый секретарь ЦК КП(б)У Д.З.Мануильский [8, с.193,195; 24, с.122; 28, с.351].

Отстаивая свою правоту и интересы Украины

Подобные взгляды искусственны, надуманны. Критическое отношение Х.Г.Раковского к позициям и инициативам И.В.Сталина, преследовавшего

очевидную цель внедрить в конституционные основы созданного, «становящегося на ноги» Союза ССР автономистское содержание, свидетельствует как раз об обратном. Речь шла не о политической конъюнктуре, а о принципиальной стратегии национально-государственного строительства. Собственный риск, инстинкт самосохранения, узкопрактический тактический расчет явно уходили на второй план при бескомпромиссном отстаивании Х.Г.Раковским принципиальной позиции на XII съезде РКП(б).

Обложка журнала «Летопись революции»

Он буквально «бил в набат», стремясь предостеречь Коммунистическую партию, Советскую власть от пагубных ошибок, к которым может привести опрометчивый курс, придаваемый национально-государственному строительству в Союзе ССР.

Со словами глубокой горечи и нескрываемой тревоги он обращался к делегатам партийного форума: «Товарищи, я начну теми словами, которыми в феврале на Пленуме ЦК начал свое заявление по национальному вопросу.

Если по целому ряду причин нам приходится жалеть об отсутствии Владимира Ильича в нашей среде, то национальный вопрос является одной из этих причин. Нужны были его авторитет, его понимание не только внутренней, но и международной обстановки, нужно было, чтобы он своим авторитетным словом громко ударил по нашей партии и показал ей, что она в национальном вопросе совершает фатальные ошибки.

Нужно откровенно сказать, что, когда я смотрю на спокойствие, с которым, в особенности русская, часть нашей партии относится к спорам, которые, к сожалению, приняли слишком местный колорит, я тревожусь за судьбу нашей партии.

Да, товарищи, это есть один из тех вопросов, который чреват самыми крупными осложнениями для Советской России и для нашей партии.

Это один из тех вопросов, который, – это нам нужно на партийном съезде открыто и честно сказать, – сулит гражданскую войну, если мы по отношению к нему не проявим необходимой чуткости и необходимого понимания. Это есть вопрос смычки революционного российского пролетариата с 60 млн. крестьян-инородцев, которые под национальным флагом выдвигают свои требования на участие в экономической и политической жизни Советского Союза.

И вот я говорю: это обстоятельство нам здесь т. Ленин показал бы со своей авторитетностью вождя и со всей пронизательностью своего гения» [2, с.436, 441].

С чувством твердой убежденности руководитель одной из крупнейших национальных республик страстно заявлял: «Перед партией встает вопрос, как найти смычку между нашим пролетарским и коммунистическим интернационализмом и национальным развитием широких крестьянских масс с их стремлением к своей национальной жизни, к своей национальной культуре, к своему национальному государству.

Через это национальное развитие отдельных автономных республик и областей, к числу которых некоторые относятся с насмешкой, именно через эти новые республики мы приобщаем к Советской власти и к Ком-

мунистической партии те 60 млн. нерусских крестьян, которые являются инородцами в нашем Советском Союзе. В этом именно заключается задача партии» [2, с.438].

Стенограмма XII съезда РКП(б) так зафиксировала заключительные слова выступления Х.Г.Раковского:

«Товарищи, я заявляю, что союзное строительство пошло по неправильному пути. Как вам известно, это есть мнение не только мое, – это есть мнение Владимира Ильича. Я сигнализировал в специальной докладной записке ЦК о подготавливающейся крупной ошибке еще в сентябре. Товарищи, какой из этого всего вывод? Вывод тот, что мы еще десять резолюций можем писать, но, кроме загромождения библиотек и архивов, это ничего не принесет. Нужно идти по пути практического разрешения вопроса. Тов. Сталин уже здесь внес крупную поправку с двухпалатной системой. Но нужно идти решительно дальше, нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам. (*Аплодисменты*)» [2, с.439].

В этой же логике лидер коммунистов Украины предлагал создать украинский отдел при ЦК РКП(б), аналогичный по статусу представительству УССР при Совнарком РСФСР [24, с.96–97].

Нисколько не сомневаясь в своей правоте, настойчиво отстаивая принципы справедливости, глава украинского правительства шаг за шагом добивался имевших большое значение для практики решений. Так, например, на заседании комиссии по вопросам разработки практических директив для пересмотра взаимоотношений между СССР и союзными республиками 7 мая 1923 г. в органичном соответствии со взглядами Х.Г.Раковского (естественно, с его активным участием) было постановлено:

«Согласно резолюции 12-го Съезда партии, признать необходимым подвергнуть серьезному пересмотру все основные положения Союзного договора в смысле уточнения прав Союза и расширения прав отдельных Республик.

Пересмотреть перечень прав, представленных Союзу (п.2 Союзного договора), в каком, между прочим, подчеркнуть гарантии суверенности отдельных Республик, разграничить, что относится к ведению Союзных органов исключительно и что факультативно, установить порядок объявления тех или иных имуществ и ресурсов отдельных Республик, предусмотрев участие Республик в органах управления общесоюзным достоянием. Запретить гражданам Союза получать награды от государств, не входящих в состав Союза.

В отношении наркоматов настаивать, чтобы в Республиках были только Наркомы (а не Уполнаркомы³), независимо от их функций и прав.

Пересмотреть категории слитных, директивных и самостоятельных Наркоматов и возможность перевода их из одной категории в другую.

Уменьшить число членов ЦИКа Союза и в основном законе не определять их числа.

Ограничить компетенцию В[ерховного] С[уда] Союза только делами о высших должностных лицах Союза, спорами между Республиками.

В отношении Верховного Суда военные суды – при едином военном судостроительстве, едином Кодексе воинских преступлений и Военном Уставе – подчинить Верховным Судам отдельных Республик.

В отношении Наркомзема сделать его совершенно самостоятельным, не учреждая Союзного Земельного Комитета.

Столица Союза не должна совпадать со столицей одной из Республик, входящих в Союз» [16; 17, с.108].

Содержались и деловые предложения относительно механизмов формирования союзного и республиканского бюджетов. Х.Г.Раковский, его украинские коллеги стремились внести конструктив в национально-государственное созидание, входили в ЦК партии большевиков с предложениями, которые бы максимально воплощали дух и букву Конституции страны и одновременно не противоречили основополагающим принципам национальной политики. Так, 25 мая 1923 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О порядке издания законопроектов, касающихся интересов союзных республик». В нем говорилось: «Войти в Политбюро ЦК РКП с ходатайством предложить фракциям центральных органов Союза строго соблюдать конституцию СССР и принятые последней сессией ЦИК СССР положения о центральных учреждениях Союза и соответственно этому впредь при издании законоположений, затрагивающих интересы Союзных Республик, направлять законопроекты, касающиеся слитных Наркоматов, правительствам Союзных Республик на заключения; законоположения же, касающиеся директивных и

---

³ Согласно принятому 30 декабря 1922 г. Договору об образовании Союза Советских Социалистических Республик в составах правительств республик, кроме наркомов соответствующих наркоматов, предусматривался институт уполномоченных наркоматов Союза с правом совещательного голоса: по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов. В таком статусе уполномоченные союзных наркоматов были существенно ограничены в возможностях принятия собственных решений, проведения самостоятельной линии в соответствующих областях.

необъединенных Наркоматов, а также экономических и общественных (кооперативных) организаций, издавать только с согласия союзных республик» [17, с.109].

Чрезвычайно важно учесть, что подобные решения не были плодом кабинетного умотворчества. В них аккумулировались произраставшие из реальной практики общественные проблемы и тенденции, которые довольно масштабно представлены в материалах фонда Политбюро ЦК компартии большевиков Украины за исследуемый период [15].

Конечно, было бы неверным считать, что Х.Г.Раковский ограничивался информацией исключительно украинского происхождения. Он хорошо знал о процессе принятия решений, имплементации их в документы и на общесоюзном и на региональном уровнях, поскольку активно участвовал в национально-государственном строительстве и имел возможность для сравнения и существенных выводов [9].

Последовательной, продуманной, тщательно аргументированной, вовсе не лично-конфронтационной следует признать возглавляемую Х.Г.Раковским работу комиссии СНК УССР над проектом Конституции СССР, подготовленной Центральным Исполнительным Комитетом Союза. К обсуждаемому документу был предложен целый ряд изменений и специальный дополнительный раздел о гарантиях прав союзных республик.

Однако на Пленуме КП(б)У 21 июня 1923 г. последовательный сторонник максимального воплощения демократизма в национальных отношениях остался, по существу, в изоляции. Ранее на Четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных рес-

Обложка журнала «На боевом посту»

публик и областей (9–12 июня 1923 г.) против него была организована мощная идеологическая атака, в частности обвинения в конфедерализме, считавшемся «крамолой». После отклонения на Пленуме его предложений Х.Г.Раковский сразу же написал заявление об отставке. В тот момент ему было отказано в просьбе, но уже через месяц он был отозван с Украины и направлен на дипломатическую работу в Англию.

Можно предположить, что заявление об отставке было сделано в пылу эмоций. Позднее, несколько «поостыв», Х.Г.Раковский уже иначе оценивал свою разлуку с Украиной. «Мое назначение в Лондон, – с явным сожалением писал партийно-государственный деятель 18 июля 1923 г., – является для меня и не только для меня самого только поводом для моего снятия с работы в Украине» [21, с.22].

С Украиной расставался человек, ставший для нее настоящим, любящим, верным сыном. И такая утрата для обоих не могла быть бесследной.

Думается, что в свете изложенного можно с полным правом утверждать, что Христиан Георгиевич Раковский оставил в сердцах украинцев благодарную память. Другие мнения и оценки вряд ли имеют под собой сколько-нибудь доказательную фактологическую, документальную основу.

Библиографический список

1. Второй съезд коммунистической партии (большевиков) Украины. 17–22 октября 1918 года: Протоколы. К., 1991. 241 с.
2. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1923. 552 с.
3. Девятый съезд РКП(б). Март – апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. 651 с.
4. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. 832 с.
5. Журавлев В.В., Ненароков А.П. «Белые пятна» в истории создания СССР // Правда. 1988. 8 июля.
6. Замечания тов. Раковского по проекту резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками // Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. №9. С.209–212.
7. Известия ЦК РКП(б). 1919. 2 декабря.
8. Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. №9. С.191–217.
9. На пути к «социалистическому унитаризму» (Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) // Отечественная история (Москва). 1992. №4. 178–187.
10. Папиев Н. Наследник бунтарей (Х.Г.Раковский) // Возвращенные имена. Сборник публицистических статей в 2-х кн.: Кн. II. М., 1989. С.79–98.
11. Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5–12 июля 1918 г.: Протоколы. К., 1988. 258 с.

ХРИСТИАН РАКОВСКИЙ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ В УКРАИНЕ

12. Письма Д.З.Мануильского И.В.Сталину. 4 сентября 1922 г. // Из истории образования СССР. С.193–195.
13. Салыга Л.П. Х.Г.Раковский и проблемы национально-государственного строительства на Украине (1918–1923 гг.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. К., 1992. 16 с.
14. Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО) Украины. Ф.1. Оп.6. Д.30. Лл.73–73 об.
15. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.6. Дд. 16, 30, 40 и др.
16. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д. 1660. Лл.1–3.
17. Власенко С. Складний шлях до утворення СРСР (за фондами ЦДАГО України). Історичний журнал (Київ). 2008. №2. С.104–109.
18. Волковинський В.М., Кульчицький С.В. Християн Раковський. Політичний портрет. К., 1990. 266 с.
19. Комуністична партія України: з'їзди і конференції. К., 1991. 478 с.
20. Мейс Д., Панчук М. Український національний комунізм. Трагічні ілюзії. К., 1997. 82 с.
21. Мельниченко В. Нескорений. Науково-художня книга про Християна Раковського. К., 1990. 216 с.
22. Мельниченко В.Ю. Х.Г.Раковський і державні відносини Радянської України з Радянською Росією (1919–1920) // Український історичний журнал. 1989. №3. С.34–45.
23. Мельниченко В.Ю. Чи був Раковський конфедералістом? // Про минуле заради майбутнього. К., 1989. С.283–299.
24. Політична історія України. XX століття. У шести т. Т.3. Утвердження радянського ладу в Україні (1921–1938). К., 2003. 448 с.
25. Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки. У 4-х т.: Т.IV: Рік 1920. К., 2010. 442 с.
26. Солдатенко В.Ф. У пошуках соціальної і національної гармонії (ескізи до історії українського комунізму). К., 2006. 479 с.
27. Третій з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 1–6 березня 1919 року: Протоколи. К., 2002. 255 с.
28. Уряди України у XX ст. Науково-документальне видання. К., 2001. 608 с.
29. Фролов М.О. Компартиїно-радянська еліта в Україні: особливості існування та функціонування в 1923–1920 рр. К., 2004. 800 с.
30. Четверта конференція Комуністичної партії (більшовиків) України 17–23 березня 1920 р. Стенограма. К., 2003. 528 с.

То, что в прежние времена делалось с помощью наследственности, векового обычая, преданий семейных и народных – теперь может быть достигаемо только с помощью образования.

Эрнест Ренан

Это строгое сплочение всех сил государства представляется величайшим развитием его сил, государство — непреодолимым орудием охраны экономического господства, а потому и завоевание политической власти — предпосылкой экономического освобождения. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата.

Рудольф Гильфердинг

Алла Морозова

ПРОЛЕТАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ИДЕИ И ПРАКТИКА¹

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(47).08:35

В статье рассматривается история возникновения и попыток воплощения в жизнь идеи А.А.Богданова о Пролетарском университете как одном из средств овладения рабочим классом пролетарской культурой. Задача Пролетарского университета – не настигать учащихся обрывками знаний, а дать им общее представление о системе современного научного знания, показать взаимосвязь различных отраслей наук, научить основным методам познания. Идея Пролетарского университета была впервые сформулирована А.А.Богдановым в 1911 г., а первой попыткой воплощения ее в жизнь и одновременно первым его прообразом стали партийные школы для рабочих на Капри и в Болонье.

The article deals with the history of origin and attempts to implement the idea of A.A.Bogdanov about the Proletarian University as one of the means of mastering the proletarian culture by working class. The task of Proletarian University is not to provide students with fragments of knowledge, but to give them a general idea about the system of modern scientific knowledge, to show the interrelation of different branches of science, to teach basic methods of cognition. The idea of the Proletarian University was first formulated by A.A.Bogdanov in 1911, and the first attempt to implement it and at the same time its first prototype was the party schools for workers in Capri and Bologna.

Ключевые слова: пролетарская культура, партийная школа для рабочих, А.А.Богданов, Пролетарский университет.

Key words: proletarian culture, party school for workers, Alexander Bogdanov, Proletarian university

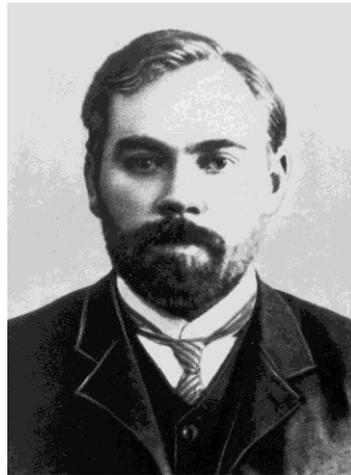
E-mail: allamorozova1992@gmail.com

¹ Статья написана в рамках работы над проектом «"Ленинский большевизм" А.А.Богданова и "впередовцев": идеи, альтернативы, практика» по гранту РФФИ №16-01-00224-ОГН. В качестве иллюстраций использованы фотографии с сайтов lunacharsky.newgod.su; leninism.su, из статьи: Лапина И.А. Пролеткульт и проект «социализации науки» // Общество. Среда. Развитие. 2011. №2. С.43–47, из книги: Орос И. Шахматы на острове: Повесть о партии, повлиявшей на судьбы мира. М., 2018.

Идея пролетарской культуры   Идея Пролетарского университета была впервые сформулирована А.А.Богдановым – врачом, экономистом, философом, политическим и общественным деятелем, ученым-естествоиспытателем, автором всеобщей организационной науки тектологии, марксистом и социал-демократом по убеждениям – в его работе «Культурные задачи нашего времени», вышедшей в свет в России в 1911 г. Книга была опубликована легально, и это имеет большое значение, т.к., по словам самого Богданова, многое в ее тексте «приходилось не договаривать по цензурным условиям».

Пролетарский университет понимался Богдановым как одно из практических воплощений идеи пролетарской культуры, одно из средств овладения ею рабочим классом. Он исходил из того, что «социалистическое сознание рабочего класса должно охватить не одну его непосредственную борьбу в области экономики и политики, но – всю его жизнь» [22, с.16]. Корень проблемы, по мнению Богданова, состоит в том, что и пролетариат, и социалистическая интеллигенция несут в себе черты буржуазного мира, отпечаток его культуры. Порвать с этой культурой нельзя, принять целиком – тоже. Поэтому «выход один – пользуясь прежней буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую, пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно товарищеские отношения в пролетарской среде, выработать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта» [22, с.17].

Богданов подчеркивал, что пролетариат занимает исключительное положение в обществе, т.к. «это – единственный класс, ведущий борьбу за коренное и полное переустройство общественной жизни, единственный класс, безусловно, революционный» [11, с.83]. Все остальные классы общества либо прямо враждебны, либо чужды пролетариату, причем между ними и пролетариатом существует и «духовное отчуждение», поэтому он хотя и должен

А.А.Богданов

учиться у них, как у более опытных, «но никогда не должен верить им на слово», «все, что он у них берет, ему необходимо проверять и перерабатывать по-своему», потому что «если бы он подчинялся старому обществу духовно, то никогда не мог бы выбиться из его цепей экономически».

По мнению Богданова, «пролетариат одинок в своей борьбе за социализм», в которой у него могут быть лишь временные союзники, а потому пролетариат не должен ни на кого полагаться, кроме «своей собственной массовой силы», и «освобождение рабочих есть дело самих рабочих» [11, с.84–86]. Кроме того, в понимании Богданова, борьба за социализм включает в себя не только отрицательную деятельность – борьбу против современного капиталистического мира, – но и созидательную – «выработку социалистической пролетарской культуры». Необходимо особо отметить, что понятие культуры Богданов трактует расширительно и подчеркивает, что «социалисты должны стремиться к развитию истинно товарищеских отношений», составляющих основу этой культуры, «во всей житейской практике пролетариата» [12, стб.70].

Социализм также требует новой науки, характерной чертой которой будет ее универсальность, «отыскание общих способов исследования», преодоление цеховой ограниченности и разобщенности; и нового искусства, проникнутого чувствами, стремлениями и идеалами пролетариата. Таким образом, «во всех областях жизни – в обычной работе, в общественной деятельности, в семье, в научном и философском познании, в искусстве, – творя свои новые формы, в непримиримой борьбе со старым обществом, пролетариат будет все больше жить по-своему, социалистически преобразуя себя самого, чтобы затем социалистически преобразовать все человечество» [12, стб.71].

Идея Пролетарского университета

Но для того, чтобы соответствовать своей роли преобразователя общества, пролетариат должен, с одной стороны, овладеть наследием культуры прошлых веков, с другой – выработать свою, пролетарскую культуру и, наконец, должен выдвинуть из своей среды новых лидеров и руководителей, которые, будучи плотью от плоти его самого, поведут его и все общество по пути социалистического преобразования. Одним из средств решения этих задач, по мнению Богданова, должен был стать Пролетарский университет.

Кроме того, по замыслу Богданова, Пролетарский университет должен был также подготовить кадры для создания новой пролетарской Энциклопедии (по некоторой аналогии с проектом французских энциклопедистов XVIII в.). В этой новой Энциклопедии «должна быть устранена коренная абстрактность старого познания: его разорванность и оторванность от широкой практики человеческого коллектива. Теперь наука и философия должны быть представлены в том виде, в каком они станут действительно понятны трудящемуся человечеству: как созданные в историческом сотрудничестве поколений орудия организации коллективной деятельности людей» [13, с.60]. Решающая роль в создании этого «культурного дела, объединяющего весь жизненный опыт рабочего класса, сводящего в систему всю его практику и все мышление», должна принадлежать не «варягам», «а новой интеллигенции, выходящей из среды самого пролетариата, но не уходящей от него, в полной мере проникнутой его общими переживаниями» [13, с.69]. Воспитать эти силы, а также собрать их «на общей идейно-организующей работе» и призван Пролетарский Университет.

Употребляя слово пролетарский, Богданов специально предупреждал читателя, что использует его за неимением нового, более подходящего и что по своим задачам и устройству он будет кардинально отличаться от университетов старого времени. «Две основные черты господствующего теперь академического строя, дробление по специальностям, с одной стороны, идейно-авторитарные отношения “профессоров” и “студентов” – с другой, должны быть устранены в Новом Университете, или, вернее, он должен будет их преодолеть. Цель его вовсе не в том, чтобы только переложить знания тех, у кого они есть, в головы тех, кто ими не обладает, и таким образом доставить обществу некоторое число профессионально обученных специалистов интеллигентского труда. Задача в том, чтобы среди старого общества вырабатывать сознательных и цельных представителей общества нового, людей, которые в полном объеме представляли бы себе гигантское дело преобразования, возложенное на рабочий класс ходом истории, которые могли бы планомерно создавать культурные формы, подготовляющие это преобразование, организуя необходимые для него социальные силы» [13, с.70].

Студенты пролетарского университета также будут кардинально отличаться от посетителей старых университетов. В отличие от них, в основном совсем юных молодых людей, не имеющих жизненного опыта и, как правило, не знающих, для чего им нужно изучать науки, «в нем должны завершать свою идейную выработку люди уже взрослые по су-

ществу, с серьезным опытом в сфере труда и социальной борьбы. В известном – но отнюдь не аристократическом – смысле слова, это будут люди избранные, на деле доказавшие и свою общественную полезность, и стойкую последовательность, и упорное стремление к знанию, побеждающее неблагоприятные условия пролетарской жизни, работники, с бою взявшие свое культурное воспитание. Такие "студенты" будут истинными товарищами своих "профессоров" и, в свою очередь, их руководителями в выполнении коллективно-творческой задачи» [13, с.70].

Истоки

В том, что такое возможно, Богданов был твердо убежден потому, что в его жизни уже был опыт организации подобных занятий, конечно, в значительно меньшем масштабе.

Собственно говоря, к идее Пролетарского университета, по его собственным словам, Богданов впервые пришел в ходе занятий в рабочем кружке в Туле, куда он был сослан в 1896 г. за участие в студенческих волнениях в Московском университете. Он даже считал, что эти занятия были первым курсом его собственного Рабочего университета [14, с.241]. Впоследствии Богданов писал: «Полная невозможность за короткое время передать слушателям фактический материал во всех област-

А.А.Богданов в молодости

ях, которые вызывали их живой интерес, вынудила лекторов сосредоточивать содержание своих ответов на методологии тех наук, о которых приходилось давать понятие юным вопрошателям. При этом оказывалось, что их занимает и привлекает всего более не специализированный характер различных методов, а, напротив, их взаимная связь, то, что в них находится общего и сходного. Перед нами были какие-то природные мистики, которые требовали от нас – не всегда с успехом, разумеется, – мистических ответов на всевозможные, проклятые и не-проклятые вопросы» [13, с.72].

Идея партийной школы для рабочих

Первой попыткой воплощения в жизнь и одновременно первым прообразом Пролетарского университета стали партийные школы для рабочих на Капри и в Болонье, организованные

Богдановым и его единомышленниками в 1909–1910 гг. Идея высшей партийной школы для рабочих возникла после поражения революции 1905–1907 гг. отнюдь не случайно. Как писал впоследствии Богданов, «когда первая волна революции разбилась об инертность крестьянских масс и армии, когда пролетариат был оттеснен с политической арены, а интеллигенция в огромном большинстве отшатнулась от социал-демократии, тогда настало время серьезнее и глубже подумать об этом вопросе (о «необходимости расширения задачи в смысле социалистического воспитания пролетариата»). – *А.М.*)

Жизнь, как нельзя нагляднее, показала, что рабочий класс должен полагаться только на себя, что в дальнейшем ему предстоит всецело самому вести свое дело. К этому надо было усиленно и спешно готовиться» [14, с.242].

Организационный Комитет, в состав которого вошли М.Горький, Михаил (Н.Е.Вилонов), Г.А.Алексинский, а позже Максимов (А.А.Богданов) и А.В.Луначарский, решил положить в основу организации школы следующие начала:

«1. Слушателями школы могут быть только рабочие – члены партии, практически работавшие в какой-либо местной организации и посланные в школу по выбору самой организации;

2. Школа должна быть партийным учреждением, утвержденным каким-либо из партийных комитетов;

3. В своей деятельности и внутренней организации школа должна пользоваться обычной автономией в пределах партийного устава;

4. Программа и список лекторов должны просматриваться и утверждаться местными организациями» [20, с.4].

На этих принципах и были основаны выборы учеников в школы, проводившиеся местными организациями.

Начало работы Каприйской школы

Занятия в первой высшей с.-д. пропагандистско-агитаторской школе для рабочих, как официально называлась Каприйская школа, начались 5 августа 1909 г. Накануне состоялось

организационное собрание Совета школы, в который вошли все ученики и лекторы, а также «Михаил» (Н.Е.Вилонов), принимавший большое участие в организации школы. Учеников, присланных местными партийными организациями, было 13 человек: «Старовер», он же «Ваня Казанец» (И.И.Панкратов), – от Сокольнического района Москвы; «Яков», он же «Константин» (К.А.Алферов), – от Центрального района Москвы; «Василий» (Н.Устинов) – от Пресне-Хамовнического района Москвы; «Борис», он же «Владимир» (В.Косарев), – от Лефортовского района Москвы; «Юлий», он же «Ваня» (И.Г.Баташев), – от Рогожского района Москвы; «Станислав» (М.И.Лобанов) – от Замоскворецкого района Москвы; «Николай» (И.И.Бабинцев) – от Бутырского района Москвы; «Пахом», он же «Казимир» (В.Е.Люшвин), и «Аля Алексинский», он же «Иван» (А.С.Романов), – от Московской окружной организации; «Аркадий» (Ф.И.Калинин) – от Шуйской областной организации; «Арсений» (М.Я.Яковлев) – от Сормовской организации; «Константин» (Ф.И.Сятковский) – от организации г.Гусь-Хрустальный; «Фома» (Н.Н.Козырев) – от Орловской организации.

По особому постановлению Совета в число полноправных слушателей были включены еще двое («рабочий, взявший на себя обязательство немедленно по окончании курса предоставить себя в распоряжение пар-

В.И.Ленин в гостях у М.Горького играет в шахматы с А.А.Богдановым. Капри, 1908 г.

тии», и один бундовец, «имевший рекомендацию от своей организации и оказавший школе важные услуги технического характера» [20, с.8]). Кроме того, Совет школы допустил на лекции еще 13 вольнослушателей.

На общем собрании была избрана Исполнительная комиссия из трех учеников и двух лекторов для заведования практической стороной жизни школы.

В число лекторов входили А.Богданов, А.Луначарский, Г.Алексинский, М.Лядов, М.Горький, В.Десницкий. Были посланы приглашения о чтении лекций В.И.Ленину и двум другим членам Большевицкого Центра (руководящего органа большевистской фракции РСДРП) – И.Дубровинскому и Л.Владимирову, а также Г.Плеханову, Л.Мартову, Л.Троцкому, Д.Рязанову, М.Покровскому, Ст.Вольскому, К.Каутскому, Р.Люксембург и др. Приехали только Вольский и Покровский, Каутский прислал письмо в поддержку школы, но приехать не смог, Ленин отказался от чтения лекций ввиду явно фракционного, с его точки зрения, характера школы и пригласил учеников в Париж, где в это время находился Большевицкий Центр (БЦ).

Основные задачи школы

На первом же собрании Совета школы, в который вошли все лекторы и ученики, по поручению Оргкомитета А.Богдановым был сделан доклад, в котором формулировались основные

задачи школы. В качестве первой из них указывалось «классовое углубление социал-демократической пропаганды», т.к. в предыдущий период деятельности партии велась в основном демократическо-революционная пропаганда, а «чисто социалистической» уделялось мало времени и сил [20, с.3].

Поскольку «слушателями школы будут являться в большинстве случаев рабочие, уже имеющие некоторый практический опыт и известный запас теоретических сведений», но со многими пробелами, «не в систематизированном, не обобщенном виде», школа должна восполнить этот недостаток [20, с.3]. Но задача лекторов не в том, чтобы дать слушателям большой запас фактического материала, а в том, чтобы «ознакомить их с приемами социал-демократического исследования и практической деятельности, ознакомить с научно-социалистическим методом и его применением к различного рода вопросам, встающим перед сознательным рабочим» [20, с.3].

Эти задачи школы были одобрены слушателями-рабочими, причем все они говорили о «жгучей потребности в повышении типа пропаганды, в подготовке руководителей социал-демократического движения из среды рабочих и в устройстве для этого школы» [20, с.3]. Впоследствии Богданов писал: «Ученики» знали, чего они хотели от школы, и внесли со своей стороны в программу ряд изменений, большая часть которых оказалась в дальнейшем полезными и целесообразными. Затем при выполнении дела выяснилось, что слушатели отнюдь не склонны оставаться в рамках пассивной и легкой роли «обучаемых»; люди, уже раньше умевшие много учиться и думать, в общем довольно образованные, несмотря на различные пробелы в познаниях и недостаток их систематичности, они критически воспринимали все, что им предлагалось, и подвергали серьезному обсуждению как содержание, так и форму лекций» [13, с.73].

Внутренняя организация школы

Внутренняя организация школы была построена следующим образом:
«1) общее руководство ее работой и приглашение в школу лекторов принадлежит Совету, в котором должно

быть обеспечено большинство решающих голосов за слушателями, присланными от организаций; 2) органом Совета является Исполнительная комиссия из трех слушателей школы и двух лекторов, заведующая финансами и секретариатом школы и ведущая сношения с организациями; 3) лекторская комиссия (в которую вошли два представителя от слушателей); 4) Исполнительная Комиссия и лекторская комиссия докладывают о своих предположениях и решениях собранию Совета школы, которому принадлежит право окончательного утверждения этих решений и контроль за их выполнением; 5) для ознакомления партийных организаций с работой школы секретариатом ее издаются и рассылаются периодические отчеты, утверждаемые Советом» [20, с.3-4]. (Таких отчетов было издано три).

Программа занятий школы

Программа занятий школы была утверждена в следующем виде:
«I. Партийно-организационное дело.
1. *Организаторская практика*. 2. *Постановка пропаганды и агитации*:

а) пропаганда и агитация в кружках, на массовках и проч., б) партийно-

литературное дело, в) легальные возможности: клубы, народные университеты и проч., г) организация библиотек и связь с книгоиздательствами. 3. Техника и финансы.

II. Партийная теория.

1. Политическая экономия – 30 лекций. 2. История рабочего движения на Западе – 18 лекций. 3. История рабочего движения и социал-демократии в России – 20 лекций. 4. Профессиональное движение, его история и теория – 8 лекций. 5. Кооперативное движение. 6. История России – 20 лекций. 7. Обзор партий в России – 5 лекций. 8. Аграрный вопрос в программах партий – 6 лекций. 9. Финансы – 4 лекции. 10. История революций в новое время в Европе. 11. Основы государственного права. 12. Национальный вопрос.

III. Философия пролетарской борьбы.

1. История общественных мировоззрений – 4 лекции. 2. История литературы и искусства – 8 лекций. 3. Русская литература в XIX веке – 6 лекций. 4. Современное искусство в Европе – 2 лекции. 5. Социалистическая культура – 3 лекции.

IV. Современный момент – 5 лекций» [20, с.4–5].

Занятия в школе продолжались четыре месяца, в течение которых слушатели параллельно изучали предметы из всех разделов программы. До обеда читались две полутора-двухчасовые лекции, в конце каждой из которых отводилось время на собеседование лекторов с учениками. Во второй половине дня проводились практические занятия, внеочередные собеседования, слушатели готовили рефераты и знакомились с наиболее интересными материалами текущей иностранной социалистической печати и т.п.

Г.А.Алексинский

В результате за все время занятий были прочитаны следующие лекции:

1. Экономическая наука. Н.Максимов (в заключительные лекции этого курса, посвященные социализму, был введен курс «Социалистическая культура»). 2. История рабочего движения и социал-демократической партии в России. М.Лядов. 3. Обзор партий в России. Г.Алексинский. 4. Профессиональное движение, его история и теория.

А.Луначарский. 5. История России. Домов. 6. Финансы и бюджетный вопрос. Г.Алексинский. 7. Аграрный вопрос. Станислав (Вольский) [20, с.9].

По «национальному вопросу» и «истории революций в Европе» лекции не читались; первая тема была частично затронута в дополнительном курсе по обзору политических течений в русской Польше; вторая – в лекциях по истории рабочего движения на Западе, которые были разбиты на 4 отдельных курса. А.Луначарский прочел лекции по истории Интернационала и германской социал-демократии, Г.Алексинский – по истории рабочего движения во Франции в новейшее время (он же сделал обзор развития рабочего движения в Бельгии). Строев (В.А.Десницкий) прочел курс «Церковь и государство в России», М.Горький – по истории русской литературы, а Богданов – по истории общественных мировоззрений. Кроме того, во внелекционное время был организован ряд рефератов Луначарского по истории искусств [20, с.9].

Как отмечал впоследствии Богданов, «программа школы относилась почти исключительно к области общественных наук и социальной философии; естествознание было едва затронуто несколькими, так сказать, сверхштатными лекциями. Эту односторонность и лекторы, и слушатели признавали существенным недостатком работы: и те, и другие представляли себе программу Пролетарского университета охватывающей все основные отрасли науки. Но ограниченность времени и лекторских сил не позволяла поставить дело в таком масштабе» [14, с.243–244].

А.В.Луначарский в 1906 году

Согласно Отчету школы, практические занятия по партийно-организационному делу были распределены по четырем самостоятельным разделам: 1. Организационный вопрос. 2. Агитация. 3. Пропаганда. 4. Газетная техника [20, с.10].

По первому разделу слушателями составлялись рефераты на различные темы (вопрос о централизме и демократизме в РСДРП, организационные споры на II съезде партии, партия и думская фракция, отдельные функции партийной организации и связь между ними и т.п.), которые затем подвергались общему обсуждению. Причем, как отмечено в Отчете школы,

«бывали случаи, когда ввиду неудовлетворительности реферата слушатели предлагали автору его переработать и прочесть снова» [20, с.10].

Параллельно шли занятия по агитации и газетному делу. После доклада А.Луначарского о задачах и формах социалистической агитации слушатели приступили к подготовке и произнесению агитационных речей. Темы для них были взяты сначала самые простые (из области экономической и стачечной борьбы), а затем – более сложные, вроде изложения задач с.-д. организации и т.д. Любопытно, что в ходе этих занятий между слушателями неоднократно возникали дискуссии, можно ли произносить агитационную речь «понарошку», т.е. не перед живой рабочей массой, а в небольшой аудитории среди своих товарищей. Часть слушателей утверждала, что хорошая агитационная речь может получиться только при взаимодействии с настоящей рабочей аудиторией, а в противном случае это все актерская игра. В конечном счете сошлись на том, что «для рабочего агитатора-социалиста крайне важно знакомство с техникой речи, т.е. с приемами и способами агитационного воздействия на массу, с постановкой голоса, образностью изложения, умением полемизировать с политическими противниками» [20, с.11].

Живее и интереснее проходили занятия, на которых слушателям пришлось произносить речи экспромтом, без предварительной подготовки. Эти занятия были организованы в виде предвыборных собраний в Государственную думу: один из учеников или лекторов выступал в роли кадета, эсера, октябриста, а остальные задавали ему вопросы и защищали позицию с.-д. партии.

На занятиях по газетному делу слушатели писали и затем обсуждали корреспонденции, передовые и другие виды статей в местные и областные газеты. Для этого были намечены следующие темы: «О партийном съезде», «Долой раскол», «Партийная школа», «Профессиональные союзы и партия», «Думская фракция и партия», «О рабочих клубах», «Промышленный кризис», «Разорение деревни», «Декабрьское восстание», «Царизм и Европа», «Поездка депутатов III Думы в Лондон», «Революция на Востоке», «Итоги трех Дум», «Большевистское совещание», «1-е мая», «9 января», «Смешанные комиссии по закону 15 ноября», «Правительство и рабочий вопрос», «Национальный вопрос», «Кооперативы и партия», «Милитаризм и вооруженный мир» [20, с.12]. Перечисление этих тем дает представление о широте программы: ведь в него входят как «традиционные», базовые для всего революционного движения темы, так и посвященные конкретным проблемам или собы-

тиям партийной жизни российской социал-демократии и ее большевистской части.

Характерно, что при обсуждении и исправлении статей, в которых принимал участие М.Горький, слушатели поставили более общий вопрос – о языке партийной прессы. Они отмечали, что необходимо избавляться от того особого партийного жаргона, который непонятен широким массам и мешает усвоению ими социал-демократических идей.

На занятиях по пропаганде была опробована система кружков, применение которой на практике давало возможность распространять социалистические идеи одновременно «вширь» и «вглубь». Суть ее состояла в разделении кружков на два уровня (по сложности изучаемого материала и степени подготовленности слушателей). В «кружках преподавателей» в ходе лекций, построенных по вопросной системе, слушатели должны усваивать научные формулировки и определения. В «кружках пропаганды» изложение лектором материала отличается большей популярностью, опорой на хорошо известные слушателям примеры из их жизни. Занимающиеся в кружках первого, более высокого, типа одновременно ведут занятия в кружках второго типа, где на практике применяют полученные знания. Слушатели кружков пропаганды также учатся составлять рефераты и произносить речи, но их обсуждение происходит на занятиях кружка, и лишь после серьезной подготовки они могут выступать на массовых собраниях [20, с.10–12].

Говоря о занятиях в Каприйской школе, нельзя не отметить тот факт, что даже исключенные из нее ленинцы, обвинявшие лекторов в организации новой фракции и противопоставлении своей группы партии, признавали, что «во всех своих сообщениях никогда не заявляли организациям, а также редакции «Пролетария» о фракционном направлении лекций. Наоборот ... признавали ... полезным и необходимым ... все знания, которые получают из лекций лекторов школы» [23, с.8].

Программа школы была выполнена к декабрю 1909 г., и по приглашению БЦ ученики поехали в Париж для прослушивания ряда дополнительных лекций. К этому времени исключенные из школы ленинцы, прослушавшие лекции в Париже, уже были переправлены к границе с Россией [9, л.1].

**Возвращение учеников
в Россию**

Вернулись в Россию и остальные ученики Каприйской школы, многие из которых вскоре были арестованы.

Во всяком случае, никто из них не был обойден вниманием полиции и охранки. Так, в донесении начальника Московского Охранного отделения директору Департамента полиции от 13 марта 1910 г. содержались следующие сведения о вернувшихся в Россию каприйцах: Арсений уже арестован в Нижнем Новгороде; Аркадий арестован при нелегальном переходе границы в январе 1910 г. и этапом отправлен из Радзивиллова на родину в Муром, в настоящее время – в Москве, партийный профессионал Лефортовского района; Константин (делегат от г. Гусь-Хрустальный) сейчас в Петербурге; Пахом арестован при провале Исполнительной комиссии Московской окружной организации; Аля Алексинский по возвращении работал в Москве, но сейчас уехал в Петербург, опасаясь ареста; Константин (по школе Яков) сейчас в Москве под фамилией Алферов; Старовер (Панкратов) арестован в Петербурге под чужой фамилией во время массовых арестов в связи с антиалкогольным съездом; Владимир (по школе Борис) сейчас в Петербурге; Ваня (в школе Юлий) живет в Москве, к работе еще не приступал; Василий арестован в Москве; Николай живет в Москве, к работе не приступал [3, л.253–256].

11 мая 1910 г. начальник Московской охранки сообщал, что арестованы следующие ученики Каприйской школы: Н.Устинов (Василий), В.Е.Люшвин (Пахом), С.И.Романов (Аля Алексинский), Н.Н.Бабинцев (Николай), К.А.Алферов (Константин и Яков), И.Г.Батышев (Ваня и Юлий) – в Москве; И.И.Панкратов (Старовер), В.Косарев (Владимир и Борис) – в Петербурге; М.Я.Яковлев (Арсений) в Нижнем Новгороде [3, л.276].

Конечно, не все ученики Каприйской школы стали выдающимися или сколько-нибудь заметными партийными работниками, организаторами и пропагандистами. Но, по мнению Богданова, свидетельством того, что «не пропала даром и выработка нового типа высшей пропаганды, нового типа организации школы», служит тот факт, что спустя девять лет после работы школы ему удалось встретить пять человек, «выполняющих ответственную революционно-организаторскую работу: для наших русских условий этого времени поразительный процент сохранившихся и действующих» [14, с.246].

Дискуссия о партийной школе Несмотря на полицейские преследования, которым подверглись ученики школы, никто не отрицал ее огромного значения. Большинство мест-

ных организаций высказывалось за постоянное функционирование школы, многие сообщали о своем намерении прислать учеников во второй набор [2, л.108об.; 4, л.195].

Идею общепартийной школы поддерживала и редакция «Пролетария», настаивая на необходимости борьбы с группой отзовистов-ультиматистов, которые собирались организовать второй выпуск школы [5, л.635].

Партийной школе для рабочих было посвящено несколько публикаций центрального органа партии – газеты «Социал-Демократ». В №10 под заголовком «Нужна ли партийная школа?» было опубликовано письмо «Староверу» от имени «группы товарищей», в котором наряду с осуждением фракционной Каприйской школы содержался призыв к организации действительно общепартийной школы. Письмо сопровождалось припиской от редакции, в которой говорилось: «Редакция ЦО (Центрального органа. – А.М.) полагает, что организация общепартийной школы является одной из ближайших задач ЦК и что при поддержке и содействии местных организаций это новое дело может быть легко и быстро поставлено на ноги» [24, с.8]. Редакция также призывала всех сочувствующих школе «немедленно приступить к оказанию материальной помощи ей» и предлагала местным организациям присылать свои предложения и соображения по поводу организации школы.

В следующем номере «Социал-Демократа», наряду с резолюцией Совета Каприйской школы от 22 ноября 1909 г. об инциденте с исключением ленинцев, печаталось обращение Заграничного бюро ЦК, сообщавшее об образовании школьного комитета при ЦК и призывавшее «спешить со всеми видами помощи общепартийной школе», прекратив «отдельные групповые начинания в этой области» [25, с.12].

**Попытка организации
общепартийной школы**

Собравшийся в январе 1910 г. Пленум ЦК в числе прочих рассмотрел и вопрос о партийной школе для рабочих и образовал школьную комиссию из девяти человек. В нее вошли два большевика-ленинца, два меньшевика, представители польской и латышской социал-демократии, Бунда и два «впередовца» (Г.Алексинский и М.Покровский).

Однако, как и следовало ожидать, сотрудничества не получилось, и «впередовцы» вышли из школьной комиссии. «Причина, побудившая их к выходу, заключалась, с одной стороны, в том, что они окончательно

убедились в несерьезности намерений ЦК, который, обладая очень крупными средствами, счел возможным ассигновать на дело школы лишь до смешного мизерную сумму в 1500 франков, а с другой, – в том, что школьная комиссия отвергла основное положение Совета первой школы, каковым являлась полная автономия слушателей как в ведении административных дел школы, так и в вопросе о приглашении лекторов» [19, с.4].

После выхода «впередовцев» из школьной комиссии при ЦК Организационный комитет, выбранный слушателями первой «впередовской» школы, в который вошли А.Богданов, А.Луначарский, Ст.Вольский, Г.Алексинский, М.Лядов, выпустил листовку-обращение к партийным организациям, в которой обосновывал разрыв группы со школьной комиссией и объявлял о наборе во вторую школу «на прежних демократических основах: выборы слушателей от организаций, утверждение лекторов слушателями; полноправность каждого слушателя и каждого лектора в Совете, автономия школы под контролем местных организаций, перед которыми ответственны выбранные ими слушатели, и, если возможно, под высшим контролем центральных учреждений партии». «Формально она (школа. – А.М.) по-прежнему не будет общепартийной, но фактически она будет партийной школой тех автономных местных организаций, которые примут в ней участие» [7, л.1].

В ответ на это обращение Школьная комиссия выпустила свой листок, в котором излагала историю своего возникновения, а также предлагала на рассмотрение организаций предварительный проект Устава школы:

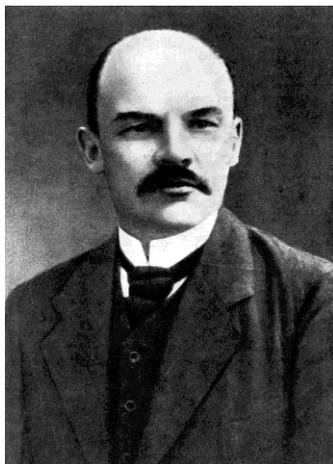
«1) Ученики выбираются местными организациями под контролем ЦК.

2) Те местные организации, которые сами соберут средства, необходимые на покрытие всех расходов на посылаемых ими учеников, могут посылать столько учеников, сколько найдут нужным.

3) В случае невозможности предоставить представителям всех организаций места в школе, право распределения таких мест принадлежит ЦК. 4) Право предлагать лекторов принадлежит всем партийным организациям.

5) Коллегия слушателей имеет право выдвигать свой список лекторов.

6) Составление окончательного списка принадлежит комитету школы.

В.И. Ленин в 1910 году

7) При расхождении между коллегией слушателей и комитетом школы по вопросу о составе лекторов вопрос передается на решение ЦК» [18]².

Авторы листка обещали начать занятия уже осенью в случае, если организации поддержат школу материально. На это не преминули обратить внимание «впередовцы», выпустившие «Дополнение» к листку «Об организации партийной школы», в котором указывали на «несерьезность», с их точки зрения, намерений школьной комиссии: обещая начать занятия осенью, ЦК выделяет на это дело всего 1.500 франков, обращаясь за помощью и поддержкой к местным организациям, которые нуждаются в

деньгах, в то время как у самого ЦК имеется около 200.000 франков [19, с.9]. Кроме того, в обращении школьной комиссии ничего не сказано ни о деятельности первой «впередовской» школы, ни о том, что представители группы «Вперед» вышли из этой комиссии по принципиальным соображениям [19, с.9].

Кроме этого листка, полностью включенного в Отчет Болонской школы, «впередовцы» выпустили еще одно обращение к местным организациям РСДРП, в котором также критиковали предложенный школьной комиссией план школы. Из «Обращения» школьной комиссии они делали следующие выводы: «во-первых, взгляд руководящих кругов партии на роль и значение школы радикально изменился; во-вторых, план создания и организации общепартийной школы, намеченный комитетом школы, носит несерьезный характер; в-третьих, намеченный комитетом школы устав фактически лишает будущую школу автономии» [15].

Организация второй «впередовской» партийной школы

Нельзя не отметить, что «впередовская» критика ЦК за обращение к местным организациям с просьбой о материальной поддержке носила отнюдь не случайный характер. Дело

² Это обращение было опубликовано в № 14 «Социал-демократа».

в том, что в это время в кассе группы лежали 15 тыс. франков специально на организацию школы [10, л.15]. Эти деньги были переданы уральскими боевиками-экспроприаторами, участвовавшими в Миасском налете [16, с.111]³. Таким образом, вместе с пожертвованиями частных лиц первоначальная сумма, предназначенная для нужд школы, составила 16.057 франков 15 сантимов. Общий расход на школу в Болонье составил более 20 тыс. франков, дефицит был покрыт группой «Вперед» [19, с.31]. Источник средств школы (деньги от экспроприации) организаторы предпочитали не афишировать.

Вопрос о месте пребывания школы вызывал серьезные разногласия даже внутри организационного комитета. Часть его членов, живших в Париже, и жертвователи склонялись к Лондону, но жизнь там стоила очень дорого. А.Богданов считал более удобным местом Северную Италию и в письме от 5 июня 1910 г. просил Горького узнать, не будет ли там школа подвергаться полицейским преследованиям [6].

Прения по этом вопросу продолжались довольно долго, и 4 ноября того же года Домов (М.Покровский) сообщал о результатах голосования, в котором приняли участие бывшие в тот момент за границей члены Оргкомитета: трое – за Болонью, трое – против. Седьмой – Горький – воздержался. Вероятнее всего, споры эти были отнюдь не схоластическими, а отражали различный подход к вопросу об организации школы. По свидетельству одного из учеников второй «впередовской» школы М.Т.Степанчикова, давшего после ареста «откровенные показания», А.Богданов жаловался, что часть членов группы «Вперед», а именно: Покровский, Алексинский и Степинский (Менжинский) – «расстраивают группу "Вперед" и не хотят, чтобы школа была организована в Болонье». Они считают, что учеников школы нельзя держать в клетке, они должны знакомиться с рабочим движением в Европе. Богданов возражал им по мотивам конспирации.

В конце концов остановились на Болонье, где в это время был социалистический муниципалитет и школа считалась секцией местного народного университета имени Дж.Гарibaldi. Посредником между школой и местными властями был профессор Пулэ, забота о подыскании квартир для лекторов и слушателей легла на Луначарского, знавшего итальянский язык.

---

³ Об этом же сообщалось в записке чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел директору Департамента полиции от 2 декабря 1910 г. [1, л.29].

Г.Болонья, 1909 г.

Выборы учеников в школу проходили летом 1910 г. В связи с тем, что слушатели попадали за границу не одновременно (четверо приехали летом, основная масса – в сентябре, а двое – уже после начала занятий), решено было организовать ряд вступительных лекций и практических занятий для уже приехавших. Целью этих занятий было, «с одной стороны, подготовить слушателей к прохождению официальной программы школы, а с другой, – хотя бы отчасти затронуть с ними те из вопросов, которые, вследствие относительной кратковременности курса, рассчитанного на четыре месяца, в программу войти не могли». Кроме лекций Луначарского по истории философии марксизма, социализма и рабочего движения на Западе и экономического материализма, Лядова по русской истории и современному положению рабочего движения в разных странах, Максимова (Богданова) о политической экономии и на тему «Пролетариат и культура», Савельева (Ст.Вольского) об утопическом социализме, анархизме и по истории новейшей философии, велись также практические занятия по пропаганде, агитации и писанию статей и прокламаций.

По свидетельству Степанчикова, слушатели писали также рассказы, которые затем ими обсуждались совместно с лекторами. Темы были самые различные: от традиционной – «Первые впечатления от фабрики» – до сюжета «о каком-то заговоре» у одного из уральцев. Рассказы другого уральца были «с анархическим оттенком», третий писал мемуары из жизни боевой дружины.

**Внутренняя организация
Болонской школы**

Официальное открытие Второй высшей с.-д. пропагандистско-агитаторской школы в Болонье состоялось 21 ноября 1910 г. в присутствии четырех лекторов (Богданова, Луначарского, Лядова и Вольского) и 17-ти слушателей. Кроме того, по примеру Каприйской школы, в число вольнослушателей первого разряда были зачислены рабочие, жившие за границей, но взявшие на себя обязательство по окончании курса поехать в Россию. Они получили решающий голос в Совете школы и пользовались правом активного участия в практических занятиях. На школьных занятиях присутствовали также вольнослушатели второго разряда, которые обязательств на себя не брали и правами учеников не пользовались.

Политический состав учеников был неоднороден, среди них были и ленинцы, и отзовисты, что вызывало внутренние конфликты. Еще одним спорным вопросом, из-за которого школа чуть было не развалилась, был вопрос об отношении к экам, ярыми защитниками которых выступали уральцы, а выступавший против них Степанчиков считал их грабежом и убийством, против которого должен бороться всякий сознательный рабочий.

Состав лекторской коллегии также был неоднороден. Вначале были утверждены все лекторы Каприйской школы: Алексинский, Горький, Домов (Покровский), Луначарский, Лядов, Максимов (Богданов), Савельев (Ст.Вольский). Затем были посланы приглашения Р.Люксембург,

Силуэт А.А.Богданова. Капри, ок.1908 г.

А.Кулешовой, А.Коллонтай, В.И.Ленину, Г.В.Плеханову, Л.Мартову, Д.Рязанову, Ф.Дану, Л.Троцкому, Маслову и ряду других. Откликнулись и дали согласие приехать Коллонтай, Волонтер, Троцкий, Степинский, Васильев, Мартов, Маслов. Кулешова, Рязанов, Дан отказались, Люксембург и Плеханов не ответили, Ленин ответил отказом и прислал письмо, в котором заявил, что «никакого участия в предприятиях этой антипартийной и разрывающей с социал-демократизмом группы принимать не может» [17, с.6].

Таким образом, если в Каприйской школе лекторами являлись исключительно будущие «впередовцы», то в Болонье из 12 лекторов «впередовцев» было лишь семь человек, трое были меньшевиками и один – внефракционным с.-д.

Внутренняя организация школы была такой же, как и на Капри. Всеми делами, включая приглашение лекторов, ведал Совет школы, состоявший из всех слушателей, вольнослушателей первого разряда и лекторов. Органом Совета школы являлась Исполнительная комиссия, в которую входили кассир (Луначарский), секретарь (жена Лядова) и трое слушателей по выбору. Распределением лекций заведовала лекторская комиссия с участием двух представителей от слушателей.

Программа занятий школы

Программу школы, в которую входили лекции и практические занятия, намечено было пройти за 4 месяца (из расчета 12 лекций и 4 практических занятия в неделю). Занятия

были организованы с учетом опыта первой школы, поэтому особое внимание было обращено на практические, самостоятельные работы слушателей.

В течение 4 месяцев в школе были прочитаны следующие лекции:

1. Политическая экономия – 39 лекций, *Н.Максимов (Богданов)*.
2. История рабочего движения и социализма на западе: *во Франции, Англии и Германии – 31 лекция, в Австрии – 6 лекций. Троцкий, Луначарский; в Финляндии – 3 лекции. А.Коллонтай.*
3. История рабочего движения и социализма в России – 28 лекций, *М.Лядов.*
4. История России: допетровский период – 9 лекций, *Васильев*; от Петра I до освобождения крестьян включительно – 6 лекций, *Домов (Покровский)*.
5. Обзор партий в России – 7 лекций, *Алексинский.*

6. Аграрный вопрос – 8 лекций, П.Маслов.
7. Основы гос. права – 8 лекций, Степинский.
8. История общественных мировоззрений – 7 лекций, Максимов.
9. Международная политика – 6 лекций, Волонтер.
10. История русской литературы – 8 лекций, Луначарский.
11. Современный момент (был проведен ряд дискуссионных вечеров).

По воскресеньям слушатели под руководством Луначарского посещали музеи, картинные галереи и старинные части города, а по вечерам устраивались литературные чтения с обсуждением прочитанного.

Стоит специально отметить, что в распоряжении лекторов и учеников школы была хорошая библиотека, в которой были последние номера иностранной социалистической периодики («Vorwaerts», «Neue Zeit», «Humanité»), российская социал-демократическая нелегальная пресса всех фракций, газеты «Речь», «Русское слово», «Киевская мысль», «Звезда», «Голос Сибири», журналы «Новая жизнь», «Мысль», «Журнал для всех», книги и брошюры, собранные пожертвованиями специально для школы, а также издания из библиотеки Куклина в Женеве.

В статье «О двух заграничных партийных школах» Н.Семашко сравнил план лекций Болонской школы с планом школы в Лонжюмо, организованной ленинцами, и пришел к выводу, что их характеры «несколько отличались»: «Парижская (в Лонжюмо. – А.М.) старалась дать больше практических указаний, как руководить партийной работой в тот момент, Болонская школа отличалась более теоретическим характером» [21, с.146].

В ответ на это возникает, по меньшей мере, два соображения: во-первых, передовая школа была призвана не только научить рабочих-партийцев самостоятельно вести партийную работу и руководить ею, но и способствовать воспитанию из них «нового» человека, соединяющего физический труд с всесторонним умственным развитием и творчеством; рабочего, умеющего самостоятельно анализировать окружающую действительность с позиций передовой науки, с учетом достижений научной мысли и общественной практики человечества.

Во-вторых, кроме лекций в Болонской школе проводились практические занятия, которым было уделено немало времени и внимания. На занятиях по пропаганде, которые вели Лядов и Савельев, слушатели выступали с рефератами и лекциями на различные темы, разной степени сложности в разной форме. Также были выработаны два типа кружковых занятий (пропаганда в широком смысле и в узком – кружки пропагандистов) и программы для них.

На занятиях по газетной технике ученики учились писать статьи и заметки, анализировали российские газеты различной направленности и, наконец, разбившись на две группы, составили две газеты, которые затем были разобраны и обсуждены.

Занятия по агитации готовили слушателей к произнесению речей на различные темы (от призыва к забастовке до разбора программы той или иной политической партии) на массовых собраниях. Практические занятия по агитации были построены в форме лекций, состоящих из наводящих вопросов, в ходе которых обсуждались и разбирались как принципы организации политических партий вообще, так и положение дел внутри РСДРП.

Как видно из краткого обзора практических занятий в Болонской школе, они охватывали почти все стороны партийной жизни и давали слушателям возможность на практике применять те знания, которые они получали на лекциях. Кроме того, ученики на равных правах с лекторами принимали участие в заседаниях Совета школы, на которых обсуждались различные вопросы жизни школы. Наконец, организаторы школы, особенно Богданов, старались создать в ней особую атмосферу коллективного сотрудничества учителей и учеников, отличную от буржуазной школы. Богданов рассматривал школьные занятия как прообраз грядущего «Пролетарского университета».

О том, что это им в немалой степени удавалось, свидетельствует тот факт, что стоявший на антипередовской позиции ученик «Сергей» (И.И.Салман) в своем докладе Школьному комитету при ЦК отмечал, что «в школе немного веет социалистическим духом постановки, нет той казарменности, которая свойственна казенной и вообще современной буржуазной школе. Постановка занятий поставлена в самом лучшем смысле этого слова... С чувством глубокого уважения к тов. Богданову констатирую, что из его лекций извлекаешь очень и очень многое. Громадное знание этого предмета и умелая популярная постановка лекций вводит нас, рабочих, в основные вопросы социалистического учения» [8, л.7].

Впоследствии Богданов писал о Болонской школе, что «организация занятий и метод преподавания сложились и оформились там уже настолько, что для Пролетарского университета полученные результаты могли бы служить подходящим исходным пунктом» [14, с.246–247].

Идея партийной школы для рабочих была вскоре использована яркими противниками «впередовских» школ – ленинцами. Они организовали свою школу летом 1911 г. в местечке Лонжюмо под Парижем, причем, в сущности, в тех же целях, в которых они обвиняли «впередовцев», – для

подготовки новых молодых кадров для своей фракции. Правда, первоначальная идея школы для рабочих предполагала отнюдь не столь узкое ее предназначение, а мыслилась в более широком контексте пролетарской культуры и «собираания нового человека», но жизнь, как это часто бывает, внесла свои коррективы в ходе практической реализации большой идеи.

(Окончание следует)

Библиографический список

1. ГАРФ. ДП ОО. Ф.102. 1910. Д.5. Ч.1. Лит. Н.
2. ГАРФ. ДП ОО. Ф.102. 1909. Д.5. Ч.14. Лит. А.
3. ГАРФ. ДП ОО. Ф.102. 1909. Д.271.
4. ГАРФ. ДП перл. Ф.102. 1909. Д.358.
5. ГАРФ. ДП перл. Ф.102. 1909. Д.359.
6. РГАСПИ. Ф.75. Оп.1. Д.46.
7. РГАСПИ. Ф.338. Оп.1. Д.1.
8. РГАСПИ. Ф.338. Оп.1. Д.5.
9. РГАСПИ. Ф.377. Оп.1. Д.372.
10. РГАСПИ. Ф.775. Оп.1. Д.27.
11. Богданов А. Пролетариат в борьбе за социализм // Неизвестный Богданов / Под ред. Г.А.Бордюгова. Кн.2: А.А.Богданов и группа «Вперед» (1908–1914). М., 1995.
12. Богданов А. Социализм в настоящем // Вперед. №2. Париж, 1910.
13. Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911. 94 с.
14. Богданов А.А. Пролетарский университет // Богданов А. О пролетарской культуре. 1904–1924. Сб. ст. М.; Л.: Книга, 1924. 344 с.
15. В местные – городские и районные – организации РСДРП (Отдел специальных коллекций ЦСПИ ГПИБ. ЦЛ 1. 156).
16. Коковихин М.Н. Миньярское подполье. Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1957. 206 с.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.48.
18. Об организации партийной школы (Отдел специальных коллекций ЦСПИ ГПИБ. ЦЛ 1. 156).
19. Отчет второй высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих. Париж: кооп. тип. «Союз», 1911. 31 с.
20. Отчет Первой Высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих. Париж: изд. Совета школы, 1910. 24 с.
21. Семашко Н.А. О двух заграничных партийных школах // Пролетарская революция. 1928. №3. С.142–151.
22. Современное положение и задачи партии. Париж: кооп. тип. «Союз», 1909. 32 с.
23. Социал-демократ. 1909. №9.
24. Социал-демократ. 1910. №10.
25. Социал-демократ. 1910. №11.

Всякая война между европейцами есть гражданская война.

Виктор Гюго

Пусть мы проедем из конца
в конец любые земли – нигде
в мире мы не найдем чужой нам
страны; отовсюду одинаково можно
поднять глаза к небу.

Сенека

Кирилл Соловьев

**ГОСУДАРСТВО
И ВЛАСТЬ:**

**ПРОШЛОЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ¹**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
93/94;
316.423

Статья посвящена политической и правовой мысли русской эмиграции в 1920–1930-е гг. В центре внимания такие понятия, как государство, демократия, империя, которые стали предметом размышлений сторонников разных политических взглядов. Они осмыслили опыт Российской империи, русской революции, пытались предсказать, как будет эволюционировать политическая система в странах Европы. Это позволило им высказать смелые суждения, во многом расходившиеся с прежней интеллектуальной традицией.

The article is devoted to the political and legal thought of Russian émigré in 1920–1930. In the focus of the article there are the concepts of state, democracy, empire that were reflected by the followers of the different political ideologies. They interpreted the experience of Russian empire, Russian revolution trying to predict the future of political systems in Europe. It helped them to make radical conclusions that were too far from the former intellectual tradition.

Ключевые слова: Русская эмиграция, государство, право, демократия, империя, революция.

Key words: Russian émigré, state, law, democracy, empire, revolution.

E-mail: kirillsol22@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00237 – ОГН.

Европа межвоенного времени сокрушалась о прошлом, недоумевала, вглядываясь в настоящее, и терялась в догадках, строя прогнозы на будущее. Это касалось интеллектуалов практически всех стран: и сравнительно благополучной Великобритании [8, с.25–85; 26, с.427–436], и переживших недавнюю катастрофу Германии [37] и Австрии [6, с.122], и вроде бы оказавшейся в стороне от мирового конфликта Испании [19, с.15–22]. Масштаб переживаемых изменений вынуждал их перевернуть страницу европейской истории, дав себе отчет в том, что теперь повсеместно действуют иные и подчас не вполне понятные правила игры.

Мыслителей Русского Зарубежья это касалось еще в большей степени. Они пережили катастрофу всего привычного им миропорядка. У них не было привычной точки опоры любого публициста: актуальной повестки дня *собственной* страны. Вскоре по окончании гражданской войны стала очевидна вся тщетность политической борьбы за власть в России в парижском или пражском предместье. 5 февраля 1921 г. М.В.Челноков писал Н.И.Астрову: «Разговорами большевиков не свалить. Это сделают или иностранные войска, или взрыв в России. Ни иностранцы, которые будут устраивать колонии, ни гг.Махно и Ко, которые будут устраивать наглое, дурацкое мужицкое царство, не будут нуждаться в услугах парижских говорунов, и из-за чего наши “вожди” стараются решительно непонятно. Я не думаю, чтобы настоящее поколение водворило порядок в России: нет бодрости, веры, энтузиазма патриотического, нет честности»². Оставалось лишь опуститься до мелочных склок эмигрантской среды или же подниматься до метафизических высот, предлагая свое понимание перспектив развития не только России, но и всего человечества.

² М.В.Челноков давал весьма пессимистический прогноз на будущее: «Мне кажется, что в России установится некое подобие татарского ига, осуществляемое соединенными усилиями большевиков и англичан, немцев, французов, японцев и проч., проч. лет на сто (три поколения). За это время вымрут наши современники, гнет выработает народный характер, грабеж научит ценить собственность, насилия заставят вспомнить свободу, и явится какой-нибудь новый Дмитрий Донской, Иоанн III, Пожарский, Минин, и тогда начнется создание новой России – не знаю, какой по счету. А теперь не стоит об этом всем думать, ибо для действия нет необходимых условий и материала. Нашему брату нужно решить твердо: никогда в Россию не возвращаться и тянуть как-нибудь до неизбежного конца. Таково мое настроение, и оно диктуется разумом, а не чувством [36].»

«Распалась связь времен...»

В своей переписке с В.А.Маклаковым писатель М.А.Алданов вспоминал князя Нехлюдова, героя романа Л.Н.Толстого «Воскресение». Тот удивлялся, когда его называли либе-

ралом только лишь за то, что он высказывал «элементарные и для всех обязательные истины». Осенью 1938 г. приходилось констатировать, что «именно эти азбучные истины и переживают катастрофу, а с ними все их защитники, какова бы ни была разница между ними во всем остальном». Речь шла о подлинной «катастрофе европейской культуры». Эти слова были сказаны накануне ожидавшейся Второй мировой войны, после которой значительная часть Европы буквально обратилась в пепелище. Однако многие представители Русского Зарубежья произносили их и существенно раньше [23, с.72]. Опыт революции и гражданской войны в России позволял говорить о «восстании масс» не как о поэтической метафоре, а действительно имевшем место явлении, в корне изменившем весь политический ландшафт Европы. К таким веяниям времени можно было относиться по-разному. Однако в любом случае подобные трансформации подразумевали глубочайший кризис, который с неизбежностью должен был обернуться падением «старого порядка» – того, что только совсем недавно никто не считал «старым».

В.А.Маклаков

В связи с этим до сих пор привычно вспоминается получивший широчайшую известность труд О.Шпенглера «Закат Европы». При этом забывается другая аналогичная книга, написанная отечественным автором, в своей основе даже раньше шпенглеровской. Речь идет о сочинении Г.А.Ландау «Сумерки Европы». Григорий Адольфович Ландау (1877–1941) – самобытный литератор, публицист, автор афоризмов, член «Союза Освобождения», а затем партии кадетов. Будучи еще в России, в 1914 г. он опубликовал статью «Сумерки Европы». В 1920 г. эмигрировал в Германию, где статья переросла в книгу. В ней обобщался трагический опыт Европы последнего пятилетия. По мнению Ландау, Первая мировая война драматически изменила лицо Старого Света. Это произошло сразу по нескольким причинам. Война нового типа, «тоталь-

ная война», обозначала масштабные разрушения и значительные людские потери. В итоге подрывались традиционные формы воспроизводства культуры, «обеднялась ткань человеческих ресурсов». Разорение Европы неминуемо способствовало росту могущества прежде «периферийных держав» – США, Японии и, как писал Ландау в начале военных действий, России [10, с.31–32].

Впрочем, материальные проблемы, с которыми столкнулась Европа, – лишь вершина айсберга. Ландау выделял в качестве одной из причин кризиса европейской цивилизации потерю обществом каких-либо духовных ориентиров. XIX век был временем исключительной веры в человека, в свой ум и недюжинные способности. Война же заметно поколебала ее, так как это было время, когда безликая масса восторжествовала над личностным, героическим началом. Герой – представитель культуры, масса же по определению далека от высокой культуры; герой знает, что может, – толпа не знает, поэтому уверена, что она может все. В период войны вполне предсказуемо оказалось, что власти легче говорить с толпой, чем с отдельными людьми. Для того чтобы достигнуть всеобщей консолидации, государство апеллировало к самым примитивным инстинктам коллективной ненависти к чужому. «Стихию можно вызвать, мыслимо даже дать ей направление, но немыслимо ею руководить. И потому, когда задача государственного целого потребует приостановки или поворота... разогнанная стихия будет продолжать свое давление по прежнему пути» [10, с.65]. Торжество толпы привело и к перерождению политических форм, характерных для Европы. Масса, являющаяся не объединением элементов, ее составляющих, а единым целым, нуждается не в выяснении своих нужд посредством демократических процедур и институтов, а в вожде, способном вести ее за собой.

«Сумерки Европы» в значительной мере объяснялись разрушением традиционных для Старого Света государственных образований – в первую очередь, империй. Подобный процесс имел место в силу перенесения общегражданских правовых норм в область международных отношений. Однако его следствием стала не гуманизация внешней и национальной политики, а торжество «мещанской духовности», выразившейся, в т.ч., в провозглашении права нации на самоопределение. Исчезновение многонациональных держав привело к духовному оскудению Европы, так как оно способствовало «разряжению» культурного поля западного мира. «Государство, насыщенное... возможностями эпохи – культурой, действенной мощью, организаторским потенциалом, – силой распространяется, завоевывает мечом и втягивает в сферу своего

воздействия силками мирных связей соседние и далекие народы. Оно на них распространяет свои высшие достижения, ускоряя и организуя взаимодействие своих составных частей, собирая воедино грандиозные человеческие массы, создавая величайшее напряжение, внося мир совместной работы в прежде враждебное разряжение... Бесспорно величайшее значение подобных великих образований. В сущности, впервые они выводят на человечество, на историю и в этом смысле на вечность те глубинные духовные ценности, которые вырабатываются и накапливаются, вспыхивают и нарастают обыкновенно только в определенно ограниченных пространственных и историко-этнических условиях» [10, с.122]. Помимо этого, крах империй с неизбежностью привел к росту национализма в Европе, так как принцип равноправия наций – имперского происхождения и в моноэтнических государствах он практически не имел силы. В некоторых случаях национализм приобретал болезненные черты, так как многие народы были рассеяны по значительной территории и, соответственно, государственные границы зачастую не совпадали с границами этнического расселения, что становилось причиной многочисленных конфликтов.

Торжество масс, кризис демократических институтов, усиление национализма, отсутствие духовных ориентиров – все это представлялось Ландау предвестниками общеевропейской катастрофы. Для того, чтобы предотвратить ее, казалось необходимым избавиться от тяжелого наследия Версальского мира. Европа не должна была делиться на проигравших и победителей – соответственно, дискриминационные нормы по отношению к Германии и России должны были быть отменены. Лишь при условии возвращения этих держав на мировую арену в качестве равноправных участников международных отношений Ландау считал возможным нахождение общеевропейского консенсуса.

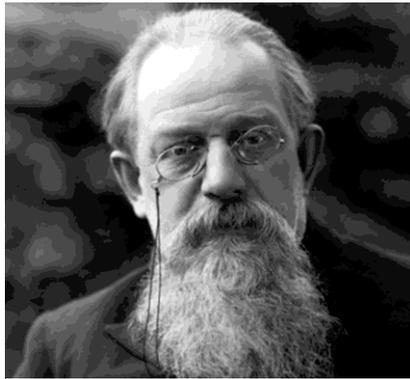
В сочинениях Ландау звучала нота надежды, которая с течением времени сойдет на нет. Русская эмиграция без оптимизма следила за политической жизнью европейских держав. Традиционно констатировался глубочайший европейский кризис, который непременно вел к деградации всех институтов. Литератор, публицист, искусствовед П.П.Муратов писал о разрушении цивилизационных основ Европы. Искусство замещалось антиискусством. Постепенно размывалось понимание прекрасного. Кризис переживали традиционные институты общества, переставали существовать привычные для западной цивилизации иерархические перегородки. Разрушался миф, на котором стояла прежняя Европа. На его место приходила вера в науку, технику, про-

гресс. «Долгое время, очень долгое время удерживалось некое гармоническое равновесие сил человеческих и сил природных. Но вот в конце европейской эпохи человек сделался "испытателем естества". Он вызвал, освободил и допустил в свою жизнь многие скрытые силы природы. Ему казалось, что он сделался покорителем природы и господином мира. На самом деле он стал похож на того заклинателя, который умел только вызвать духов, но после того растерялся и не знал, как справиться с ними. Механические энергии вырвались из его рук и стали управлять миром. Думая, что они служат ему, человек понемногу стал их рабом» [16, с.88–89]. По мнению Муратова, результатом этих процессов стало фактическое исчезновение полноценной «народной жизни», «народного человека». Человек терял свою связь с «почвой» и становился элементом нового механистически устроенного социума [16, с.101–103].

Это была ностальгия по утраченному времени, попытка удержать в руках ускользающее прошлое, признавая его несомненное преимущество перед настоящим. Однако, возможно, все эти стенания были напрасными. М.В.Челнокову представлялось, что происходившие изменения свидетельствовали лишь о неуклонном движении истории. «Большевистский кризис – не русский, а европейский вопрос крушения всей культуры XIX века. Европу губит сентиментальность. Вся наша культура, вся наша т. н. цивилизация были основаны на молчаливом признании необходимости рабства, ибо кочегар в глубине парохода, машинист на паровозе, рабочий в глубине шахты, прядильщик, ткач, наборщик, мелкий газетный работник, магазинные барышни, конторщики и проч. – все это рабы, ибо человек, свободный в выборе, никогда такого дела себе не взял бы, ибо эти дела не дают радости творчества, а берут всего человека. А без этих рабов цивилизация и культура существовать не могут, и Европа, утверждая культуру, должна была бы откровенно признать и рабство, – худшее, чем любое крепостное право. На это не хватило смелости. И началось сентиментальное движение, развивавшее рабочих, домогавшееся для них прав, делавшее их хозяевами страны, но не могущее создать ценности для удовлетворения appetitов, не могущее изменить условия рабского существования»³. Цивилизация, многие годы стоявшая на рабском труде, наконец, пожинала плоды своего безразличия к нему.

³ М.В.Челноков позволяет весьма радикальные суждения: «Теперь цивилизация без рабов немислима. Рабы хотят стать свободными и богатыми, значит пусть гибнет культура и цивилизация. И она гибнет на наших глазах: высших ценностей нет, нет высоких целей, никто не решается требовать жертв, и никто их не хочет нести» [36].

Европейская мысль чувствовала тектонические подвижки, которые происходили в культуре послевоенных лет, под которой подразумевались не только достижения поэзии и живописи, но вся ткань социальной жизни человека. Именно такая культура была в центре исследований П.Б.Струве 1910-х гг. Тогда, следуя излюбленным им подходам, он проповедовал «здоровый национализм», который должен был дать новый импульс развитию Российской империи. Теперь, десятилетие спустя, он описывал глубокий кризис европейской цивилизации. По оценке Струве, в культуре неразрывно связаны различные сферы человеческой деятельности: экономика и поэзия, юриспруденция и живопись и т. д. Это целостная система, которая находит свое наиболее емкое выражение в бытовых проявлениях, так как повседневная жизнь «соткана» из экономических реалий, правовых норм, проявлений «высокой культуры» и т. д. [31, с.391–392]. По этой причине невозможно произвести изменения в одной

П.Б.Струве

области, не коснувшись другой; например, нарушить хозяйственный уклад жизни, сохранив неизблемыми правовые нормы. Так, «юридической формой "буржуазного общества" является современная демократия, то есть народоправство, которое, в отличие от античного, опирается на гражданские и политические свободы. Разрушение всерьез "буржуазного общества" означает – как это показал пример России – разрушение демократии до самого корня» [30, с.557].

По мнению Струве, культура, а не демократия была самоценностью. Единство культурного процесса предполагает относительность категориального аппарата таких наук, как экономика, юриспруденция, социология и др. Выделяя какую-то особую сферу знания, исследователь совершает насилие над природой. Следовательно, научные достижения можно осознать не в условных границах той или иной дисциплины, а примеряя их к потребностям и задачам жизни. Безусловные же ценности – те начала, вокруг которых складывается любая культура: **личность и нация**. Следовательно, когда есть угроза правам личности или же существованию нации, можно пожертвовать многим, например демократическим строем. «Говоря о демократии, я хотел подчеркнуть, что

осуществление строя народовластия или народоправства логически и реально может ставить проблему извращения свободы... верховной властью державного народа и что поэтому идея народовластия должна быть ограничиваема идеей суверенитета права; осуществление же этой идеи может влечь за собой разрывы общего "демократического" права в виде "исключительных положений", "диктатуры" и т.п. государственно-правовых фигур, оправдание которых заключается не в замене абсолютизма или безграничного суверенитета одной власти абсолютизмом другой, а в ограждении суверенитета права от суверенитета "государства" или "народа", в поставлении первого выше второго». По этой причине Струве не отрицал необходимость диктатуры в тех случаях, когда вставал вопрос об ограждении личности от произвола со стороны господствующего большинства [30; с.587]. Раньше такого рода дилеммы не вставали перед Струве. Теперь, по окончании Первой мировой войны, наступило время переосмысления прежних политических догматов.

Государство и демократия

Спор о совершенной форме правления, начавшийся в глубокой древности, никогда не заканчивался. В силу этой причины тексты Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Полибия, Цицерона и др. остаются актуальными и по сей день, а их авторы – нашими собеседниками, способными удивлять и современного читателя. В рассматриваемой ими проблематике сокрыто противоречие, благодаря которому едва ли возможно единственно правильное и всеми признанное решение вопроса об идеальном политическом устройстве. Об этом красноречиво писал С.Л.Франк: «Власть должна быть построена на единстве... двух начал: она должна сочетать начала мистического сверхвременного единства общества с действием интересов и требований текущего времени, со свободным общественным самоопределением» [35, с.132]. Соединить мистику и прагматику – задача непосильная, подобная квадратуре круга. Однако за нее взялись многие мыслители Русского Зарубежья, зачастую утратившие прежние идеалы и не всегда обретшие новые.

В 1920-е гг. на глазах современников менялся государственный уклад во всех европейских странах. На сцену врвался «массовый человек». Его можно было считать ошибкой, случайным гостем, а можно – знаком быстро менявшегося времени. Для этого следовало отрешиться от стереотипов недавно завершившейся эпохи. Это подразумевало известную интеллектуальную храбрость, вполне естественную у многих

представителей Русского Зарубежья. В связи с этим особое место принадлежало одному из самых видных представителей партии кадетов В.А.Маклакову. Его всегда отличала независимость суждений, отсутствие какого-либо догматизма и прагматизм: т.е. способность рассматривать политику как «искусство возможного», часто очень далекого от идеала. Интеллектуальные построения Маклакова – не «закрытая система»: они изначально были предрасположены к диалогу. Как писал он сам, «нет никого абсолютно неправого. Мир состоит из антиномий, т.е. тех противоречий, которые нельзя уничтожить, но должно примирить. Ведь все противоречиво: свобода и равенство, личность и государство, "власть" и "подчинение" и т. д. Все противоречит друг другу и все необходимо друг другу; надо размежевывать их компетенцию, их примирять, а не подчинять одно другому» [27, т.3, с.542].

В текстах Маклакова узнается тональность, характерная еще для Т.Гоббса. По мнению Маклакова, ключевая задача государства, оправдывающая его существование, – поставить пределы звериному началу в человеке. Маклаков жестко разводил понятия «либерализм» и «демократия». Торжествующее большинство с неизбежностью нарушало права отдельной личности, т.к. оно не было способно к правовому самоограничению. Ситуация отягчалась тем, что к началу XX в. в обществе возникла иллюзия, что достижение «высшей справедливости» возможно лишь при установлении власти большинства. «Но справедливость не непременно там, где желает видеть ее большинство. У нее самостоятельная природа, от воли большинства не зависящая. Справедливость и большинство могут совпадать, но могут и расходиться. Заменить искание справедливости подчинением большинству – значит поклоняться другому кумиру, гоняться за теми болотными огоньками, которые сбивают с дороги заблудившихся путников» [13, с.400–401]. Реализацию принципа справедливости Маклаков видел не в победе большинства, а в уважении прав меньшинства, в терпимости, в способности понять «другого». «Будущее сокрыто от нас; никто поручиться не может, что в мире будет господствовать справедливость. Но для человеческой природы мир на земле возможен только на этих началах. В постепенном приближении к ним состоит назначение государства, а может быть, и всемирного государства» [13, с.406].

В сложившихся обстоятельствах подобный политический идеал едва ли мог быть реализован. Возрастающая роль масс поставила перед властью новые задачи: для того, чтобы государство могло управлять ситуацией, оно должно было идти во главе толпы. «На обязанность государства было возложено не охранять права личности и ее самостоятель-

ность, а принудительно осуществлять справедливость в общественных отношениях. Здесь был уже зародыш будущего коммунизма, но к нему вели те, которые его всего больше боялись» [27, т.3, с.99]. В качестве примера Маклаков приводил фабричное законодательство. Власть в европейских государствах не могла не пойти на ограничение прав работодателя, чтобы не дискредитировать само понятие права. Однако тем самым она совершала неправоподобный акт и разрушала нормативную базу существования государства. «На сцене появилось новое учение об обязанностях государства защищать бедных против богатых, а затем совершенно последовательно и о том, что именно бедные должны быть сами государственной властью» [27, т.3, с.99]. Подобные тенденции лишь усилились после Первой мировой войны, когда свойственный либеральному мироощущению индивидуализм вступил в противоречие с требованиями момента. Наступило время масс, требовавших дальнейшей демократизации политических институтов. Однако революционная демократия всюду, где она пришла к власти, потерпела фиаско, доказав тем самым свою неспособность к государственному управлению. «Но, с другой стороны, если провалились их претензии на управление, то не провалилась та государственная идеология, которой они были неумелыми выразителями; не воскрес и не воскреснет старый либерализм; всем стало ясно, что он есть то понимание, которое годится только в определенных условиях» [27, т.3, с.100]. Оставался лишь вопрос, кто воспользуется сложившимся к тому моменту настроением масс, кто поведет за собой толпу. В любом случае речь шла об установлении диктатуры меньшинства во имя сохранения относительной социальной и экономической стабильности.

Тогда же и на те же вопросы отвечал патриарх партии кадетов И.И.Петрункевич. На его глазах разворачивалась многолетняя эволюция русского либерализма. Теперь же ему приходилось констатировать крушение многих идеалов и несбыточность прежних надежд. Исторический опыт России вынуждал подвергнуть ревизии многое из того, что прежде даже не ставилось под сомнение. Прежде всего, пришлось умерить свой демократизм. Массовые движения представлялись Петрункевичу угрозой современному правовому государству в странах Западной Европы, так как ценности большинства населения были чрезвычайно далеки от идеалов, декларируемых европейскими интеллектуалами. Существовавшая пропасть заставляла правительства контролировать народные массы, «понятия которых еще не поднимаются выше классовых интересов» [22, л.8]. Петрункевич предсказывал, что со временем роль масс будет только расти – вместе с тем будет возрастать угроза

правовому режиму Европы. Соответственно, власть будет вынуждена искать более изощренные способы контроля над обществом, чтобы события не развивались «по русскому плану» [21, л.231].

Так, большие опасения Петрункевича вызывали рабочие стачки, по отношению к которым он считал возможным использовать силу. «Решится ли правительство А.Мильерана (председателя Совета министров Франции с января по сентябрь 1920. – *К.С.*) и парламент на единственное средство, которое одно может установить принцип несовместимости существования рядом с государством никакой силы, обладающей фактически более сильную властью, чем власть правительства», – писал Петрункевич М.М.Винаверу [21, л.70]. Петрункевич считал возможным вообще запретить стачки. Он понимал, что тем самым могли быть нарушены права рабочего. Но, жертвуя частным, можно сохранить целое – жертвуя одним из прав человека, можно сохранить правовое государство. «Как ни сложен этот вопрос... но все же запрещение правительством таких стачек необходимо, чтобы спасти государственную власть... Иначе революционное движение во Франции – вопрос ближайшего времени» [21, л.70].

Если европейский либерализм неуклонно смещался «влево», сближаясь с социалистическим движением, русская общественная мысль под влиянием недавних событий в России совершала обратную эволюцию. Подобно классикам либеральной мысли – А.Токвилю, Б.Констану, – она теперь не ставила равенства между ценностями правового государства и демократией. Эгалитаризм русских либералов начала XX в. сменялся страхом перед охлократией, перед всепобеждающей массой. В этом ряду фигура Петрункевича – одна из многих. А.И.Гучков разъяснял Р.Б.Гулю, что в формуле «все для народа, все через народ» он принимал лишь первую часть и не доверился бы народу как субъекту истории [5, с.61].

В годы эмиграции многих удивил неожиданной разворот политической философии П.И.Новгородцева. Как-то, рассказывая о своих взглядах, он выдвинул формулу: «Цезарь, благославляемый патриархом и церковью на восстановление государственности и национальной державности». И при этом добавлял: «Что ж, если это кадетские идеи, то останемся кадетами» [24, с.299]. Юрист, рационалист хотя бы по роду своих занятий, он становится православным мыслителем и славянофилом. В статье «О своеобразных элементах русской философии права» П.И.Новгородцев, не скрывая своих симпатий, писал: «Когда первые славянофилы, непосредственно чувствуя истину русской идеи, выступили против односторонности западного идеала, они не могли предвидеть, что близко то время, когда на Западе с полной ясностью обнаружится непрочность утопии обустройства сообразно разуму и осуществления

рая на земле. Теперь этот крах западного идеала, являющийся одновременно и крахом всех основ западноевропейской культуры, есть факт, и этот факт, как я отметил уже выше, составляет в связи с углублением и одухотворением славянофильства новый и в высшей степени важный момент в утверждении русской идеи» [18, с.374–375]. Конечно, Новгородцев сильно изменился в последние годы. Тем не менее любая эволюция идей органична судьбе мыслителя. Консерватизм П.Б.Струве вполне естествен, если вспомнить начальную точку развития этого мыслителя, а также характерные черты философствования на самых разных этапах его интеллектуальной биографии. Точно так же и метаморфоза Новгородцева была вполне органична для того, кто долгие годы обосновывал теорию естественного права, возводящего конкретные законодательные нормы к абсолютным истинам и ценностям.

Многие представители Русского Зарубежья делали выбор в пользу сильной державной (а возможно и самодержавной) власти, видя в демократии прямую ей угрозу. Один из теоретиков евразийства Н.С.Трубецкой прославлял царский трон, венчавший бытовое единство русского народа. Лишь необдуманные петровские преобразования нарушили естественную связь между верховной властью и ее подданными, что в конечном итоге и привело к революции [32, с.300–304, 317–318]. По мнению Трубецкого, любая российская власть была наследницей Чингисхана, что с неизбежностью предопределяло ее характер [32; с.328]. Демократический строй, «обычно соединяющийся с плутократическим», симпатий Трубецкого не вызывал [32, с.443]. Он не был столь наивен, чтобы ожидать возрождения аристократизма «старого порядка», а надеялся на победившую идеократию. Ее элементы Трубецкой находил и в Советском Союзе, и в фашистской Италии [32, с.445–447]. Схожим образом оценивали ситуацию и прочие евразийцы [11; с.145–147]⁴. Сторонником авторитарной власти в будущей России был И.А.Ильин [12, с.321]. «Не может и не

И.А.Ильин

⁴ При этом следует иметь в виду, что ни евразийцы, ни близкие к ним «сменовеховцы» не пользовались большой популярностью в эмигрантской среде. Этим вопросом задавался Р.Б.Гуль: «Как же отнеслась русская политическая эмиграция к евразийцам и сменовеховцам? В подавляющем большинстве резко отрицательно. В особенности к сменовеховцам, призывавшим к возвращению на родину. И лидеры русского либерализма П.Н.Милуков (левого крыла) и В.А.Маклаков (правого крыла), и лидер русского меньшевизма Ф.И.Дан, и все социалисты-революционеры – все отнесли к "Смене вех" непримиримо» [4; с.225].

должно быть вообще двух или трех первоисточников власти. Власть принадлежит главе государства, возглавляющему (лично или через своего представителя) всякую коллегия – законодательную, судебную, исполнительную, воинскую» [7, с.499].

В бурлящем море народной стихии сильная государственная власть смотрелась едва ли не единственной точкой опоры, с которой можно было бы начать воссоздание социального порядка. Маклаков полагал, что укрепление государственных институтов, торжество этатизма неизбежно. При этом большое значение имело, какие в итоге оно примет формы. Существовало несколько вариантов. Во-первых, это социализм, создававший лишь иллюзию революционной демократии, а на самом деле установивший жесточайший контроль правящих верхов над населением страны. Во-вторых, фашизм, культивировавший насилие и служивший господствующему меньшинству инструментом для подавления широких масс. В-третьих, это псевдолиберальное европейское государство, проводившее умеренную социалистическую программу. «Это социалистическая идеология. Только приемы будут другие, неревволюционные... Вместо уничтожения частных предпринимателей будет приобщение рабочих к их прибылям; вместо конфискации капиталов будет прогрессивное обложение доходов и т.п... Задачей государственной власти впредь будет осуществление солидарной деятельности национального организма» [27, т.3, с.103]. Маклаков считал такое решение вопроса оптимальным в сложившихся обстоятельствах, так как оно обеспечивало относительный социальный мир.

Европейское государство, сохранившее традиционные демократические институты, эволюционировало в сторону все большего народовластия. По мнению Маклакова, это происходило слишком быстро: подавляющее число европейцев не было подготовлено к участию в процессе выработки политических решений. Для того чтобы упредить возможные негативные последствия демократизации государства, Маклаков предлагал изменить электоральную систему. Необходимо было «такое изменение политического строя, при котором не торжествовала бы демагогия, т.е. не управляло бы глупое и невежественное большинство» [27, т.3, с.320]. При этом реформа должна быть проведена так, чтобы большинство не почувствовало себя ущемленным в политических правах. Решение этой проблемы Маклаков видел в учреждении многоступенчатости выборов при сохранении всеобщего избирательного права. В качестве положительного примера подобной организации представительного учреждения Маклаков называл советы в СССР. На самом низовом

уровне задачи, стоящие перед коллективом, очевидны и конкретны. Следовательно, предвыборная демагогия там не имеет никакой почвы. Большие коллективы, наоборот, лишены какой-либо осязаемой цели, поэтому они легко могут быть сагитированы ловкими политиками. Избрание выборщика в рамках мелкой самоуправляющейся единицы заметно упрощает задачу обывателю, сводя ее к отбору лучшего среди соседей. «Хорошую сторону этой системы я вижу в том, во-первых, что она не отвергает принципа всеобщего избирательного права, но отводит ему надлежащее место, т.е. для тех вопросов, которые его пониманию доступны. Во-вторых, что избирательную борьбу... она сосредоточивает не в многочисленных коллегиях, но и в сфере общих узких вопросов; ведь решается только одно: кто лучше представит в высшей ячейке интересы той, которая сейчас выбирает. Интересы растут и ширятся по мере того, как мы поднимаемся вверх, но зато в этой же мере и является все большая и большая сознательность выбора и, главное, усиленная степень отбора» [27, т.3, с.324–325].

Свой проект преобразования политического режима современных европейских стран предложил историк, публицист Г.П.Федотов. Он не был удовлетворен политической системой западноевропейской демократии, как чуждой христианскому миропониманию и принципам народовластия. Сложившаяся модель демократического управления была основана на «механической системе, построенной на числе и равенстве социальных атомов». В этом случае государственный аппарат был вынужден воспроизводить волю большинства. Подобная система способствовала обезличиванию власти, так как она умаляла свободу творчества государственных деятелей. А «когда демократия перестает быть формой отбора природных вождей, это свидетельствует о ее болезни...» [34, т.3, с.140]⁵. Кроме того, избиратель не может постоянно контролировать действия своего избранника. Соответственно, возникают партии, предлагающие программу гражданам страны, своего рода заявление о намерениях, которое определяет вектор законотворческой деятельности будущего депутата. Однако эти документы не внушают доверия далеким от профессиональной политики обывателям. «Для сегодняшнего дня, – утверждал Федотов, – бесспорно: народ не доверяет кандидату партии, который выступает перед ним с демагогическими обещаниями и с плохо прикрытыми лично-карьерными интересами» [34, т.4, с.36].

⁵ Впрочем, это был не единственно возможный взгляд на «вождизм». Н.А.Бердяев видел в утверждении этого принципа явственный признак упадка культуры [2; с.323].

Следствием партийной системы Федотов считал возникновение пропасти между властью и обществом. Как утверждал он в статье «Наша демократия», в результате господства партий парламент, сформированный на основе всеобщего голосования, «может вовсе не пользоваться доверием страны – быть одинаково противным большинству граждан, которые, обманутые посредством партий, не видят в нем собрания своих избранных».

Положение возможно было изменить к лучшему, обратив демократию к ее христианским истокам. В качестве положительных примеров Г.П.Федотов приводил ветхозаветную общину эпохи судий, иерусалимскую общину в новозаветные времена и «православные демократии» Новгорода, Пскова, Вятки эпохи русского средневековья. Их преимущество перед западноевропейскими демократиями XX в. заключалось в удачном сочетании соборного начала единства всех граждан и личного, олицетворяемого политическими и духовными вождями. Институты народной демократии выдвигали пророков, вождей, которые должны были находить ясное выражение смутным чаяниям соплеменников. По мнению же Федотова, в гармоничных отношениях вождя и народа – залог реализации принципа народного суверенитета, «разливающегося суверенитета между всеми личностями, составляющими народ... Порок монархических и аристократических обществ состоит именно в обезличении власти, отвлечении ее от личного дара. Смысл и призвание демократии – в освобождении личной харизмы власти, а вовсе не в ее обезглавливании и растворении в коллективе» [34, т.3, с.139]. По словам Федотова, царская власть, освященная Божественным призванием, не упраздняется демократией, а лишь принимает иную форму. «Кто же является в христианской демократии носителем харизмы власти? И весь народ (Израиль), и каждый гражданин, носитель царственного священства, и выдвигаемые народом вожди (судии)». Иными словами, «царственное священство», разливавшееся благодатью по всему народу, наиболее отчетливо являло себя в лице избранных вождей. Выдвигая аргументы в пользу такой модели взаимодействия власти и общества, Г.П.Федотов во многом воспроизводил логику славянофилов. Православная демократия, по его мнению, должна основываться на принципе соборности, которая бы исключала антагонизм господствующих и подвластных: «Идеал соборности есть организм любви по образцу идеального семейного или дружеского общения, где повинующиеся повинуются свободно, где властвующие не властвуют, но служат всем и находят основу своего существования в общем признании» [34, т.3, с.140].

В этом случае сильная власть правителя не входит в противоречие с принципом свободы, так как это государство зиждется на солидарности граждан, а не на подавлении одной группы населения другой.

Федотов предлагал конкретные пути реализации этого идеала. Во-первых, следовало изменить способ формирования представительных учреждений. Ему представлялось необходимым отказаться от выборов как борьбы партий и избирательных блоков. Партийные программы и установки не должны связывать депутатов и лишать их свободы действий. Политика же требует именно свободы творчества. По утверждению Федотова, «народная воля не дана непосредственно. В наличии имеется лишь хаос противоречивых мнений и интересов. Построить политический порядок из этого хаоса есть творческая задача, выходящая далеко за пределы компромисса» [34, т.3, с.160]. С этой точки зрения, подсчет голосов, поданных в пользу той или иной партийной программы, не является путем решения политических, административных, хозяйственных вопросов. Соответственно, искомое решение не может быть предзаданным: оно должно быть найдено в результате творческого поиска представителей власти. Из этого вытекает, что «способность переубеждаться, готовность к отказу от всех своих привычных идей и предрассудков должна быть первой добродетелью народного избранника». Избиратели же должны посылать депутата не как представителя партии, а как человека высоких моральных качеств и интеллектуальных способностей: «...Выборы на основе личной годности осуществимы лишь в узких группах, связанных общностью жизни и работы, т.е. всего естественнее в группах профессиональных» [34, т.3, с.161].

Исполнительной власти также следует обладать известной свободой творчества. Поэтому она должна лишь в минимальной степени зависеть от законодателей, давая им отчет в своих действиях лишь по прошествии значительного времени с начала срока ее полномочий. Федотов полагал, что «современный американский президент или римский консул всего более удовлетворяют идеалу сильной демократической власти» [34, т.3, с.162]. При этом глава исполнительной власти необязательно должен избираться на общенародных выборах: он может быть избран и законодательным собранием. Степень участия масс должна определяться лишь степенью их политической сознательности.

Позиция Федотова вполне перекликалась с точкой зрения Маклакова. Тот тоже считал необходимым реформировать и политическую систему европейских государств. Лучший думский оратор, один из самых видных отечественных парламентариев был принципиальным против-

ником парламентаризма, считая недопустимым регулярное вмешательство депутатов в дело государственного управления. По его мнению, правительство должно обладать известной независимостью, чтобы оно было способным выработать собственную целостную концепцию политического курса и ее планомерно реализовывать. «Усиленная правительственная власть, черпающая свои полномочия из назначения, а не из выборов, а наряду с ней независимые представительные собрания, перед которыми в известный момент эта власть обязана отчетом, – вот те основные черты, в которых я мыслю политическое устройство современных государств» [27, т.3, с.325]. В этом случае сильная, авторитетная исполнительная власть была бы ограничена лишь правом законодателей выразить ей свое недоверие и передать бразды правления противоположной партии.

Однако сильная исполнительная власть была необходима именно для того, чтобы избежать деспотизма, нависшего над всей Европой. Соответственно, и она сама ни в коем случае не должна была перерасти в тиранию, которая губительна едва ли не в большей степени, нежели торжествующее большинство. В связи с этим Маклаков вспоминал опыт Советской России. Он заключался в установлении тотального господства государства над всеми сферами частной жизни. Маклаков констатировал «создание такой деспотической власти, которая еще почти не существовала или бывала только в теократических государствах. Но так как никакой теократической идеологии сейчас нет, то эта деспотическая власть будет действовать во имя народа, во имя трудящегося народа, во имя социального равенства. Будут рабы, работающие на государство, и будут чиновники, т.е. агенты этого государства и этих рабов» [27, т.3, с.480]. По словам Маклакова, этот социально-политический режим был бы тем более успешен, чем более эффективный репрессивный аппарат находился в его распоряжении для поддержания деспотической власти, для контроля над всеми сферами человеческой жизни. Однако он в любом случае был обречен на фиаско по причине своей крайней архаичности и отсутствия значительного культурного потенциала. «Если государство... захочет национализировать культуру, как национализировало имущества, захочет исправлять и направлять духовное творчество своих подданных, заставит его служить своим государственным целям, то эта та хула на Духа Святого, которая ему не простится... На службе у государства останутся уроды и карикатуры, а истинная культура уходит в подполье, мстит государству насмешками, бежит из страны или просто-напросто гибнет. И горе государству, которое будет считать эту гибель

свою победой» [14, с.489]. Трагедия России заключалась в том, что под «руинами» нового деспотизма была бы погребена ее государственность. В условиях дезорганизации и тотального обнищания распад страны был бы неизбежен, и едва ли в скором будущем она могла бы возродиться. Причем этот исход был в значительной мере предопределен всем течением российской истории.

Политические эксперименты 1920-х гг. порой стирали грань между демократией и деспотией. Диктатор нередко прибегал к демократической риторике и иногда обосновал свое всевластие результатами последних всеобщих выборов. При таких обстоятельствах оправдывать демократию становилось все сложнее. Это требовало своего рода интеллектуального мужества, которое было не занимать Ф.А.Степуну. Он подвергал критике как раз популярную в 1920–1930-х гг. антидемократическую риторку многих европейских мыслителей. Они утверждали, что демократии свойствен формализм. Степун не соглашался, усматривая в этом тавтологию: формализм демократии можно усмотреть лишь в том, что она привержена форме народовластия. Кроме того, «ведь не только формальное право голоса предоставляет демократия каждому человеку, но и право существенной речи, т.е. очень существенное право свободной защиты своих конкретных идеалов – личных, национальных и религиозных».

Ф.А.Степун

Противники народовластия считали, что современный политический строй западноевропейских государств устанавливал приоритет количества над качеством. Ф.А.Степун считал это утверждение голословным: «Ведь предоставлением каждому гражданину права голоса демократия ни в одном человеке не убивает и не отнимает ни одного из его качеств». Помимо этого, количество голосов, поданных за то или иное решение, является критерием его полезности. Авторитарные режимы такой экспертизы своих постановлений не знают. «Как бы мало демократический подсчет голосов ни интересовался качествами граждан, он во всяком случае интересуется ими больше, чем всякий антидемократический строй, не желающий считаться со своими подданными в качестве вполне определенных политических волей».

Наконец, критики демократии обвиняли ее в рационализме и игнорировании иррациональных сил истории. По мнению Ф.А.Степуна, эта точка зрения, строго разводившая крайности в разные стороны, страдала известным формализмом. «Все наиболее иррациональные содержания человеческого духа, поскольку они творчески проявлялись, проявлялись всегда в очень строгих, часто насквозь рационализированных формах. В философии величайшие мистики – Николай Кузанский и Гегель – были одновременно и величайшими рационалистами. Кант формулировал смысл своей рационалистической гносеологии как отстранение знания с путей веры. Наиболее иррациональное из всех искусств – музыка – наиболее глубоко проникнута началом наиболее рациональной из всех наук – математикой. Но если так, то почему бы и в формах демократического рационализма не властвовать над человеческой жизнью иррациональным историческим силам?» [28, с.186–187]

Впрочем, демократия в понимании Степуна – нечто совершенно особенное, далекое от политических реалий 1920–1930-х гг. Так, он верил в возможность христианского переосмысления политических форм демократии. «Существо демократической веры – в *утверждении человеческого лица*. Все остальное – только выводы из этого утверждения и его политические проекции. Утверждение человеческого лица вне Бога и вне нации – невозможно. *Только в нации лицо человека конкретно и только в Боге оно священо*. Всякий демократизм по существу и национален, и религиозен» [28, с.185]. Причем этот подход вовсе не означал учреждение теократической формы правления или же придание этическим нормам религии характера правовых установлений. Ф.А.Степун настаивал лишь на том, что христианство должно стать определяющим контекстом политической практики. «Все нормы христианской политики сводятся таким образом к заботе о том, чтобы по возможности все зло, которое действительно неизбежно в политической сфере, творилось бы христианскими руками и бралось бы христианами на свою ответственность и совесть, т.е. превращалось бы из бесчеловечного зла в человеческий грех» [28, с.407]. При этом возрождение в политике понятия греха имело бы и сугубо практические последствия. «Если бы все участники мировой войны и вырвавшейся из ее недр революции расстреливали бы своих ближних в окопах и на баррикадах в тяжком сознании, что, исполняя свой гражданский долг, они губят свою христианскую душу, то ни мировая война, ни в особенности большевицкая перелицовка мира не достигли бы тех чудовищных размеров, которых они достигли... Весь ужас нашего положения в том, что история

выдвинула в качестве властителей и руководителей мира совершенно особую породу людей: смелых, волевых, страстных, умных и злых, но нравственно предельно страшных, ибо совершенно бескорбных...» [28, с.403].

Демократический проект имел какой-либо смысл лишь в случае возвращения европейского общества к христианским истокам. «...Сущность гуманизма, вопреки Н.А.Бердяеву, конечно, не в безбожном самоутверждении человека, что было бы непонятным отступничеством Бога от Сыновей своих, а в Божьем утверждении свободного человека как религиозной основы истории. Демократия – не что иное, как политическая проекция этой верховной гуманистической веры четырех последних веков. Вместе со всей культурой гуманизма она утверждает лицо человека как верховную ценность жизни и форму автономии как форму богопослушного делания. Всякое отрицание демократии есть потому в последнем счете не что иное, как отрицание исторических основ изживаемой нами эпохи» [28, с.187].

Ф.А.Степун беспощадно критиковал либеральный парламентаризм. В.А.Маклаков предлагал организовать политическую систему демократического государства на основе принципов, в соответствии с которыми существовали акционерные компании, предоставлявшие почти неограниченные полномочия своим исполнительным учреждениям [27, т.3, с.320, 324–325]. Схожую точку зрения разделял Г.П.Федотов. Эти идеи созвучны популярной в те годы концепции создания корпоративного государства, автором которой был Б.Муссолини. Не случайно, М.В.Вишняк обвинял Федотова в «полуфашистских» настроениях [29, с.759]. Это несправедливое утверждение оправдано лишь тем, что европейская мысль разных идеологических направлений 1930–1940-х гг. отвечала на одни вызовы времени. Важнейший из них – очевидный кризис институтов традиционной демократии. Признание этого факта требовало каких-либо ответных действий. И если одни (в т. ч. и Б.Муссолини) предлагали демонтировать демократические учреждения, то Г.П.Федотов искал возможность их спасти.

Мысль о том, что демократические институты не соответствуют той изначальной задаче, которая перед ними стояла, в начале XX столетия находила все большее распространение в европейском интеллектуальном пространстве. Причем с этих позиций выступали отнюдь не только убежденные консерваторы и левые радикалы, для которых парламентские формы правления были в принципе неприемлемы. «Партийную олигархию» критиковал русский правовед М.Я.Острогорский [20] и

немецкий – Р.Михельс. Теорию элит обосновали итальянцы Г.Моска и В.Парето [25, с.5–37]. Американский политический мыслитель Дж.Брайс положил немало усилий во имя демифологизации институтов демократии США [17, с.110]. Выводы этих авторов были неутешительны: демократии как собственно власти народа в европейских и североамериканских странах нет. Исходя из этого, одни авторы (М.Я.Острогорский) настаивали на необходимости реформирования сложившейся партийной системы, другие (Г.Моска, В.Парето) констатировали неизменность существовавшего порядка, который исключал установления истинного народовластия. П.И.Новгородцев находил принципиально иное решение. Он примирял идеал и его практическое воплощение. Само представление о том, какова должна быть «истинная» демократия, есть фактор реальной политики, который определяет вектор развития государственных институтов. Общественный идеал демократии есть «высшая реальность», поскольку в него искренне верят. В сущности, это вариант платоновской идеи, которая существует независимо от своих отражений на земле [17, с.157].

Империя или нация

Имперская проблематика – одна из наиболее модных и востребованных в современной историографии. В значительной мере это обусловлено событиями начала 1990-х гг. и, пре-

жде всего, распадом Советского Союза. Как раз в связи с этим встали вопросы об определении и типологизации империи, о соотношении имперского и национального [1; 3; 9; 15; 38]. Схожие проблемы, может быть даже в большей степени, волновали публицистов 1920-х гг., которые писали на обломках больших европейских империй, совсем недавно канувших в Лету. Они могли критиковать имперское прошлое, могли восхищаться им, однако в любом случае признавали за ним масштаб и величие. Оно восхищало своей хитроумной сложностью. Говоря словами К.Н.Леонтьева, сменившие империи национальные государства смотрелись продуктами «вторичного упрощения».

Для публицистов Русского Зарубежья имперская проблематика приобретала особую остроту. Вместе с империей они потеряли страну. Возникал вопрос: это вина империи или ее судьба? По мнению В.А.Маклакова, проблема была в том, что в начале XX столетия не был соблюден баланс между правами империи и человека. В момент торже-

ства государственной власти о человеке забывали: он становился статистической единицей или пушечным «мясом» – в зависимости от обстоятельств. Человек сопротивлялся, сила недовольства постепенно росла, что в итоге приводило к крушению государственности. Вот тогда забывали о правах империи, следствием чего стало рассыпание России в 1917 г. [23, с.65–66]. Конечно, любое государство так или иначе основывается на подавлении и принуждении [23, с.615]. В связи с этим особое значение приобретают чувство меры властей и признаваемое всеми целеполагание государственного общежития.

По мнению П.П.Муратова, уникальность Российской империи заключалась в том, что она была органическим наднациональным образованием, поднявшимся выше любых этнических перегородок. «Что же

П.П.Муратов

касается нас, русских, то для нас ясно одно – к Руси, к Московии мы никогда не вернемся, мы или погибнем окончательно или вернемся к России. Ведь даже под большевиками наша страна по общей структуре осталась ближе к имперской России, нежели к какому угодно национальному государству». Скрепляющим элементом русской государственности служила русская культура как общеимперская. Именно поэтому Муратов негативно оценивал опыт советского государственного строительства, в ходе которого возникали национальные республики и автономии. Насаждая на окраинах России местную национальную культуру в качестве государст-

венной, большевики, равнодушные к проблемам духовной жизни, разрушали единое общеимперское пространство. Это также, по его мнению, провоцировало национальные меньшинства к сепаратизму, который бы имел непоправимые последствия, «ибо смена советского государства рядом национально-этнических государств (включающих и русское государство) означала бы окончательную гибель России, означала бы гибель того, что было всего дороже в России, – ее имперской культуры, ее мирового духа» [16, с.176–177]. С точки зрения Муратова, кризис Российской империи приобрел острые формы как раз тогда, когда имперское начало стало подменяться узконациональными принципами – а

именно в эпоху Александра III с его национальной русской политикой. Государственные деятели той эпохи «не умели быть "империалистами" и стали "националистами" в самом ограниченном смысле этого слова».

Трагичность же ситуации заключалась в том, что вечно оппозиционное общество к началу XX в. было готово к восприятию обновленного русского империализма, однако «высшие сферы» не были в духовном и интеллектуальном смысле способны к исторической миссии проведения имперской политики. «...Беда в том, что недостаточно "империалистской" в смысле энергии, твердости, убежденности, даровитости была наша государственная власть, не явившая ни нового Потемкина, ни нового Суворова. Беда была в том, что за осуществление труднейшей имперской задачи взялась наша власть средствами организационно и технически отсталого национального государства. Беда была в том, что она не перестроила вовремя своей политической базы в соответствии с типом и духом Империи XX века, не поняла тех выводов, которые надо было сделать, видя хозяйственный подъем и культурный переворот начала века, – она не сделала попытки обратить на пользу России духовное перерождение русского общества» [16, с.183]. В понимании Муратова, империя – это высочайшее достижение культуры, требовавшее постоянной духовной работы для своего поддержания.

Впрочем, отношение к имперскому прошлому России могло быть различным. Среди представителей Русского Зарубежья были и его непримиримые критики: например, Г.П.Федотов. Предсказывая неизбежное падение советской власти, он настаивал на необходимости реформирования государственного устройства страны с учетом того факта, что она представляет собой сложноорганизованное многонациональное государство. Имперскую модель управления Федотов не принимал, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, в Российской империи не находила своего развития русская национальная идея; периферия государства (Малороссия, Новороссия, Кавказ) доминировала в культурном пространстве России, «заглушая» голос великоросса. «Русская классическая литература XIX века – литература черноземного края, лишь с XVI–XVII веков отвоёванного у степных кочевников. Тамбовские, пензенские, орловские поля для нас стали самыми русскими в России. Но как бедны эти места историческими воспоминаниями. Это деревянная, соломённая Русь, в ней ежегодные пожары сметают скудную память о прошлом. Здесь всего скорее исчезают старые обычаи, песни, костюмы.

Здесь нет этнографического сопротивления разлагающим модам городской цивилизации. С начала XX века литература русская бросает и черноземный край, оскудевший вместе с упадком дворянского землевладения. Выдвигается новороссийская окраина, Одесса, Крым, Кавказ, Нижнее Поволжье» [33, с.149]. Во-вторых, «для самой России насильственное продолжение имперского бытия означало бы потерю надежды на ее собственную свободу. Не может государство, существующее террором на половине своей территории, обеспечить свободу для другой. Как при московских царях самодержавие было ценой, уплаченной за экспансию, так фашизм является единственным строем, способным продлить существование каторжной империи. Конечно, ценой дальнейшего ухудшения ее культуры» [33, с.545]. В-третьих, продолжение существования империи было чревато серьезным кризисом российской государственности. Неизбежное ослабление большевистской власти, согласно прогнозам Федотова, неминуемо будет сопровождаться сепаратистскими тенденциями на окраинах, лишь временно сдвливаемых деспотической властью центра. Распад же государства вызовет экономические трудности и кровавые потрясения, в особенности на Кавказе. По мнению Федотова, в сохранении империи были заинтересованы исключительно правящие верхи, одержимые «похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабым. Этот языческий комплекс для России XIX в. означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство – пугалом для свободы народов. Потеря империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик» [33, с.341].

По мысли Г.П.Федотова, отказ от имперской модели управления отнюдь не обязательно означал распад России. Более того, Россия по самой своей природе была многонациональным государством, основанным на синтезе разнообразных культур. Ее коренная задача – перерасти имперскую форму, дабы упредить связанные с ней опасности для самого существования единого государства. «Россия – не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить друг друга гулом нестройных голосов. Для многих из нас это все еще непривычно, мы с этим не можем примириться. Если не примиримся – то есть с многоголосностью, а не с нестройностью, – то и останемся в одной Великороссии, то есть Россия существовать не

будет. Мы должны показать миру (после крушения стольких империй), что задача Империи, то есть сверхнационального государства, – разрешима. Более того – когда мир, устав от кровавого хаоса мелкоплеменной чересполосицы, встоскуется о единстве как предпосылке великой культуры, Россия должна дать образец, форму мирного сотрудничества народов, не под гнетом, а под водительством великой нации» [33, с.153].

Иными словами, отрицая империю, Федотов просто писал об особой, другой империи, только которой он и мыслил Россию. О желательных формах взаимодействия между народами в составе единого государства Федотов рассуждал в контексте проблемы отношений Великороссии и Украины. По его мнению, формированию особого украинского этноса способствовала жесткая и непродуманная политика царского правительства в XIX в. Оно игнорировало своеобразие жителей Малороссии и стремилось к их полной русификации. В результате центр украинской культуры сместился из Киева в Львов, она заметно полонизировалась и, соответственно, отдалилась от великорусского центра. Федотову представлялось невозможным не учитывать факт существования украинского этноса в XX в. По его мнению, для России было жизненно важной задачей нахождение возможности сосуществования двух народов, русского и украинского, в составе одной нации. Причем такое сосуществование не подразумевало упразднения культурных, языковых, бытовых отличий. «Наше национальное сознание, – писал Г.П.Федотов, – должно быть сложным, в соответствии со сложной проблемой новой России (примитив губителен). Это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским. Я говорю здесь, обращаясь преимущественно к великороссам. Для малороссов, или украинцев, не потерявших сознание своей русскости, эта формула получит следующий вид: малорусское, русское, российское» [33, с.151].

Сохранение государственного единства представлялось тем более важной задачей, что его исчезновение ставило под сомнение существование множества этносов и культур, которые с неизбежностью были бы поглощены соседями. «Большинство народов, населяющих Россию, как островки в русском море, не могут существовать отдельно от нее; другие, отделившись, неминуемо погибнут, поглощенные соседями. Там, где, как на Кавказе, живут десятки племен, раздираемых взаимной враждой, только справедливая рука суперарбитра может предотвратить кровавый взрыв, в котором неминуемо погибнут все ростки новой нацио-

нальной жизни, что касается Украины, то для нее роковым является соседство Польши, с которой ее связывают вековые исторические цепи. Украине объективно придется выбрать между Польшей и Россией, и отчасти от нас зависит, чтобы выбор был сделан не против старой общей родины» [33, с.150].

При этом Федотов считал необходимым возродить саму Великороссию, обладавшую прежде собственным лицом и своей историей. Для этого следовало обратиться к культурной традиции Русского Севера, который оценивался Федотовым, с одной стороны, как колыбель великорусской православной культуры, с другой, – как цивилизационная альтернатива самодержавному деспотизму Москвы. «Пусть не для нас одних, – призывал он, – Русский Север станет страной святых чудес, священной землей, подобно древней Элладе или средневековой Италии, зовущей пилигримов со всех концов земли. Для нас, русских и христиан, эта земля чудес вдвойне священна: почти каждая волость ее хранит память о подвижнике, спасавшемся в лесном безмолвии, о войне Сергиевой рати, молитвами державшей и спасавшей страдальческую Русь» [33, с.152].

Ключевая роль в возрождении национальной культуры должна была принадлежать интеллигенции, которая в ситуации утраты великорусской традиции вставала перед необходимостью конструировать национальный миф, способный придать смысл историческому существованию народа. «Наша эпоха уже не знает бессознательно-органической стихии народа. Эти источники культуры почти иссякли, эта “земля” перепахана и выпажана. И русский народ вступил в полосу рационализма, верит в книжку, в печатное слово, формирует (или уродует) свой облик с детских лет в школе, в обстановке искусственной культуры. Оттого так безмерно вырастает влияние интеллигенции (даже низшей по качеству, даже журналистики); оттого-то удаются и воплощаются в историческую жизнь новые, “умышленные”, созданные интеллигенцией народы. Интеллигенция творит эти народы, так сказать, “по памяти”: собирая, оживляя давно умершие исторические воспоминания, воскрешая этнографический быт. Если школа и газета, с одной стороны, оказываются проводниками нивелирующей, разлагающей, космополитической культуры, то они же могут служить и уже служат орудием культуры творческой, национальной. Мы должны лишь выйти из своей беспечности и взять пример с кипучей страстной работы малых народов, работы их интеллигенции, из

ничего, или почти из ничего, кующей национальные традиции» [33, с.123]⁶.

Таким образом, Россия – не данность, а предмет творческого поиска. Она нуждается в конструировании в соответствии с образом будущего, относительно которого, правда, консенсуса не было. Однако и почитатели имперского прошлого, и их оппоненты сходились в одном: Россия могла продолжить свое историческое существование, предложив собственную формулу общежития многих народностей, ее составлявших.

(окончание следует)

Библиографический список

1. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
3. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.
4. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.1. Россия в Германии. М., 2001.
5. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.2. Россия во Франции. М., 2001.
6. Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. М., 2004.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1998. Т.7.
8. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. М., 1993.
9. Котюкова Т.В. Первая мировая война и участие в ней народов Российской империи (на примере Туркестанского края) // Первая мировая война взгляд через столетие. М., 2011.
10. Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин, 1923.
11. Макаров В.Г. Евразийство // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.
12. Макаров В.Г., Репников А.В. Ильин Иван Александрович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.
13. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

---

⁶ Точно так же, как и Федотов, И.А.Ильин полагал, что нация в России – предмет будущего конструирования. При этом точки зрения мыслителей сильно различались. Федотов предусматривал необходимость переосмысления всей российской истории, чтобы найти в ней истоки христианского народовластия. Ильин же строил свой проект будущего на вере в возможность хотя бы частичной реставрации дореволюционной России [7, с.458–465].

ПРОШЛОЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

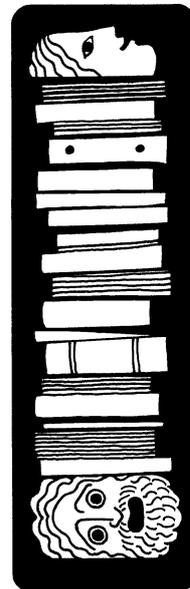
14. Маклаков В.А. Русская культура и Пушкин // Маклаков В.А. Речи судебные, думские и политические лекции, 1904 – 1926. Париж, 1949.
15. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006
16. Муратов П.П. Ночные мысли. М., 2000.
17. Новгородцев П.И. Избранные труды. М., 2010.
18. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения. М., 1995.
19. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.
20. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.
21. Письма И.И. Петрункевича М.М. Винаверу // ГА РФ. Ф.Р-5839. Оп.1. Д.45.
22. Письма И.И. Петрункевича Ф.И. Родичеву // ГА РФ. Ф.Р-5839. Оп.1. Д.50.
23. «Права человека и империи»: В.А.Маклаков – М.А.Алданов. Переписка 1929–1957 гг. М., 2015.
24. Протоколы заграничной группы Конституционно-демократической партии, 1923–1933: В 6 т. М., 1999. Т.6. Кн.2.
25. Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь, 2001.
26. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель: В 2 кн. М., 2005. Кн.1.
27. «Совершенно лично и доверительно»: Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков: Переписка, 1919–1951. М. – Стэнфорд, 2002. Т.2–3.
28. Степун Ф.А. Избранные труды. М., 2010.
29. Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000.
30. Струве П.Б. Дневник политика. М. – Париж, 2004.
31. Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999.
32. Трубецкой Н.С. Избранные труды. М., 2010.
33. Федотов Г.П. Избранные труды. М., 2010.
34. Федотов Г.П. Полное собрание сочинений. Париж, 1982–1988. Т.3–4.
35. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.
36. [Челноков М.В.] Письмо М.В.Челнокова Н.И.Астрову. 5.02.1921 // Bakhmeteff archive (BAR). Panina coll. Box.3.
37. Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха. М., 2015.
38. Nationalizing empires / ed. by A. Miller and S. Berger. Budapest – N.Y., 2014.

Чтобы отделить зерна от плевел,
нужно подождать, пока зерна
дозреют.

Лешек Кумор

Людам Запада часто трудно смириться
с существованием других сторон
света.

Лешек Кумор

Олег Захаров

**«Я ВПОЛНЕ УВЕРЕН,
ЧТО РУССКИЕ ЛЮДИ
ЖЕЛАЮТ МИРА
И БЕЗОПАСНОСТИ
НИЧУТЬ НЕ МЕНЬШЕ,
ЧЕМ МЫ, А МОЖЕТ,
ДАЖЕ И БОЛЕЕ ГОРЯЧО»¹**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
94

Статья представляет собой публикацию выступления Г.В.Вернадского на радио в США в 1946 году. Основная задача данного выступления – развеять миф о Советском Союзе, как стране-агрессоре, стремящейся к порабощению западноевропейских демократий с целью установления во всем мире коммунистического строя. В годы Холодной войны, которая к этому времени уже началась, велась активная идеологическая борьба. Американская пресса, радио внимательно следили за всеми действиями СССР и очень часто давали негативную оценку. Г.В.Вернадский подробно разбирает многие случаи таких недостовверных, как сейчас принято говорить, фейковых новостей о СССР и разоблачает их. Также он говорит о недопустимости применения политики двойных стандартов, сравнивая позиции СССР, США, Великобритании по разным вопросам.

This article is the release of Vernadsky's speech on the radio at the USA in 1946. The main purpose of this speech is to dispel the myth about the aggressive intentions of the USSR to establish the Communist regime around the world by enslaving Western Europe democracy. There already was strong ideological battle at the beginning of the Cold War period. All of the USSR actions were under the close eye of the American mass media, and were commonly followed by negative reports. G.V.Vernadsky thoroughly analyses and exposes many cases of so well known now 'fake news'. He also discusses the problem of the implementation of the double standards policy by comparing different points of view on important issues of the USSR, the USA and the Great Britain.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, образ СССР, история эмиграции.

Keywords: Russian abroad, USSR image, the history of emigration.

E-mail: zakharovoleg555@yandex.ru

¹ В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Русские постреволюционные историки-эмигранты в США и формирование ими образа России и русских в глазах американского общества» № 17-78-10242, выполненного в рамках программы Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными Российского научного фонда в 2017 году.

В 1927 году в поисках лучшей доли в США приехал русский историк, сын известного ученого В.И.Вернадского, Г.В.Вернадский [3]. Он был профессором Йельского университета и занимался активной общественной деятельностью, в том числе и во время войны.

Георгий Владимирович Вернадский родился первого сентября 1887 года в семье естествоиспытателя, будущего академика В.И.Вернадского. В 1905 г. он окончил с золотой медалью пятую классическую гимназию в Москве. В том же году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Однако в стране началась революция 1905 года, и он уехал в Германию, где учился во Фрайбургском и Берлинском университетах. В 1906 году Г.В.Вернадский возвратился в Россию и в 1910 году окончил университет с дипломом первой степени. Темой его кандидатского сочинения была «Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.». Он мог бы остаться в Москве и для приготовления к магистерскому званию, но в 1911 году из Московского университета в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А.Кассо ушли многие ученые, в том числе и его отец. В итоге вся семья Вернадских переехала в Петербург.

Г.В.Вернадский с женой

Весной 1914 года Г.В.Вернадский был принят приват-доцентом на кафедру русской истории в Петербургский университет. Там же он познакомился с американскими историками Ф.Голдером и Р.Лордом, что впоследствии помогло ему стать членом американского научного сообщества. По всей видимости, он был последним, кто успел защитить магистерскую диссертацию до Октябрьской революции 1917 года (защита прошла 22 октября). Затем он выехал в Омск, где должен был преподавать на кафедре русской истории в Омском политехническом институте. Однако из-за забастовок на железной дороге он с женой смог доехать только до Перми, где ему предложили место профессора на кафедре русской истории Пермского университета. Вскоре он должен был уехать и оттуда, т.к. им заинтересовались органы НКВД,

в первую очередь из-за членства в кадетской партии и критических отзывов об Октябрьской революции.

Вернадский уезжает в Симферополь, где занимает должность начальника печати при генерале Врангеле. В 1921 году, эмигрировав с остатками армии в Константинополь, он получает возможность отправиться в США. Ф.Голдер² предложил ему оплатить переезд до Нью-Йорка за счет средств Гуверовской организации помощи пострадавшим от войны. Вернадский согласился, но в дороге узнал о Кронштадском восстании и решил высадиться в Афинах, чтобы дождаться его результатов. По мнению некоторых ученых [1], причина является более прозаической – морская болезнь. В Афинах около года он работал преподавателем в гимназии и в библиотеке Греческой археологической ассоциации, переводя византийские источники.

В 1922 году смог переехать в Прагу благодаря «русской акции» чехословацкого правительства. Там он устроился на работу профессором юридического факультета Карлова университета, участвовал в деятельности сначала семинара под руководством Н.П.Кондакова³, а после смерти последнего, в работе Института имени Н.П.Кондакова. В Праге под влиянием П.Н.Савицкого начала складываться евразийская концепция исторического развития России Г.В.Вернадского. В связи с прекращением «русской акции» Вернадский вынужден был уехать в США в 1927 году, в 39 лет, практически не имея опыта преподавания истории России в университете. В Америке, благодаря ходатайству М.И.Ростовцева⁴, Г.В.Вернадским заинтересовался Йельский университет, который пригласил его на должность инструктора. В Нью-Хейвене он прожил до конца своих дней. В 1927 году он написал «Историю России» [9], которая получила хорошую оценку в американской исторической науке, несколько раз переиздавалась и была переведена на несколько языков. Первые занятия со студентами, согласно архивным данным, он начал вести в 1928–1929 г.г.

Это были семинарские занятия, и студентов на них было, как правило, немного, до пяти человек. С 1930–1931 учебного года начинается и лекционная деятельность Вернадского. Периодически его приглашали

---

² Профессор истории Стэнфордского университета, занимался изучением истории Сибири.

³ Н.П.Кондаков – крупный русский археолог, историк древнерусского и византийского искусства. После эмиграции жил в Праге, преподавал, вел собственный семинар.

⁴ М.И.Ростовцев – один из самых известных антиковедов своего времени. Сначала преподавал в России. Потом был вынужден эмигрировать из страны, жил в США, преподавал сначала в Висконсинском, а потом в Йельском университете.

читать лекции в другие университеты: Гарвардский, Колумбийский, Чикагский и т.д.

Одним из самых важных трудов Г.В.Вернадского является совместный проект с М.М.Карповичем, который Вернадский делал практически один. Это написание многотомной «Истории России». Проект этот писался в течение нескольких лет, но остался незавершенным из-за смерти соавтора, М.М.Карповича, в 1959 году.

В 1940-х годах Вернадский получает грант от фонда Фулбрайта, в течение года работает в Англии, где ему предлагают занять место профессора в Лондонской школе славянских и восточноевропейских исследований. Узнав об этом, Йельский университет в 1946 году присваивает

М.М.Карпович

Вернадскому звание профессора и значительно повышает заработную плату, т.к. уже университет заинтересован в том, чтобы иметь у себя историка-русиста.

В годы войны изменилось положение русистики в США. Как известно, первые попытки начать преподавание истории России в Америке были приняты еще в начале XX века. Однако в то время эта сфера истории не вызвала устойчивого интереса. Интерес к российской истории пробудился после начала Второй мировой войны и установления союзнических отношений

между СССР и США. Это совпало с деятельностью в американских университетах М.М.Карповича и Г.В.Вернадского. Они и заложили основные векторы развития американской русистики. Карпович подготовил большое количество ученых, Вернадский подготовил ряд статей и монографий, а также учебник по истории России, по которому училось несколько поколений американских историков.

Также Г.В.Вернадский в это время активно участвовал в деятельности Russian War Relief – Комитете помощи России. Эта деятельность включала чтение лекций и сбор пожертвований. Кроме того, он читал лекции солдатам, отправлявшимся в Европу, выступал на радио и т.д.

В 1958 г. ученый получает грант от American Council of Learned Societies в 10 000 долларов. Его признавали в качестве маститого исследователя и студенты, и коллеги. После смерти М.М.Карповича, некото-

рые его ученики перешли к Г.В.Вернадскому, его мнением интересовались другие историки-русисты. Умер Георгий Владимирович Вернадский в 1973 году.

Ниже публикуется стенограмма выступления Г.В.Вернадского на радио в 1946 году, которая хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) [7].

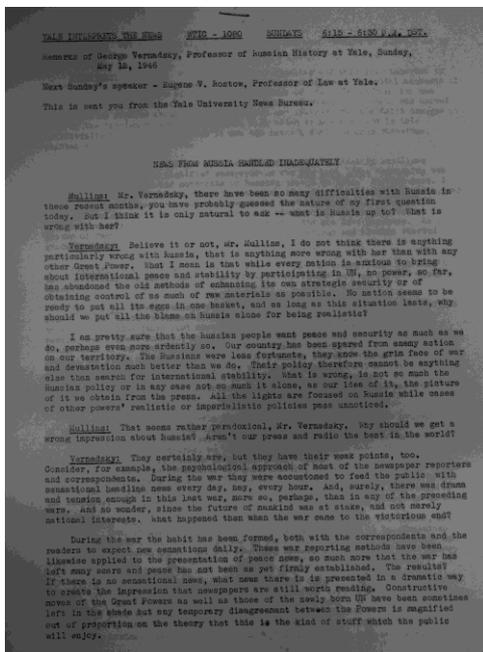
Эта сохранившаяся стенограмма имеет огромное значение для понимания образа России, выстраиваемого этим ученым в США, который транслировался довольно широкой аудиторией и был посвящен оправданию действий СССР, его

внешней политики после войны. В этом смысле выступление Вернадского находится в тесной связи с некоторыми комментариями М.М.Карповича в «Новом журнале» [4; 5; 6]. Между друзьями-эмигрантами идет острая полемика по вопросу оценки действий СССР на мировой арене, в которой они кардинально расходятся.

Карпович считает, что в послевоенных международных отношениях СССР выступает в роли агрессора, и опасается, что тоталитарный режим СССР попытается установить контроль над возможно большим количеством стран, т.е.

выступает на стороне США и европейских стран. На точку зрения Карповича, по-видимому, оказывали большое влияние американские СМИ. Настоящая публикация сделает возможным дальнейшее сравнение точек зрения ученых. Текст приведен в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Публикацию подготовил и перевел документ преподаватель Лицея НИУ «Высшая школа экономики», к.и.н. О.И.Захаров.

Оригинал 1-го листа стенограммы

«...РУССКИЕ ЛЮДИ ЖЕЛАЮТ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ...»

ЙЕЛЬ КОММЕНТИРУЕТ НОВОСТИ WTIC – 1080 ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМ 18:15–18:30⁵

Комментарии Георгия Вернадского, профессора русской истории в Йеле,
воскресенье, 18 мая 1946 г.

Гость следующего воскресенья – Евгений Ростов,
профессор права в Йеле.

Отправлено Вам ⁶ из Новостного бюро Йельского университета.

НОВОСТИ ИЗ РОССИИ ТРАКТУЮТСЯ НЕАДЕКВАТНО⁷

Муллинс: Г-н Вернадский, за последние месяцы возникало столько сложностей, связанных с Россией, что вы, возможно, уже догадались, каким будет сегодня мой первый вопрос. Мне кажется, вполне естественно спросить: что на уме у России? Что с ней не так?

Вернадский: Хотите верьте – хотите нет, г-н Муллинс, но мне не кажется, что с Россией что-то как-нибудь особенно «не так», точнее более «не так», чем с любой другой из великих держав. Я имею в виду, что, хотя все государства, конечно, стремятся к установлению мира и стабильности во всем мире, участвуя в работе ООН, однако до сих пор ни одна держава не отказалась ни от старых методов укрепления собственной стратегической безопасности, ни от утверждения контроля над возможно большим количеством сырьевых баз. Судя по всему, ни одно государство не готово сложить все яйца в одну корзину – так почему же мы только Россию обвиняем в реалистичном подходе?

Я вполне уверен, что русские люди желают мира и безопасности ничуть не меньше, чем мы, а может, даже и более горячо. Нашей стране, к счастью, не довелось встретиться с врагом на собственной территории. Русским повезло меньше, они видели оскал войны и ее опустошительное действие куда ближе, чем мы. А значит, их политика не может быть направлена ни на что, кроме международной стабильности. Что-то «не так» не столько с политикой России (или во всяком случае не только с ней), сколько с нашими представлениями о ней, с тем ее изображением, которое нам рисует пресса. Все прожекторы направлены исключительно на Россию, а поведение других держав – реалистическое или империалистическое – остается в тени.

⁵ Название еженедельной рубрики на радио.

⁶ Так в тексте. По всей видимости, Г.В.Вернадский, который очень тщательно подходил к вопросу сохранения своего архива и собирал все свои выступления, запросил в Новостном бюро Йельского университета и эту стенограмму своего выступления.

⁷ Название выступления Вернадского.

Муллинс: Звучит довольно парадоксально, г-н Вернадский. Почему это у нас неправильные представления о России? Разве наша пресса и радио не самые лучшие в мире?

Вернадский: Разумеется, самые лучшие, однако и у них тоже есть свои слабые стороны. Вспомним, например, о психологическом подходе, которого придерживается большинство газетных репортеров и корреспондентов. За время войны они привыкли каждый день – даже каждый час – кормить публику сенсационными новостными сводками. И, конечно же, эта последняя война не скупилась на драмы и держала нас в напряжении – наверное, в большем, чем все предыдущие войны. Это неудивительно: на кону оказалось будущее человечества, а не чьи-то национальные интересы. Что же произошло после того, как война подошла к победоносному концу?

За время войны как у корреспондентов, так и у читателей развилось привыкание к сенсациям, они стали ожидать сенсаций каждый день. Методы освещения этой войны оказались вполне уместными и для изложения новостей мирного времени – тем более что война оставила массу шрамов, а мир не успел уверенно утвердиться в сознании людей. Результат? В отсутствие сенсационных новостей имеющиеся новости подаются в драматическом ключе, чтобы создать ощущение, что газеты все еще стоит читать. Конструктивные шаги великих держав и новорожденной ООН⁸ порой остаются в тени, зато все временные разногласия между державами непропорционально раздуваются, потому что, согласно сегодняшней теории, именно такой материал понравится публике.

Муллинс: То есть вы полагаете, что публика была, так сказать, «застигнута врасплох»?

Вернадский: Именно. При том духе идеализма и приверженности честной игре, которыми всегда отличались американцы, если бы публика получала деловые и беспристрастные отчеты о событиях, в особенности о первых сессиях ООН, люди смогли бы сформировать собственные суждения о реальном содержании переговоров. Вместо этого публике преподносились скандальные новости о неуступчивости и злобных империалистических замыслах некоторых зарубежных держав – чаще всего России; вполне естественно, что в такой искусственно сгущенной атмосфере страсти брали верх над рассудком.

---

⁸ ООН – организация объединенных наций была создана в результате Второй мировой войны на конференции в Сан-Франциско в 1945 году.

Возьмем, к примеру, военный психоз, разыгравшийся в марте, когда даже в такой солидной газете, как «Нью-Йорк таймс», появились тревожные сводки о предполагаемой концентрации и передвижениях русских войск в Иране⁹. В данном случае, как ни неприятно мне об этом говорить, информация, а точнее, как оказалось, дезинформация, просочилась в прессу из источников, близких к Государственному департаменту. Несколькими часами позже от источников в Лондоне стало известно, что дороги, по которым якобы передвигались русские войска, были занесены снегом и в любом случае никуда не вели. На самом деле к моменту, когда вышли в свет газеты с этим сообщением, русские уже начали отвод войск из Восточного Ирана.

Муллинс: После вашего рассказа эта история видится в ином свете. Но разве те панические сообщения о России не были скорее исключением, нежели правилом?

Вернадский: Наверное, это была кульминация. Но давайте вкратце пробежимся по истории сообщений, касающихся поведения России в ООН, начиная с конференции в Сан-Франциско¹⁰, которая состоялась всего около года назад. Теперь все знают, что конференция прошла с огромным успехом, что были достигнуты очень существенные результаты и заложены основы нового мирового порядка. Россия внесла в этот успех такой же вклад, как и все остальные государства. И все же сейчас мало кто помнит ежедневные новостные сводки в прессе об этой встрече непосредственно во время ее проведения, пестревшие сообщениями о том, как Россия срывает конференцию. В газетах появлялись фантастические истории о груженном водкой русском корабле, якобы направленном в Сан-Франциско с заданием использовать спиртное для подкупа делегатов, и так далее и тому подобное.

Но, даже если оставить в стороне все эти истории, сообщения о заседаниях конференции выглядели не менее тревожно. К примеру, было выражено сильное негодование по поводу предложения России о ротации председателей конференции, т.е. о поочередном председательствовании представителей разных стран. Сейчас мы, конечно, совершенно спокойно вспоминаем, как на апрельской сессии Совета Безопасности делегат из Египта сменил на посту председателя китайского делегата, и

---

⁹ Советские и британские войска оккупировали территорию Ирана в 1941 году, чтобы не допустить ее выступления на стороне фашистов и обеспечить бесперебойные поставки по Ленд-лизу этим путем.

¹⁰ Имеется в виду учредительная конференция ООН, которая проходила с конца апреля по конец июня 1945 года. Был разработан Устав ООН.

не видим никаких причин тревожиться по поводу этой процедуры. Зато протест России против принятия в ООН Аргентины вызвал целую бурю в новостных разделах большинства газет. В этом случае мы взяли верх над русскими. И что же, есть ли у нас основания для особенной радости по поводу этого успеха?

Муллинс: Ну да, аргентинский вопрос и впрямь вылился в неприятную проблему, г-н Вернадский. На сей раз Вы, как мне кажется, вполне убедительно выступили за пересмотр роли русских в Сан-Франциско. Но как насчет Лондонской встречи ООН¹¹, прошедшей в январе–феврале? Не станете же вы говорить, что г-н Вышинский¹² продемонстрировал тогда исключительное миролюбие?

Вернадский: Разумеется, нет, но г-н Бевин¹³ тоже не был образцом учтивости. Они и в самом деле довольно зло друг на друга насканивали, но это ведь в конечном итоге их личное дело. Факт заключается в том, что Лондонская встреча тоже в целом увенчалась успехом. Если общие принципы ООН были заложены в Сан-Франциско, то практическая структура этой организации – Генеральная Ассамблея и комитеты – оформилась в Лондоне. Ну и в порядке общего замечания: вам не кажется, что мы проявляем чересчур большое нетерпение в вопросе о становлении ООН? Мы как будто забываем, что британцы строили свою демократию целых шестьсот лет. А здесь ведь речь идет не об одном государстве, а обо всех странах мира, многие из которых очень сильно различаются по своим историческим, расовым и культурным контекстам. Мы пытаемся выстроить новый миропорядок, то есть ставим перед собой задачу, по грандиозности не имеющую равных в истории.

Некоторые сердятся на русских за их активное противостояние западным державам на встречах ООН, а также за склонность к использованию права вето. Но разве право вето не внесено в Устав ООН? Мы не можем обвинять Россию в использовании законно принадлежащего ей права, не так ли? Более того, мы часто критикуем российский режим за действующий в самой России запрет на существование оппозиционных партий. Мы говорим им, что они не имеют никакого представления о

---

¹¹ Первая встреча Генеральной ассамблеи ООН в Лондоне. На конференции было представлено 51 государство.

¹² А.Я.Вышинский представлял СССР на этой конференции. После нее он займет пост замминистра иностранных дел, а потом пост министра. С 1953 года будет постоянным представителем СССР в ООН.

¹³ Э.Бевин – министр иностранных дел Великобритании с 1945 года в правительстве Эттли.

демократии. Что ж, замечательно. Но почему мы тогда злимся на Россию всякий раз, когда ее представители не соглашаются с нашими в ООН? Разве так нужно учить русских демократии и терпимости к оппозиции? Похоже, мы не готовы предоставить России тот же статус и те же права, которыми обладаем мы и Британия. Видимо, мы исходим из презумпции, что несогласие с нами есть проявление дурных манер со стороны России.

Муллинс: Возможно, вы правы, г-н Вернадский. Но разве Россия и впрямь не зарекомендовала себя как весьма несговорчивый собеседник при решении иранского вопроса? И разве ситуация, когда великая держава пытается подавить маленькую нацию, не выглядит отвратительно?

Вернадский: Я полностью согласен с Вами, что на первый взгляд, так, как это подается нашей прессой, поведение России в Иране выглядит весьма неприглядно. Но вопрос заключается в том, правильно ли у нас отражается ситуация с Ираном. И еще один вопрос: соответствует ли фасад этой ситуации ее фундаменту? На самом деле акция России в Иране была направлена не против Ирана, а против некоторых великих держав, которые использовали или потенциально могли использовать свое влияние в Иране против России. И многие из метавших громы и молнии в адрес России на самом деле переживали вовсе не из-за Ирана, а из-за возможной потери своих привилегий в Иране.

Муллинс: Ваша последняя фраза, г-н Вернадский, звучит как откровенная инсинуация. На какие привилегии вы намекаете?

Вернадский: Прежде всего, я имею в виду британскую монополию на эксплуатацию иранских нефтяных месторождений, реализуемую при посредничестве так называемой Англо-Иранской нефтяной компании. В 1932 году шах попытался аннулировать контракт с этой компанией, на что британцы немедленно отреагировали направлением военных кораблей и войск в Персидский залив. Затем было заключено новое концессионное соглашение на условиях, лишь чуть-чуть более выгодных для иранцев, нежели предыдущее. В результате влияние Англо-Иранской компании в Иране так и осталось доминирующим¹⁴.

Муллинс: Получается, что речь идет не о противостоянии Россия – Иран, а о конкуренции российских нефтяных интересов и британских нефтяных интересов.

---

¹⁴ Британия получила концессию на разработку нефтяных месторождений еще в начале XX века. Несколько позже активное участие в добыче Иранской нефти предприняли Франция и США. Попытки Ирана сыграть на противоречиях между странами ни к чему не привели.

Вернадский: Именно так, но даже это еще не вся история. Помимо нефтяных интересов есть ведь и интересы стратегической безопасности.

Муллинс: Вы же не хотите сказать, что существует опасность нападения Ирана на Россию?

Вернадский: Разумеется, нет. Но есть опасность нападения третьих держав через Иран. Знаете ли вы, что в 1918 году британцы, пройдя через Иран, захватили – пусть и на очень короткое время – Баку, главный нефтяной центр России? А что всего лишь шесть лет назад, в 1940 году, британцы и французы готовили нападение на Баку из Сирии через Иран?¹⁵

Муллинс: Не могу сказать, что я об этом знал, г-н Вернадский. Может быть, беда в том, что мы, американцы, слишком мало знаем об историческом, географическом контексте столь удаленных от нас стран, чтобы адекватно оценить запутанные события прошлого.

Вернадский: Думаю, в этом что-то есть, и хотел бы добавить, что восточноевропейская проблема, обсуждаемая сейчас в Париже министрами иностранных дел Большой четверки, не менее запутанна. В этом случае тоже давайте не будем волноваться всякий раз, когда слышим о противодействии России нашим планам, когда читаем очередные сенсационные репортажи в наших газетах. Давайте прибережем наше суждение до того времени, когда мы узнаем все факты.

Муллинс: Ваш совет звучит разумно, г-н Вернадский. Ну и, наконец, последний вопрос. Что вы скажете о прогнозах на будущее?

Вернадский: Что ж, г-н Муллинс, позвольте сказать в заключение, что ситуация, перед лицом которой сегодня оказалось человечество, по-настоящему трагична. Ученые говорят, что в относительно недалеком будущем, лет через пять–десять, атомная энергия будет использоваться в промышленности. Это означает, что не сегодня-завтра борьба за существующие источники энергии, например за нефть, уйдет в прошлое и станет бессмысленной. Будет образовано что-то вроде мирового правительства для контроля над атомной энергией в масштабах всей планеты. Мы стоим буквально на пороге века изобилия, он почти что в пределах нашей досягаемости. И разве не будет настоящей трагедией, если люди используют этот небольшой промежуток времени, отделяющий их от новой эры, не для подготовки к новым условиям, а для развязывания

---

¹⁵ В 1940 году шла русско-финская война. Франция и Великобритания оказывали всестороннюю помощь Финляндии и в том числе разрабатывали план вторжения в СССР одновременно с двух сторон – с территории Финляндии и с территории Ирана. Об этих событиях см. [2; 8].

ядерной войны, которая может разрушить всю нашу цивилизацию и отбросить остатки сегодняшних великих держав обратно в эпоху варварства? Нужно сделать все от нас зависящее для предотвращения такой трагедии. Пусть ООН создаст специальную комиссию для учета и перераспределения имеющихся сырьевых месторождений между государствами-членами, чтобы предотвратить развитие серьезных конфликтов в течение этого переходного периода мировой истории – периода, в который мы уже вступили; эта же комиссия могла бы идентифицировать и урегулировать все другие возможные причины для разногласий, но не в стиле г-на Черчилля, мобилизующего объединенный англосаксонский фронт, чтобы говорить с Россией на языке ультиматумов, а в духе равенства и сотрудничества.

Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. George Vernadsky Papers. Box 101.

Библиографический список

1. Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 721 с.
2. Дегоев В.В. Кавказ в XX веке: итоги, уроки, намеки истории // Россия XXI. 2017. №6. С.6–31.
3. Захаров О.И. Открывая Америку. М.: У Никитских ворот, 2019. 214 с.
4. Карпович М.М. Комментарии: О смысле международного кризиса // Новый журнал. 1946. Кн. 14. С.186–198.
5. Карпович М.М. Комментарии: После победы // Новый журнал. 1945. Кн.10. С.361–373.
6. Карпович М.М. Комментарии: Америка, Россия и Европа // Новый журнал. 1947. Кн.16. С.170–185.
7. Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. GeorgeVernadskyPapers. Box 101.
8. Osborn P. Operation Pike: Britain versus the Soviet Union, 1939–1941. Great Britain: Greenwood press, 2000. 279 p.
9. Vernadsky G.V. A History of Russia. New Haven: Yale University Press, 1929. 425p.

Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину.

А.П. Чехов

Не всякое продолжение есть развитие.

Бальтасар Грасиан

Рой Медведев

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПРОРЫВ?¹

УДК
323

Автор посвятил свой краткий очерк возможностям развития России в современном мире и некоторым итогам постсоветского строительства в нашей стране. По его мнению, России удалось избежать негативных последствий после распада СССР: сохранить свое единство, упрочить свое положение в международной сфере, сохранить обороноспособность. Публицист уделяет внимание экономической политике и перспективам развития РФ в этой области в обозримом времени. В очерке внешняя и внутренняя составляющая российской политики рассматриваются с точки зрения взаимодействия и противодействия отдельных сил и группировок внутри страны.

The brief essay is about Russia's opportunities for development in modern world and about some results of post-Soviet state-building in Russia. According to author, Russia managed to avoid negative consequences of the USSR collapse: it preserved the unity, strengthened its position on international scene, and maintained its defense capability. The publicist draws attention to the economic policy of the Russian Federation and to its development prospects in this field in the foreseeable future. In the essay, the external and internal components of Russian politics are investigated from the point of view of interaction and counteraction of different forces and groups within the country.

Ключевые слова: постсоветское пространство; положение в международной сфере; сохранение обороноспособности; сохранение единства; перспективы развития.

Key words: post-Soviet space; situation in the international sphere; preservation of defense capability; preservation of the unity; development prospects.

E-mail: russia21@ecc.ru

---

¹ Тезисы для доклада на научно-практическом форуме «Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения» (Москва, 5–6 июня 2019 г.).

I

Великий российский ученый Никита Моисеев писал незадолго до своей смерти в статье с выразительным наименованием «Агония»: «Я не могу быть оптимистом. Да, у нас есть шансы, но я уже не верю, что они будут использованы. Ибо для этого необходим соответствующий уровень интеллектуального руководства и его способность заменить политиканство и цели личного эгоизма стремлением послужить Отечеству и собственному народу. Необходимо, чтобы кремлевское руководство было способно осознать ситуацию и потенциальные возможности России. Но трудно представить, что на этом уровне у нас появится фигура масштаба де Голля. Необходим высокий уровень доверия нации к кремлевскому руководству. Но трудно представить, что оно появится в ближайшее время. Вот почему оптимистический сценарий нашего развития мало реален» [1].

Этот прогноз, к счастью для нас, не сбывся. Экономисты-либералы все еще спорят, а возможен ли для России новый прорыв?

На деле этот прорыв в течение 20 последних лет уже происходит, хотя и на разных направлениях, и он становится все более неотвратимым.

Первый прорыв России

Первый прорыв, совершенный Россией, начался уже осенью 1999-го года. Он состоял в разгроме международного терроризма и сепаратизма, в укреплении единства страны. Терроризм был побежден на Северном Кавказе, в Чечне, на Дубровке в Москве, в Беслане и в Нальчике, и все попытки по его восстановлению были отбиты.

Параллельно с этим в России была восстановлена вертикаль власти и управления страной.

Второй прорыв России

Второй прорыв России (финансово-экономический) продолжался с 2000 до 2007 года. В этот период Россия вдвое увеличила свой ВВП в сравнении с 1998 годом. Упадок 1990-х годов преодолен, а зарплаты и пенсии стали выдавать вовремя. Было восстановлено и доверие народа к кремлевскому руководству. Была также восстановлена независимая внешняя политика России как на Востоке, так и на Западе. Россия сумела освободиться от огромных внешних государственных

долгов, накопленных за 15 лет, и сосредоточить значительные золотовалютные резервы – большие, чем когда-либо во времена Советского Союза.

Третий прорыв России

Выступая в разных аудиториях, лидер российских либералов А.Кудрин несколько раз заявлял, что в 2009–2018 г. Россия попала якобы в «застойную яму», в период стагнации, и прибавляла только 1% ежегодно в своем ВВП. Но это подход бухгалтера, а не политика. На самом деле в прошедшие 10 лет Россия совершила самый важный в своей еще недолгой истории стратегический прорыв и вернула себе статус великой мировой державы и великой военной державы, а это много важнее, чем лишний процент в ее ВВП. Российская экономика устояла против давления и санкций США и западных стран. Наши либералы говорят сегодня о «милитаризации» страны, о «бряцании оружием» и о ненужном стране «спасении сирийского диктатора». Но эти слова лишь отражают страх западных противников России, которых вполне устраивала именно слабая и немощная Россия.

Неточность и трудность прогнозов

В 1990-е годы не было недостатка в заявлениях об исключительности Америки, которая якобы избрана самой судьбой определять судьбы человечества. Еще в 2008 году известный американский футуролог Д.Фридман утверждал, что Россия уже никогда не станет великой державой, так как само время работает против нее. Что касается Китая, то его ждет в ближайшие 10–15 лет неизбежный и затяжной, глубокий внутренний кризис. И только развитие Америки – это аксиома [2].

И вот сегодня, в 2019 году, мы видим Россию уже великой мировой державой. Но мы видим также и возрождение против нее «холодной войны», даже более жесткой и циничной, чем та, что шла в 1950–1980 годы.

Возможен ли новый научно-технологический прорыв России?

В марте 2018 года В.Путин поставил задачу: Россия должна совершить новый научно-технологический прорыв и, по возможности, в самые кратчайшие исторические сроки. Это, конечно, трудная задача, хотя она уже была выполнена в стране по многим направлениям, и не только в производстве новых систем вооружения. Россия опередила

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПРОРЫВ?

другие страны в области атомной энергетики, в лазерных технологиях, в ледокольном флоте, в создании многих новых композитных материалов, а также некоторых двигателей. Российские ракеты до сих пор доставляют на МКС американских космонавтов. Этот список можно продолжить. Но и список новых систем и технологий, в которых Россия пока отстает, также весьма велик. Мы можем преодолеть этот недостаток, хотя для этого может понадобиться если и не 5, то 10–12 лет. Уже достигнутое страной военное могущество вполне обеспечивает и эти не слишком большие сроки. Но нужно определить и правильный курс, и стратегию прорыва, и обновить команду Российского корабля.

Сила и слабость России

Одной из важнейших особенностей России является то обстоятельство, что многие источники ее могущества (в долгосрочной перспективе) являются источником ее трудностей в ближнесрочной перспективе. Россия – самая большая по территории страна мира. Но это увеличивает все транспортные издержки и затрудняет хозяйственное освоение и сплочение ее территории. Велики транзитные возможности России между Западом и Востоком. Но очень важный для всех северный морской путь строится вот уже скоро целых 100 лет.

Сегодня в мире наступает Восток и отстывает Запад. И это рождает множество фобий, среди которых русофобия занимает одно из первых мест. Но именно сотрудничество со странами Востока поможет расширить и умножить то прорывное развитие России, за которым одни страны наблюдают с удивлением и враждебностью, а другие – с симпатией и надеждой.

II

Экономические модели для России

Новая ситуация в мировой экономике

В последние 20 лет положение дел в мировой экономике кардинально изменилось, но это не находит отражения ни во взглядах, ни в программах западных экономистов, ни в предложениях российских экологов, или так называемых младореформаторов из гайдаровского форума, или кудринского форума гражданских инициатив.

Еще в начале 2000 года США являлись лидером в мировом производстве, финансах и торговле, а также в инновациях и в ИТ-технологиях и всех новых видах бизнеса. Многим казалось, что это лидерство сохранится и весь XXI век. Но это положение дел в мире стало меняться под влиянием нескольких факторов.

Американские глобальные компании не побоялись еще в начале 2000-х годов начать перевод не только наиболее вредных и трудоемких производств, но и предприятий микроэлектронной промышленности в густонаселенные страны Азии и особенно в Китай с его дисциплинированной, трудолюбивой, но низкооплачиваемой рабочей силой. Только из США в Китай было переведено более 20 тысяч предприятий, из Англии и стран Западной Европы еще 5–6 тысяч. Все эти страны теряли рабочие места, но увеличивали доходы и прибыли.

Соединенные Штаты сумели создать лучшую в мире систему высшего образования, привлекательную для иностранных студентов. Таким путем шло выкачивание лучших умов из стран всего мира, в том числе и из России. Но не из Китая.

В последние 20 лет в американских вузах было подготовлено более 3,5 миллионов китайцев и более 80% из них вернулись на Родину (в том числе и дочь Си Цзиньпина). Но и оставшиеся в лабораториях и НИИ китайские молодые люди готовы вернуться на Родину, если их позовут. Все это было самым крупным вложением США в развитие Китая, который превзошел США и по производству промышленных товаров, и по ВВП, а также по паритету покупательской способности. Американская внешняя торговля сегодня дефицитна по всем направлениям: и с Китаем, и с Европой, и с Латинской Америкой, и с Россией. Она не столько производит, сколько покупает все нужные ей товары, а ее главным экспортным товаром стал доллар. Но и его уже очень сильно потеснило евро, а в ближайшем будущем им может стать юань.

Глобализация сегодня – это рычаг, который работает против Америки.

Россия пока еще слишком слаба в этом экономическом соревновании. Но она уже бросает вызов США в военно-политическом лидерстве, а эта сфера во многих случаях имеет решающее значение.

Экономическая модель развития России

Экономика России не может строиться ни по чикагским моделям, ни по японским, ни по китайским. Она должна быть основана на условиях и особенностях самой России. Создание новой отечественной экономики следует разделить на несколько этапов. Лишь схематически наметим главные из них.

Экономика первого этапа (очереди)

России не нужно начинать свое развитие с чистого листа, без ресурсов или резервов, как это приходилось делать многим другим странам. У нас есть опора и основа более надежная, чем во многих других странах. Это богатые сырьевые ресурсы (полезные ископаемые, лес), большие резервы пригодной для обработки земли, запасы пресной воды, мощный военно-промышленный комплекс, современная космическая отрасль, атомная энергетика, а кроме того, система среднего образования, способная обеспечить развитие высшего образования, и др.). Надо только определить правильный курс политики и найти разумных политиков.

Экономика второго этапа

Экономику первого этапа нужно поддерживать и развивать только в ее слабых звеньях и за счет ее собственных доходов. В основном на этих же доходах следует развивать и экономику второго этапа, или второй очереди. Так, например, Россия должна уменьшить поставки за границу сырой нефти, а расширять отечественную нефтепереработку и нефтехимию. Иначе говоря – поставлять за границу бензин, керосин, дизельное топливо, пластмассовую продукцию, масла и все то, что можно произвести из нефти.

Мы должны развивать отечественную газохимию, углехимию, газификацию угля и т.д. Россия должна сократить до предела продажу круглого леса и жестоко карать за его незаконную вырубку и контрабанду. Напротив, необходимо максимально расширить производство пиломатериалов, фанеры, целлюлозы, брикетов, бумаги и бумажных изделий. Мы должны занимать первые места и по производству мебели, деревянных домов и всех других изделий из дерева.

Все металлоемкие производства: трубы, рельсы, колеса, листовое железо, кабели, простой инструмент – должны производиться в России и составлять ведущую позицию не в импорте, а в ее экспорте.

Российские удобрения должны идти на российские поля, а все виды российской электроэнергетики должны быть основаны на российских ресурсах. Большие земляные ресурсы страны должны служить российскому сельскому хозяйству и лишь иногда сдаваться в аренду на выгодных условиях. По всем позициям, кроме тропических культур, Россия может в достатке кормить свое население и поставлять свои продукты в многонаселенные страны Азии.

На основе своей военной индустрии, космической отрасли и атомного машиностроения Россия может и должна развивать десятки сложных гражданских отраслей: судостроение, авиастроение, приборостроение, оптику, лазерные технологии, навигацию, геологоразведку, медицинскую технику и др.

Водные ресурсы страны должны быть использованы для развития российского рыболовства, рыбоводства и т.д. Россия должна с использованием новых технологий и на коммерческой основе построить водоводы в страны Центральной, Средней Азии для снабжения стран, страдающих от нехватки воды. Для многих стран этого региона вода становится не менее важной, чем нефть (Узбекистан, Ирак, Израиль, Сирия, Иран и др.).

Экономика третьего этапа

Советский Союз отставал от других стран в развитии легкой промышленности, в производстве домашней техники. Конечно, и в этих отраслях часть производства Россия должна брать на себя. Но в остальных случаях нам надо полагаться на импорт или на создание у себя иностранных или совместных предприятий. То же самое будет происходить во многих отраслях машиностроения, станкостроения и фармацевтики. Особое положение сложилось в микроэлектронике, где Россия отстала от лидеров в этой отрасли на 20–30 лет. Здесь вся бытовая и массовая электроника по-прежнему должна импортироваться из Китая, Южной Кореи, Индии или Тайваня. Однако электроника для военных нужд, для банков и АЭС, для железных дорог и всех стратегических объектов должна быть отечественного производства и содержать необходимые защитные устройства. И так должно быть во всех случаях, где безопасность важнее дешевизны.

Региональные модели экономики

В зависимости от природных условий и руководства должны быть допущены и региональные модели экономики. В современной России слишком много небольших и слабых регионов – их вдвое больше, чем областей в РСФСР в 1934 году. Их разукрупнение определялось в 1935 и в 1992 годах не экономическими, а политическими причинами. Сегодня эти регионы нуждаются в экономической интеграции во многом по типу межобластных совнархозов времен 1958 года. Может быть создан, например, такой орган экономической интеграции, который объединял бы экономику слабых Псковской, Смоленской, Новгородской и Владимирской областей с более сильной экономикой Брянской, Липецкой или Белгородской областей. Эта проблема должна быть тщательно изучена.

Многоукладность российской экономики

Не в результате разного рода концепций, а в силу конкуренции и рынка в России сложилась многоукладная и многоуровневая экономика. Это государственный сектор, частный сектор, иностранный сектор, смешанный государственно-частный сектор, сектор муниципального социализма, кооперативный сектор, народные предприятия, индивидуальное предпринимательство и натуральное хозяйство. Есть сверхкрупные предприятия, крупные, средние и малые, мелкие и микропредприятия. Все эти предприятия и даже теневые должны поддерживаться. Кроме, разумеется, криминального бизнеса, доля которого все еще велика.

Библиографический список

1. Моисеев Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора // Свободная мысль. 1999. №5. С.20.
2. Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. 336 с.

Наши авторы

Бызов Леонтий Георгиевич

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Федерального исследовательского социологического центра
(Институт социологии РАН)

Новосельский Сергей Сергеевич

преподаватель кафедры истории и теории исторической науки,
факультет истории, политологии и права РГГУ

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ,
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Фельдман Давид Маркович

доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ

Солдатенко Валерий Федорович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института политических
и этнонациональных исследований им. И.Ф.Кураса
Национальной Академии Наук Украины (НАНУ),
член-корреспондент НАН Украины

Морозова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Соловьев Кирилл Андреевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Захаров Олег Игоревич

кандидат исторических наук,
преподаватель Лицея НИУ «Высшая школа экономики»

Медведев Рой Александрович

кандидат педагогических наук, историк, писатель

Our authors

Byzov Leonty Georgievich

Ph.D. in economics, leading researcher at the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences of the Federal research sociological center

Novoselsky Sergei Sergeevich

Lecturer, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities, leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Fel'dman David Markovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities

Soldatenko Valerii Fedorovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Scholar of the Institute of Political and Ethnonational Studies Research named after I.F.Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine, corresponding member of NAS of Ukraine

Morozova Alla Yul'evna

Ph.D., historian, Research Fellow, Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Solov'ev Kirill Andreevich

D.Sci., historian, senior researcher of Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

Zacharov Oleg Igorevich

Ph.D., historian, lecturer at the National Research University Higher School of Economics

Medvedev Roy Aleksandrovich

Ph.D., pedagogical sciences, historian, writer

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2019.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54

E-mail: russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 30.06.2019. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11¼ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

3.2019 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Leonty Byzov

The Dynamics of Ideological and Political Preferences
for 25 Years. Three Stages of Transformation
of Social Consciousness (the end) _____ **6**

Pages of History

Sergei Novoselsky

Power Against Revolution: Projects Power Overcoming
the 1905 Revolutionary Crisis in Russia _____ **28**

Oksana Kiyanskaya, David Fel'dman

Typology of Unity: the Literary Community
of the Late XIX – Early XX Centuries _____ **54**

Labels and Myths

Valerii Soldatenko

Christians Rakovsky in the Revolutionary Events
in Ukraine (1918–1923): the Search
for Modern Scientific Accents (the end) _____ **86**

Resources of Nation

Alla Morozova

The Proletarian University:
Ideas and Practice _____ **106**

Russia in the World

Kirill Solov'ev

State and Power: Past and Perspectives
in the Public Thought
of Russian Emigré _____ **132**

Topical Archive

Oleg Zacharov

«I'm Pretty Sure That the Russian People
Want Peace and Security No Less
Than We, and Maybe
Even More Passionately» _____ **162**

Readers' Letters

Roy Medvedev

Is a Breakthrough Possible? _____ **176**

РОССИЯ XXI